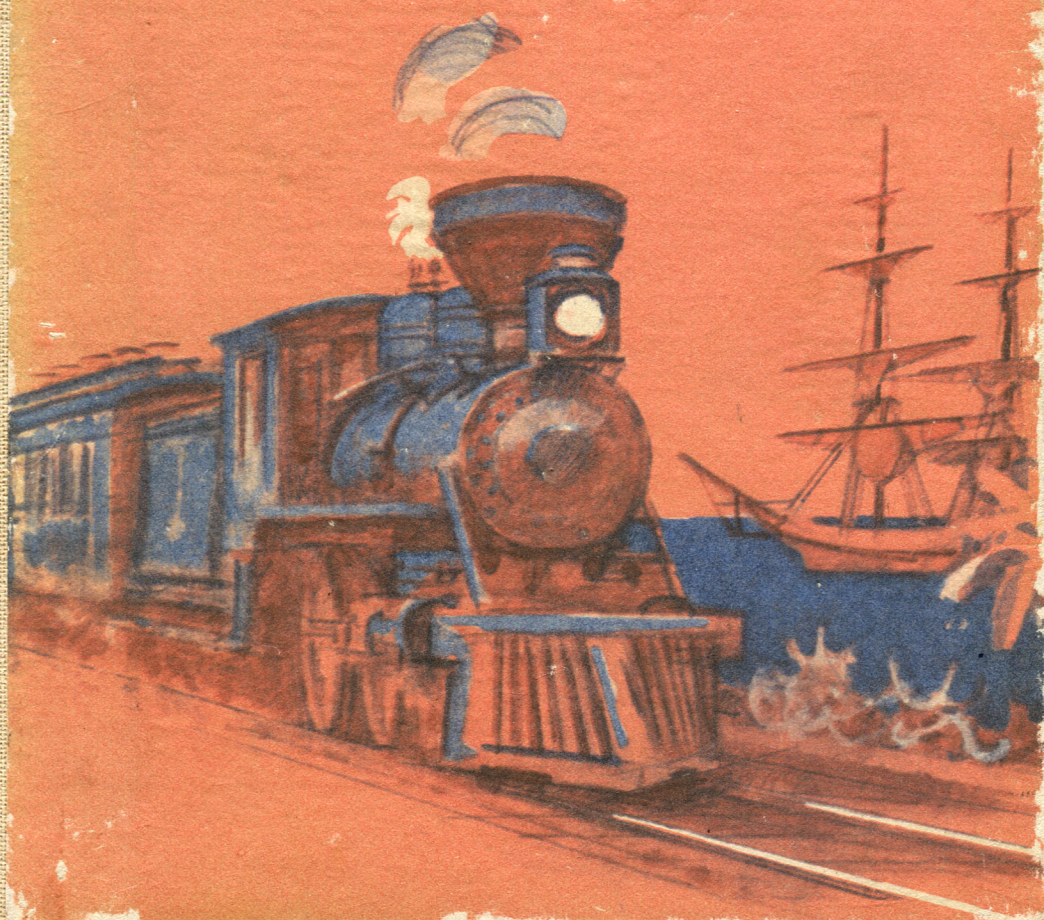

Жюль Верн
ВОКРУГ СВЕТА
В ВОСЕМЬДЕСЯТ
ДНЕЙ

Скан и обработка:

krestik

Жюль Верн

ВОКРУГ СВЕТА
В ВОСЕМЬДЕСЯТ
ДНЕЙ

ПЕТРОЗАВОДСК «КАРЕЛИЯ» 1983

И (Фр.)
В35

Перевод с французского
Н. С. ГАБИНСКОГО
под редакцией
Я. З. ЛЕСЮКА

Художник П. И. ЛУГАНСКИЙ

В **4803020000—071**
М127(03)—83 без объявл.

© «Карелия», 1983, иллюстрации

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

где заключается взаимный договор, по которому Паспарту поступает в услужение к Филеасу Фоггу

В доме номер семь на Сэвиль-роу, Берлингтон Гарденс,— в том самом доме, где в 1814 году умер Шеридан,— в 1872 году проживал Филеас Фогг, эсквайр; хотя этот человек всячески старался не привлекать к себе внимания, он слыл одним из наиболее оригинальных и примечательных членов лондонского Реформ-клуба.

Таким образом, одного из самых знаменитых ораторов, украсивших Англию своим талантом, сменил упомянутый Филеас Фогг, человек загадочный, о котором было известно лишь то, что он принадлежал к высшему английскому обществу, был прекрасно воспитан и необычайно красив.

Говорили, что он походил на Байрона (однако только лицом; обе ноги у него были здоровы), но то был Байрон, носивший усы и бакенбарды, Байрон бесстрастный, который мог бы прожить, не старея, целую тысячу лет.

Филеас Фогг, несомненно, был англичанином, но, по всей вероятности, не был уроженцем Лондона. Его никогда не видели ни на бирже, ни в банке, ни в одной из контор Сити. Ни причалы, ни доки

Лондона никогда не принимали корабля, который принадлежал бы судовладельцу Филеасу Фоггу. Имя этого джентльмена не числилось в списках членов какого-либо правительственного комитета. Не значилось оно также ни в коллегии адвокатов, ни в корпорациях юристов — одном из «иннов» — Темпля, Линкольна или Грея. Никогда не выступал он ни в Канцлерском суде, ни в Суде королевской скамьи, ни в Шахматной палате, ни в Церковном суде. Он не был ни промышленником, ни негоциантом, ни купцом, ни землевладельцем. Он не имел отношения ни к «Британскому королевскому обществу», ни к «Лондонскому институту», ни к «Институту прикладного искусства», ни к «Институту Рассела», ни к «Институту права», ни, наконец, к «Институту наук и искусств», состоящему под высоким покровительством ее величества королевы. Не принадлежал он также ни к одному из тех многочисленных обществ, которые так распространены в столице Англии,— начиная от «Музыкального» и кончая «Энтомологическим обществом», основанным, главным образом, в целях истребления вредных насекомых.

Филеас Фогг был членом Реформ-клуба, и только.

Тому, кто удивится, каким образом этот столь таинственный джентльмен оказался членом такой почтенной ассоциации, надлежит ответить: «Он избран по рекомендации братьев Бэринг, у которых ему открыт текущий счет». Это обстоятельство и тот факт, что его чеки исправно и незамедлительно оплачивались, придавали ему в обществе вес.

Был ли Филеас Фогг богат? Несомненно. Но как он нажил свое состояние? На этот вопрос не могли ответить даже самые осведомленные люди, а мистер Фогг был последним, к кому уместно было бы обратиться за подобными сведениями. Он не отличался расточительностью, но, во всяком случае, не был скуп, ибо, когда требовались деньги для осуществления какого-либо благородного, великодушного или полезного дела, он, молча и обычно скрывая свое имя, приходил на помощь.

Словом, трудно было себе представить менее общительного человека. Он говорил ровно столько, сколько было необходимо, и чем молчаливее он был, тем таинственнее казался. А между тем жизнь его проходила у всех на виду; но он с такой математической точностью делал изо дня в день одно и то же, что неудовлетворенное воображение поневоле искало себе пищи за пределами этой видимой жизни.

Путешествовал ли он? Весьма возможно, ибо никто лучше его не знал карты земного шара. Не было такого пункта, даже весьма отдаленного, о котором он не имел бы самых точных сведений. Не раз удавалось ему с помощью нескольких кратких, но ясных замечаний разрешать бесконечные споры, которые велись в клубе по поводу пропавших или заблудившихся путешественников. Он

указывал наиболее вероятный исход дела, и развитие последующих событий неизменно подтверждало его предположения, словно Филеас Фогг был одарен способностью ясновидения. Казалось, этот человек успел побывать всюду, во всяком случае — мысленно.

А между тем было достоверно известно, что Филеас Фогг уже много лет не покидал Лондона. Те, кто имел честь знать его несколько ближе, утверждали, что его можно встретить только по дороге из дома в клуб или обратно, и нигде больше. Времяпрепровождение Филеаса Фогга в клубе сводилось к чтению газет и игре в вист. Он часто выигрывал в этой молчаливой, столь подходившей к его натуре игре, но выигрыш никогда не оставался у него в кошельке, а составлял значительную долю в его пожертвованиях на благотворительные цели. Уместно заметить, что мистер Фогг вообще играл не ради выигрыша. Игра для него была состязанием, борьбой с затруднениями, но борьбой, не требующей ни движения, ни перемены места, а потому не утомительной. А это соответствовало его характеру.

Насколько известно, Филеас Фогг был холост и бездетен, — что случается даже с самыми почтенными людьми, — и не имел ни родных, ни друзей, — что уже случается поистине редко. Он жил одиноко в своем доме на Сэвиль-роу, куда никто не был вхож. Его личная жизнь никогда не являлась предметом обсуждения. Ему прислуживал лишь один человек. Завтракал и обедал он в клубе в точно установленные часы, всегда в одном и том же зале и за одним и тем же столиком, не угощая своих партнеров по игре и не приглашая никого из посторонних. Ровно в полночь он возвращался домой, никогда не оставаясь ночевать в прекрасных комфортабельных комнатах, которые Реформ-клуб предоставляет для этой цели своим членам. Из двадцати четырех часов десять он проводил дома — либо в постели, либо за туалетом. Если уж Филеас Фогг прогуливался, то неизменно мерил своими ровными шагами приемный зал клуба, выстланный мозаичным паркетом, или расхаживал по круглой галерее, увенчанной куполом из голубого стекла, покоившемся на двадцати ионических колоннах красного порфира. Кухни, кладовые, буфеты, рыбные садки и молочные клуба снабжали его к завтраку и обеду самой лучшей провизией; клубные лакеи — безмолвные, торжественные фигуры в черных фраках и башмаках на войлочной подошве — прислуживали ему, подавая кушанья в особой фарфоровой посуде; стол был покрыт восхитительным саксонским полотном, сервирован старинным хрусталем, предназначенным для шерри, портвейна или кларета, настоящего на корице и гвоздике; и, наконец, к столу подавали лед — гордость клуба, — придававший приятную свежесть этим напиткам: он с большими затратами доставлялся в Лондон прямо с американских озер.

Если человека, ведущего подобную жизнь, именуют чудачком, то следует признать, что чудачество вещь весьма приятная!

Дом на Сэвиль-роу не блистал роскошью, но отличался полным комфортом. К тому же при неизменных привычках хозяина обязанности прислуги были несложны. Однако Филеас Фогг требовал от своего единственного слуги исключительной точности и аккуратности. Как раз в тот день, 2 октября, Филеас Фогг рассчитал своего слугу Джемса Форстера, который провинился в том, что принес своему хозяину воду для бритья, нагретую до восьмидесяти четырех градусов, по Фаренгейту вместо восьмидесяти шести; и теперь он ждал нового слугу, который должен был явиться между одиннадцатью часами и половиной двенадцатого утра.

Филеас Фогг плотно сидел в кресле, сдвинув пятки, как солдат на параде; опершись руками на колени, выпрямившись и подняв голову, он следил за движением стрелки стоявших на камине часов, которые одновременно показывали часы, минуты, секунды, дни недели, числа месяца и год. Ровно в половине двенадцатого мистер Фогг, следуя своей ежедневной привычке, должен был выйти из дому и отправиться в Реформ-клуб.

В эту минуту раздался стук в дверь маленькой гостиной, где находился Филеас Фогг.

Появился уволенный Джемс Форстер.

— Новый слуга, — доложил он.

В комнату с поклоном вошел малый лет тридцати.

— Вы француз и вас зовут Джон? — спросил Филеас Фогг.

— Жан, с вашего позволения, — ответил вошедший, — Жан Паспарту¹. Прозвище это мне дали давно, и оно доказывает, что я способен выпутаться из любого затруднения. Я считаю себя честным человеком, сударь, но, говоря по правде, перепробовал немало профессий. Я был бродячим певцом, наездником в цирке, вольтижировал, как Леотар, и танцевал на проволоке, как Блонден; затем, чтобы лучше использовать свои способности, сделался преподавателем гимнастики и, наконец, был в Париже старшим пожарным. В моем послужном списке числится несколько недурных пожаров. Но вот уже пять лет, как я покинул Францию и, чтобы вкусить прелести домашней жизни, служу в Англии лакеем. Оставшись без места и узнав, что мистер Филеас Фогг самый аккуратный человек и самый большой домовосед в Соединенном королевстве, я прихожу сюда в надежде зажить спокойно и позабыть о том, что меня зовут Паспарту...

— Вы мне подходите, Паспарту, — ответил джентльмен. — Мне вас рекомендовали, и у меня о вас хорошие сведения. Вам известны мои условия?

¹ От франц. *passer partout*, буквально: проходящий всюду; здесь: пролазая, ловкий человек.

— Да, сударь.
— Хорошо. Сколько времени на ваших часах?
— Одиннадцать часов двадцать две минуты,— ответил Паспарту, извлекая из недр жилетного кармана громадные серебряные часы.

— Ваши отстают,— заметил мистер Фогг.

— Простите, сударь, это невозможно.

— Они отстают на четыре минуты. Но это несущественно. Достаточно установить расхождение. Итак, начиная с этого мгновения — то есть с одиннадцати часов двадцати девяти минут утра среды, второго октября, тысяча восемьсот семьдесят второго года — вы у меня на службе.

Сказав это, Филеас Фогг поднялся, взял левой рукой шляпу, привычным движением надел ее на голову и вышел из комнаты, не прибавив ни слова.

Паспарту слышал, как хлопнула наружная дверь: это вышел его новый хозяин; затем она хлопнула второй раз: это ушел его предшественник Джемс Форстер.

Паспарту остался один в доме на Сэвиль-роу.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

где Паспарту убеждается, что нашел наконец свой идеал

— Честное слово,— промолвил несколько опешивший Паспарту,— таких живых молодцов, как мой новый хозяин, я встречал только у мадам Тюссо!

Здесь уместно пояснить, что «молодцы» мадам Тюссо — это восковые фигуры, весьма популярные в Лондоне, которым, право же, недостает лишь дара речи, чтобы быть живыми.

За несколько минут разговора с Филеасом Фоггом Паспарту успел хотя и бегло, но внимательно разглядеть своего будущего хозяина. То был мужчина лет сорока, высокого роста, с красивым и благородным лицом, украшенным белокурыми усами и бакенбардами; на лбу — ни одной морщины, цвет лица матовый, зубы безукоризненные. Его внешность даже не портила некоторая дородность; казалось, он в высшей степени обладал тем, что физиономисты называют «спокойствием в движении» — свойством, присущим людям, которые больше делают, чем говорят. Невозмутимый, флегматичный, с ясным, бесстрастным взглядом, он представлял собою совершенный тип хладнокровного англичанина: такие люди нередко встречаются в Соединенном королевстве, и Анжелика Кауфман чудесно, хотя и несколько академично, воспроизводит их в своих рисунках. Во всех жизненных обстоятельствах такой человек остается тем же уравновешенным существом, все части тела

которого правильно пригнаны, столь же точно выверенным, как хронометр фирмы «Лерой» или «Эрншоу». И действительно, Филеас Фогг олицетворял собою точность, что было ясно по «выражению его рук и ног», ибо у человека, как и у животного, конечности являются лучшими выразителями его страстей.

Филеас Фогг принадлежал к числу тех математически точных людей, которые никогда не спешат и всегда поспевают вовремя, экономя при этом каждое движение. Он никогда не делал лишнего шага и шел всегда кратчайшим путем. Не позволяя себе глядеть по сторонам, он не допускал ни одного лишнего жеста. Его никогда не видели ни возбужденным, ни подавленным. То был самый неторопливый и одновременно самый аккуратный человек на свете. Само собою понятно, что такой человек жил одиноко и, если так можно выразиться, вне всяких общественных связей. Он знал, что в жизни поневоле приходится, как говорят, тереться между людей, а так как трение замедляет движение, то он держался в стороне от всех.

Что касается Жана, по прозвищу Паспарту, истого парижанина, парижанина до мозга костей, то он уже пять лет жил в Англии в должности слуги и тщетно искал себе в Лондоне хозяина, к которому мог бы привязаться.

Паспарту не походил ни на одного из тех Фронтенов или Маскарилей с самоуверенным и холодным взором, которые ходят, задрав нос и подняв плечи, и ведут себя, как бесстыжие наглецы. Нет! Паспарту был честный малый, с приветливым лицом и пухлыми губами, всегда готовыми что-нибудь ответить или кого-нибудь поцеловать, кроткий, услужливый, со славной круглой головой, которую хотелось бы видеть на плечах друга. У него были голубые глаза, румяные щеки, такие толстые, что он мог любоваться собственными скулами; обладая высоким ростом, широкой грудью и мощной мускулатурой, он отличался геркулесовой силой, которую развил еще в молодости постоянными упражнениями. Его темные волосы всегда были всклокочены. Если скульпторы античной древности знали восемнадцать способов укладывать волосы Миневры, то Паспарту знал лишь один способ управляться со своей шевелюрой: два-три взмаха гребешком — и прическа готова.

Сказать заранее, увидится ли этот порывистый малый с Филеасом Фоггом, не позволяло простое благоразумие. Станет ли Паспарту тем безупречно аккуратным слугой, какой требовался его хозяину? Это можно было бы проверить только на опыте. Проведя, как известно, довольно бурную молодость, Паспарту жаждал теперь покоя. Наслышавшись об английской методичности и о вошедшем в поговорку бесстрастии английских джентльменов, он отправился искать счастья в Англию. Но до сих пор судьба ему не благоприятствовала. Он нигде не мог прочно обосноваться,

хотя сменил уже десяток мест. Всюду хозяева были своенравны, неровны в обращении, искали приключений или часто переезжали с места на место. Это не могло удовлетворить Паспарту. Его последний хозяин, член парламента, молодой лорд Лонгсферри, после ночей, проведенных в «устричных залах» Гай-Маркета, весьма часто возвращался домой на плечах полисменов. Паспарту, желая прежде всего сохранить уважение к своему хозяину, рискнул сделать ему несколько почтительных замечаний, которые были приняты неодобрительно, и Паспарту покинул его. Тем временем он узнал, что Филеас Фогг, эсквайр, ищет слугу. Он навел справки об этом джентльмене. Человек, который ведет столь размеренный образ жизни, всегда ночует у себя, не путешествует, никогда не отлучается из дому даже на сутки, весьма устраивал Паспарту. Он отправился к Филеасу Фоггу и поступил на службу при уже известных читателю обстоятельствах.

Итак, часы пробили половину двенадцатого. Паспарту находился один в доме на Сэвиль-роу. Он тотчас же начал осмотр своего нового жилища и обозрел его полностью — от чердака до подвала. Ему понравился этот чистый, хорошо устроенный, добропорядочный, строгий, пуританский дом. Он походил на раковину улитки, но на раковину, освещаемую и отапливаемую газом: углеводород служил здесь для всех нужд отопления и освещения. Паспарту без труда нашел на третьем этаже предназначенную ему комнату. Она ему понравилась. С помощью электрических звонков и переговорных трубок она сообщалась с комнатами второго и первого этажей. На камине стояли электрические часы, соединенные с часами в спальне Филеаса Фогга, и оба маятника ударили одновременно — в одну и ту же секунду. «Это как раз по мне», — повторял про себя Паспарту.

В своей комнате, над часами, он заметил приколотый к стене листок бумаги. Это было расписание его ежедневных обязанностей. Паспарту прочел его. Здесь было подробно указано все, что требовалось от слуги с восьми часов утра, когда Филеас Фогг вставал, и до половины двенадцатого, когда он выходил из дому и отправлялся завтракать в Реформ-клуб: чай с поджаренным хлебом — в восемь часов двадцать три минуты, вода для бритья — в девять часов тридцать семь минут, без двадцати десять — прическа и т. п. И далее, с половины двенадцатого утра до полуночи — времени, когда пунктуальный джентльмен ложился, — все было расписано, предусмотрено, упорядочено. Паспарту с удовольствием перечитал это расписание и стал заучивать его наизусть.

Что касается гардероба джентльмена, то он был прекрасно подобран и содержался в превосходном состоянии. Каждая пара брюк, фрак или жилет имели порядковый номер, отмеченный во входящем или исходящем реестре, с указанием даты, когда,

в зависимости от сезона, их следовало надевать. Так же образцово содержалась и обувь.

Словом, этот дом на Сэвиль-роу — храм беспорядка во времена знаменитого, но беспутного Шеридана — был теперь комфортабельно обставлен и свидетельствовал о полном достатке. В доме не было ни библиотеки, ни книг, ибо мистер Фогг в них не нуждался: Реформ-клуб предоставлял в распоряжение своих членов две библиотеки, в одной находились книги по изящной словесности, в другой — по вопросам права и политики. В спальне Филеаса Фогга стоял нескороаемый шкаф средней величины, который прекрасно защищал хранившиеся в нем ценности и от пожара и от воров. В доме не было никакого оружия — ни охотничьих, ни военных принадлежностей. Все указывало на самый мирный образ жизни хозяина.

Рассмотрев в мельчайших подробностях свое новое жилище, Паспарту потер руки, улыбнулся во всю ширь своего лица и радостно произнес:

— Это мне нравится! Это как раз по мне! Мы отлично сговоримся с мистером Фоггом. Какой домосед! Настоящее воплощение точности! Не человек, а машина! Ну что ж, я ничего не имею против того, чтоб служить машине.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ,

где завязывается разговор, который может дорого обойтись Филеасу Фоггу

Филеас Фогг вышел из своего дома на Сэвиль-роу в половине двенадцатого и, сделав пятьсот семьдесят пять шагов правой ногой и пятьсот семьдесят шесть левой, достиг Реформ-клуба; постройка этого величественного здания в Пэль-Мэль стоила не менее трех миллионов.

Филеас Фогг направился прямо в столовую, все девять окон которой выходили в прекрасный сад; осень уже позолотила в нем деревья. Он занял свое обычное место за столиком, на котором уже стоял его прибор. Завтрак состоял из закусок, отварной рыбы, приправленной отменным соусом «ридинг», кровавого ростбифа с грибной подливкой, пирога с ревенем и крыжовником и куска честерского сыра; все это было залито несколькими чашками превосходного чая, выраженного специально по заказу Реформ-клуба.

В двенадцать сорок семь наш джентльмен поднялся и прошел в большой салон — роскошную комнату, увешанную картинами в дорогих рамах. Там слуга подал ему свежий номер газеты «Таймс», и Филеас Фогг старательно разрезал его листы, выказав при этом сноровку, свидетельствующую о давней привычке к по-

добной весьма сложной операции. Чтение этой газеты заняло Филеаса Фогга до трех часов сорока пяти минут; последовавшее за этим изучение «Стандарта» продолжалось до обеда. Обед этот походил на завтрак и отличался от него лишь прибавлением «королевского британского соуса».

Без двадцати шесть наш джентльмен возвратился в большой салон и погрузился в чтение «Морнинг кроникл».

Получасом позднее несколько членов Реформ-клуба появились в зале и подошли к камину, в котором пылал огонь. Это были обычные партнеры мистера Филеаса Фогга, такие же, как он, заядлые игроки в вист: инженер Эндрю Стюарт, банкиры Джон Сэлливан и Сэмюэль Фаллентин, пивовар Томас Флэнаган и Готье Ральф, один из администраторов Английского банка,— все люди богатые и пользовавшиеся почетом даже в этом клубе, среди членов которого встречаются промышленные и финансовые тузы.

— Ну, Ральф, как обстоят дела с кражей? — спросил Томас Флэнаган.

— Что ж, банку, видимо, придется проститься со своими деньгами,— заметил Эндрю Стюарт.

— А я, наоборот, надеюсь, что мы все же задержим вора,— возразил Готье Ральф.— Мы послали ловких полицейских агентов и в Америку и в Европу — во все главнейшие портовые города, так что этому господину трудно будет ускользнуть.

— Так, значит, приметы вора известны? — спросил Эндрю Стюарт.

— Прежде всего это не вор,— серьезно ответил Готье Ральф.

— Как! Молодчик, стащивший пятьдесят пять тысяч фунтов стерлингов банковыми билетами, не вор?!

— Нет,— повторил Готье Ральф.

— Значит, это делец? — спросил Джон Сэлливан.

— «Морнинг кроникл» уверяет, что это — джентльмен.

Слова эти принадлежали Филеасу Фоггу, голова которого поднялась над ворохом наваленных вокруг него газет. Он поздоровался со своими партнерами, те в свою очередь приветствовали его.

Событие, о котором шла речь и о котором с таким увлечением писали все газеты Соединенного королевства, произошло три дня назад — 29 сентября. Пачка банковых билетов на огромную сумму — пятьдесят пять тысяч фунтов стерлингов — была похищена с конторки главного кассира Английского банка.

В ответ на удивленные вопросы, как могла произойти подобная кража, помощник управляющего банком Готье Ральф ограничивался следующим ответом: «В эту минуту кассир вписывал в приход поступление в три шиллинга и шесть пенсов, а за всем ведь не уследишь».

Чтобы обстоятельства этого дела стали более понятными, уместно заметить, что замечательное учреждение, именуемое «Английским банком», самым ревностным образом оберегает достоинства своих клиентов и поэтому не имеет ни охраны, ни даже решеток. Золото, серебро, банковые билеты открыто лежат повсюду и предоставлены, так сказать, «на милость» первого встречного. Разве допустимо подвергать сомнению честность своих посетителей? Один из самых внимательных наблюдателей английских нравов рассказывал даже о таком случае. Как-то раз в одном из залов банка его заинтересовал лежавший на конторке золотой слиток весом в семь или восемь фунтов; он взял этот слиток, осмотрел его и передал соседу, тот — другому, так что слиток, переходя из рук в руки, исчез в глубине темного коридора и вернулся на свое место лишь через полчаса, причем кассир не поднял даже головы.

Но 29 сентября дело происходило несколько иначе. Пачка банковых билетов не вернулась на свое место, и когда великолепные часы, висевшие в отделе чековых операций, пробили пять часов — время окончания работы, — Английскому банку ничто не оставалось, как внести эти пятьдесят пять тысяч фунтов стерлингов в графу убытков.

Когда факт кражи был должным образом установлен, сыщики отобранные из числа наиболее ловких агентов сыскаго отделения, были разосланы в крупнейшие порты — Ливерпуль, Глазго, Гавр, Суэц, Бриндизи, Нью-Йорк и другие; в случае удачи им была обещана премия в две тысячи фунтов стерлингов и сверх того пять процентов с найденной суммы. В ожидании сведений, которые полиция надеялась получить в результате начавшегося следствия, сыщикам было поручено тщательно наблюдать за всеми прибывающими и отъезжающими путешественниками.

Как утверждала газета «Морнинг кроникл», можно было предположить, что лицо, совершившее кражу, не входило ни в одну из воровских шаек Англии. В тот самый день, 29 сентября, многие видели, как некий хорошо одетый джентльмен почтенного вида и с прекрасными манерами расхаживал в зале выплат, где произошла кража. Следствие позволило довольно точно установить приметы этого джентльмена, и они тотчас же были разосланы всем сыщикам Соединенного королевства и континента. Некоторые проницательные умы — и в числе их Готье Ральф — были твердо уверены, что вору не ускользнуть.

Легко себе представить, что это происшествие находилось в центре внимания Лондона и всей Англии. О нем горячо спорили, обсуждали возможный успех или неудачу действий столичной полиции. Не удивительно поэтому, что и среди членов Реформ-клуба велись подобные разговоры, тем более что один из собеседников был помощником управляющего банком.

Достопочтенный Готье Ральф несколько не сомневался в результатах поисков, считая, что назначенная премия должна изрядно подстегнуть рвение и сообразительность агентов. Но его коллега Эндрю Стюарт далеко не разделял этой уверенности. Спор продолжался и за карточным столом; Стюарт сидел против Флэнагана, Фаллентин — против Филеаса Фогга. Во время игры партнеры не разговаривали, но между робберами прерванная беседа возобновлялась с еще большим жаром.

— Я утверждаю,— сказал Эндрю Стюарт,— что все шансы на стороне вора; это, без сомнения, ловкий малый.

— Ну нет! — ответил Ральф. — Нет ни одной страны, где бы он мог укрыться.

— Как это так?

— Куда ж ему, по-вашему, поехать?

— Не знаю,— ответил Эндрю Стюарт,— но, во всяком случае, мир велик.

— Когда-то был велик,— вполголоса заметил Филеас Фогг. — Снимите! — добавил он, протягивая колоду Томасу Флэнагану.

На время роббера спор затих. Но вскоре Эндрю Стюарт возобновил его.

— Что значит: «когда-то»? — спросил он. — Или земля, ненароком, уменьшилась?

— Без сомнения,— ответил Готье Ральф. — Я согласен с мистером Фоггом. Земля уменьшилась, раз ее можно теперь объехать в десять раз быстрее, чем сто лет назад. А это в данном случае ускорит поиски.

— И облегчит вору бегство!

— Мистер Стюарт, ваш ход! — произнес Филеас Фогг.

Но недоверчивый Стюарт не успокоился и после окончания партии снова возобновил разговор.

— Надо признать, мистер Ральф,— сказал он,— вы избрали действительно забавный способ доказательства того, что земля уменьшилась! Итак, раз ее теперь можно объехать в три месяца...

— Всего в восемьдесят дней,— заметил Филеас Фогг.

— Действительно, господа,— подхватил Джон Сэлливан,— в восемьдесят дней, с тех пор как открыто движение по линии между Роталем и Аллахабадом, по Великой индийской железной дороге; вот расчет, составленный «Морнинг кроникл»:

Из Лондона в Суэц, через Мон-Сенис и Бриндизи,

поездом и пакетботом	7 дней
Из Суэца в Бомбей пакетботом	13 дней
Из Бомбея в Калькутту поездом	3 дня
Из Калькутты в Гонконг (Китай) пакетботом	13 дней
Из Гонконга в Иокогаму (Япония) пакетботом	6 дней

Из Иокогамы в Сан-Франциско пакетботом	22 дня
Из Сан-Франциско в Нью-Йорк поездом	7 дней
Из Нью-Йорка в Лондон пакетботом и поездом	9 дней

Итого — 80 дней.

— Да, восемьдесят дней! — воскликнул Эндрю Стюарт, в расеянности сбрасывая козырь. — Но здесь не учитывается ни дурная погода, ни встречные ветры, ни кораблекрушения, ни железнодорожные катастрофы и тому подобное.

— Все это учтено, — ответил Филеас Фогг, делая ход, ибо на сей раз спор продолжался уже во время игры.

— Даже если индусы или индейцы разберут рельсы? — горячился Эндрю Стюарт. — Если они остановят поезд, разграбят вагоны, скальпируют пассажиров?

— Все это учтено, — повторил Филеас Фогг и объявил, бросая карты на стол: — Два старших козыря!

Эндрю Стюарт, чья очередь была сдавать, собрал карты, говоря:

— Теоретически вы правы, мистер Фогг, но на практике...

— И на практике тоже, мистер Стюарт.

— Хотел бы я посмотреть, как это у вас получится!

— Это от вас зависит. Поедьте вместе.

— Сохрани меня небо! — вскричал Стюарт. — Но бьюсь об заклад на четыре тысячи фунтов, что такое путешествие при существующих условиях невозможно.

— Напротив, вполне возможно, — возразил мистер Фогг.

— Ну что ж, совершите его!

— Вокруг света в восемьдесят дней?

— Да!

— Охотно.

— Когда?

— Немедленно.

— Это безумие! — воскликнул Эндрю Стюарт, которого начало раздражать упрямство партнера. — Давайте лучше продолжать игру!

— В таком случае пересдайте, — заметил Филеас Фогг, — в вашей сдаче ошибка.

Эндрю Стюарт лихорадочно собрал карты; затем вдруг бросил их на стол:

— Хорошо, мистер Фогг, я ставлю четыре тысячи фунтов!

— Дорогой Стюарт, — сказал Фаллентин, — успокойтесь. Ведь это не всерьез!

— Когда я держу пари, то это всегда всерьез, — ответил Эндрю Стюарт.

— Идет! — сказал мистер Фогг. Затем, обернувшись к своим партнерам, добавил: — У меня лежит двадцать тысяч фунтов стерлингов в банке братьев Бэринг. Я охотно рискну этой суммой...

— Двадцать тысяч фунтов! — воскликнул Джон Сэлливан. — Двадцать тысяч фунтов, которые вы можете потерять из-за непредвиденной задержки!

— Непредвиденного не существует, — спокойно ответил Филеас Фогг.

— Мистер Фогг, но ведь срок в восемьдесят дней — срок минимальный.

— Хорошо использованный минимум вполне достаточен.

— Но, чтобы не опоздать, вам придется с математической точностью перескакивать с поезда на пакетбот и с пакетбота на поезд!

— Я и сделаю это с математической точностью.

— Это просто шутка!

— Настоящий англичанин никогда не шутит, когда дело идет о столь серьезной вещи, как пари, — ответил Филеас Фогг. — Бьюсь об заклад на двадцать тысяч фунтов против всякого желающего, что объеду вокруг земного шара не больше чем в восемьдесят дней, то есть в тысячу девятьсот двадцать часов, или в сто пятнадцать тысяч двести минут. Принимаете пари?

— Принимаем, — ответили Стюарт, Фаллентин, Сэлливан, Флэнаган и Ральф, посоветовавшись между собой.

— Хорошо, — заметил мистер Фогг. — Поезд в Дувр отходит в восемь сорок пять. Я поеду этим поездом.

— Сегодня вечером? — переспросил Стюарт.

— Да, сегодня вечером, — ответил Филеас Фогг. — Итак, — добавил он, взглянув на карманный календарь, — сегодня у нас среда, второе октября. Я должен вернуться в Лондон, в этот самый зал Реформ-клуба, в субботу, двадцать первого декабря в восемь часов сорок пять минут вечера; в противном случае двадцать тысяч фунтов стерлингов, которые лежат в настоящее время на моем текущем счете в банке братьев Бэринг, будут по праву и справедливости принадлежать вам, господа. Вот чек на эту сумму.

Протокол пари был составлен и тут же подписан шестью заинтересованными лицами. Филеас Фогг оставался невозмутимым. Разумеется, он заключал пари не для того, чтобы выиграть деньги: он поставил двадцать тысяч фунтов — половину своего состояния, ибо предвидел, что вторую половину ему, быть может, придется израсходовать, чтобы благополучно довести до конца свое трудное, чтобы не сказать невыполнимое, намерение. Что касается его противников, то их смущал не размер ставки, а сомнение в том, порядочно ли принимать пари на подобных условиях.

Пробило семь часов. Партнеры предложили мистеру Фоггу прекратить игру, чтобы подготовиться к путешествию.

— Я всегда готов! — отвечал невозмутимый джентльмен, сдавая карты. — Бубны козыри, — сказал он. — Ваш ход, мистер Стюарт!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой Филеас Фогг изумляет своего слугу Паспарту

В семь часов двадцать пять минут Филеас Фогг, выиграв в вист около двадцати гиней, распрощался со своими почтенными партнерами и покинул Реформ-клуб. В семь часов пятьдесят минут он отпер двери и вошел к себе в дом.

Паспарту, уже успевший старательно изучить распорядок дня, был несколько удивлен, что мистер Фогг погрешил против точности и явился в неурочное время. Согласно расписанию обитатель дома на Сэвиль-роу должен был возвратиться только в полночь.

Филеас Фогг сразу же прошел в свою комнату и оттуда позвал:

— Паспарту!

Паспарту не ответил. Этот зов не мог относиться к нему: сейчас было не его время.

— Паспарту! — повторил мистер Фогг, не повышая голоса.

Паспарту вошел.

— Я вас зову второй раз, — заметил мистер Фогг.

— Да, но сейчас не полночь, — ответил Паспарту, указывая на часы.

— Я это знаю, — сказал мистер Фогг, — и не упрекаю вас. Через десять минут мы отправляемся в Дувр и Кале.

Что-то вроде гримасы показалось на круглой физиономии француза. Было очевидно, что он плохо расслышал.

— Вы переезжаете, сударь? — спросил он.

— Да, — ответил мистер Фогг. — Мы отправляемся в кругосветное путешествие.

Паспарту вытаращил глаза, поднял брови и развел руками; он весь как-то обмяк, и вид его выражал изумление, граничащее с ослеплением.

— Кругосветное путешествие... — пробормотал он.

— В восемьдесят дней, — пояснил мистер Фогг. — Поэтому нам нельзя терять ни минуты.

— А как же багаж? — спросил Паспарту, растерянно оглядываясь вокруг.

— Никакого багажа. Только ручной саквояж с двумя шерстяными рубашками и тремя парами носков. То же самое — для

вас. Остальное купим в дороге. Захватите мой плащ и дорожное одеяло. Наденьте прочную обувь. Впрочем, нам совсем или почти совсем не придется ходить пешком. Ступайте.

Паспарту хотел что-то ответить, но не мог. Он вышел из комнаты мистера Фогга, поднялся к себе и, упав на стул, от души выругался.

— Вот так штука, черт возьми! А я-то думал пожить спокойно!.. — проворчал он.

Затем машинально он занялся приготовлениями к отъезду. Вокруг света в восемьдесят дней! Уж не имеет ли он дело с сумасшедшим? Как будто нет... Может быть, это шутка? Они едут в Дувр — ладно. В Кале — куда ни шло. В конце концов, это не могло особенно огорчить честного малого: вот уж пять лет, как он не ступал на землю своей родины. Быть может, они доберутся и до Парижа? Ну что ж, честное слово, он с удовольствием увидит вновь великую столицу! Уж, конечно, такой солидный джентльмен непременно там остановится... Пусть так, однако же он снимается с места, он переезжает, этот джентльмен, такой домосед!

В восемь часов Паспарту уложил в скромный саквояж дорожные вещи — свои и мистера Фогга; затем, все еще пребывая в смятении, он покинул свою комнату, тщательно запер ее на ключ и вошел к мистеру Фоггу.

Мистер Фогг был готов. В руках он держал знаменитый железнодорожный и пароходный справочник и путеводитель Бредшоу, который должен был ему служить во время путешествия. Он взял из рук Паспарту саквояж, открыл его и вложил туда объемистую пачку хрустящих банковых билетов, которые имеют хождение во всех странах.

— Вы ничего не забыли? — спросил он.

— Ничего, сударь.

— Мой плащ и одеяло?

— Вот они.

— Отлично, берите саквояж.

Мистер Фогг передал саквояж Паспарту.

— Берегите его, — добавил он. — Здесь двадцать тысяч фунтов.

Саквояж чуть не выскользнул из рук Паспарту, словно эти двадцать тысяч фунтов были в золотых монетах и обладали изрядным весом.

Господин и слуга вышли из дому; входная дверь была заперта двойным поворотом ключа.

Стоянка экипажей находилась в конце Сэвиль-роу. Филеас Фогг и его слуга сели в кеб, который быстро повез их к вокзалу Чэринг-Кросс, откуда начинается ветка Юго-Восточной железной дороги.

В восемь часов двадцать минут кеб остановился перед решеткой вокзала. Паспарту спрыгнул на землю. Его господин последовал за ним и расплатился с кучером.

В эту минуту какая-то нищенка, босая, в рваной шали на плечах, в помятой шляпке с изломанным пером, держа за руку ребенка, приблизилась к мистеру Фоггу и попросила милостыню.

Мистер Фогг вынул из кармана двадцать гиней, которые только что выиграл в вист, и протянул их женщине со словами:

— Возьмите, моя милая, я рад, что встретил вас.

Затем он пошел дальше.

Паспарту почувствовал, что глаза его увлажнились. Новый господин расположил к себе его сердце.

Мистер Фогг в сопровождении слуги вошел в большой зал вокзала. Здесь он приказал Паспарту взять два билета первого класса до Парижа. Затем, обернувшись, он заметил пятерых своих коллег по Реформ-клубу.

— Господа, я уезжаю,— сказал он,— и различные визы, поставленные в моем паспорте, который я беру для этой цели, помогут вам, по моем возвращении, проверить маршрут.

— О мистер Фогг,— учтиво ответил Готье Ральф,— это совершенно излишне. Мы вполне доверяем вашему слову джентльмена!

— Так все же будет лучше,— заметил мистер Фогг.

— Вы не забыли, что должны вернуться...— начал Эндрю Стюарт.

— Через восемьдесят дней,— прервал его мистер Фогг,— в субботу, двадцать первого декабря тысяча восемьсот семьдесят второго года, в восемь часов сорок пять минут вечера. До свидания, господа!

В восемь сорок Филеас Фогг и его слуга заняли места в купе. В восемь сорок пять раздался свисток, и поезд тронулся.

Ночь была темная. Моросил мелкий дождь. Филеас Фогг молчал, откинувшись на спинку дивана. Паспарту, все еще ошеломленный, машинально прижимал к себе саквояж с банковыми билетами.

Но не успел поезд пройти Сайденхем, как Паспарту испустил вопль отчаяния.

— Что с вами? — осведомился мистер Фогг.

— Дело в том... что... в спешке... от волнения... я забыл...

— Что именно?

— Погасить газовый рожок в своей комнате.

— Что ж, мой милый,— невозмутимо ответил мистер Фогг,— он будет гореть за ваш счет!

Покидая Лондон, Филеас Фогг, без сомнения, не подозревал, что его отъезд вызовет такой большой шум. Известие о пари сперва распространилось в Реформ-клубе и породило сильное возбуждение среди членов этой почтенной корпорации. Затем по милости репортеров это возбуждение перекинулось в газеты, а через газеты оно передалось населению Лондона и всего Соединенного королевства.

«Вопрос о кругосветном путешествии» комментировался, обсуждался, разбирался с такой горячностью и страстью, словно речь шла о новом *Алабамском деле*. Одни приняли сторону Филеаса Фогга, другие — и они вскоре составили значительное большинство — выступили против него. Совершить кругосветное путешествие при помощи современных средств передвижения не в теории, не на бумаге, а на деле, и в такой короткий срок! Это не только немислимо — это безумие!

«Таймс», «Стандард», «Ивнинг стар», «Морнинг кроникл» и двадцать других крупных газет высказались против мистера Фогга. Одна лишь «Дейли телеграф» до некоторой степени поддерживала его. Почти все называли Филеаса Фогга маньяком, сумасшедшим, а его коллег из Реформ-клуба порицали за то, что те заключили пари с человеком, умственные способности которого были явно не в порядке.

В печати по этому поводу появился ряд весьма страстных, но строго логических статей. Всем известно, какой интерес возбуждает в Англии все, что касается географии. Поэтому не было ни одного читателя, к какому бы сословию он ни принадлежал, который бы не проглатывал столбцы газет, посвященные путешествию Филеаса Фогга.

В первые дни несколько смелых умов — главным образом женщины — были за него, особенно после того, как «Иллюстриейд Лондон Ньюс» поместила его портрет, воспроизведенный с фотографии, хранившейся в архивах Реформ-клуба. Некоторые джентльмены отваживались даже говорить: «Эге! А почему бы и нет? Случались ведь вещи и более необычные!» В большинстве своем то были читатели «Дейли телеграф». Но вскоре стало заметно, что и эта газета начинает сдавать.

Но вот 7 октября появилась длинная статья в «Известиях Королевского географического общества». Она рассматривала вопрос со всех точек зрения и убедительно доказывала всю абсурдность затеянного предприятия. Из этой статьи следовало, что все окажется против путешественника: и люди и стихия.

Успешно преодолеть все преграды можно лишь при том условии, если будет иметь место совершенно чудесная согласованность часов прибытия и отправления поездов и пароходов, которой не существует и не может существовать. Пожалуй, в Европе, где расстояния не так уж велики, можно еще рассчитывать на точное отправление и прибытие поездов; но разве можно основывать выполнение подобного предприятия на точном соблюдении расписания, разве можно надеяться пересечь в три дня Индию и в семь дней Соединенные Штаты? Поломки машин, крушения, столкновения, ненастье, снежные заносы — не окажется ли все это против Филеаса Фогга? А путешествуя зимою на пакетботе, не будет ли он во власти ветров и туманов? И разве редки случаи, когда даже самые быстроходные суда океанских линий опаздывают на два-три дня? А ведь достаточно одного опоздания, только одного, — и вся последовательность маршрута будет непоправимо нарушена. Если Филеас Фогг опоздает к отплытию пакетбота хотя бы на несколько часов, он будет вынужден дожидаться следующего, и его дальнейшее путешествие потеряет всякий смысл.

Статья наделала много шума. Почти все газеты перепечатали ее, и акции Филеаса Фогга сильно упали.

В первые дни после отъезда нашего джентльмена возможный исход его предприятия стал предметом крупных пари. Всем известно, что представляют собою в Англии любители пари — люди, куда более умные и возвышенные, чем обыкновенные игроки. Держать пари — это черта английского характера. Вот почему не только члены Реформ-клуба ставили крупные ставки «за» и «против» Филеаса Фогга, но и рядовая публика приняла участие в этой игре. Словно беговая лошадь, Филеас Фогг был внесен в своеобразный список чистокровных рысаков. Он оказался ценностью, которая тотчас же стала котироваться на лондонской бирже. «Филеаса Фогга» покупали и продавали за наличные или в кредит; он был объектом крупных сделок. Но спустя пять дней после его отъезда, когда появилась статья в «Известиях Королевского географического общества», началось усиленное предложение «Филеаса Фогга». Он падал в цене. Его предлагали просто пачками. Сначала против него ставили по пять или по десять, но затем уже по двадцать, по пятьдесят или по сто против одного!

Но один верный сторонник у него остался. То был разбитый параличом старый лорд Олбермейль. Достопочтенный джентльмен, прикованный к креслу, отдал бы все свое состояние, чтобы объехать вокруг света хоть в десять лет! Он поставил за Филеаса Фогга пять тысяч фунтов стерлингов. И когда ему указывали не только на вздорность, но и на бесполезность этой затеи, он неизменно отвечал: «Если такое путешествие осуществимо, то пусть англичанин первым и совершит его!»

Итак, число сторонников Филеаса Фогга все больше и больше таяло; все не без основания ставили против него; теперь пари против Фогга заключались из расчета полтора за или двести против одного. А через семь дней после отъезда нашего джентльмена одно совершенно неожиданное событие привело к тому, что он и вовсе перестал котиrowаться.

В тот день в девять часов вечера директор лондонской полиции получил по телеграфу следующую депешу:

*«Из Суэца в Лондон.
Роуэну, директору полиции, центральное управление,
Скотланд-филдс.*

Я преследую вора, обокравшего Английский банк, это — Филеас Фогг. Безотлагательно вышлите ордер на арест в Бомбей (Британская Индия).

Фикс, полицейский агент».

Депеша эта произвела немедленный эффект. Почтенный джентльмен исчез, уступив место жулику, похитившему банковые билеты. Его фотография, хранившаяся в Реформ-клубе вместе с портретами всех его коллег, была тщательно изучена. Она в точности воспроизводила человека, приметы которого были установлены следствием. Всем припомнился таинственный образ жизни Филеаса Фогга, его склонность к уединению, его внезапный отъезд, и тогда стало очевидным, что этот человек, под предлогом кругосветного путешествия, прикрываясь сумасбродным пари, стремился к одному: сбить с толку агентов английской полиции.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

в которой сыщик Фикс проявляет вполне законное нетерпение

Депеша, касающаяся Филеаса Фогга, была послана при следующих обстоятельствах.

В среду, 9 октября, к одиннадцати часам утра в Суэце ожидался пакетбот «Монголия» компании «Пенинскулер-энд-Ориенталь». Это был железный винтовой пароход со спардеком, валовой вместимостью в две тысячи восемьсот тонн и номинальной мощностью в пятьсот лошадиных сил. «Монголия» совершала регулярные рейсы между Бриндизи и Бомбеем через Суэцкий канал. Это было одно из наиболее быстроходных судов компании, и оно всегда превышало свою официальную часовую скорость, которая была установлена в десять миль на отрезке пути между Бриндизи и Суэцем и в 9,53 мили между Суэцем и Бомбеем.

В ожидании прибытия «Монголии» по набережной прогуливались два человека. Они расхаживали в толпе среди местных жителей и иностранцев, нахлынувших в этот город — еще недавно небольшое местечко, которому великое творение г-на Лессепа обеспечило большую будущность.

Один из них был консулом Соединенного королевства в Суэце; несмотря на мрачные предположения британского правительства и зловещие предсказания инженера Стефенсона, он каждый день мог видеть на канале английские суда, вдвое сокращавшие таким образом путь из Англии в Индию, который прежде шел мимо мыса Доброй Надежды.

Другой был человек небольшого роста, худощавый, с нервным, довольно умным лицом и сурово нахмуренными бровями. Сквозь его длинные ресницы блестели живые глаза, которым он умел по желанию придавать безразличное выражение. В эту минуту он проявлял заметное нетерпение и беспокойно расхаживал взад и вперед по набережной.

Человека этого звали Фикс; он был одним из тех «детективов», или агентов английской полиции, которые были разосланы в различные порты после кражи в Английском банке. Фикс должен был тщательно наблюдать за путешественниками, проезжающими через Суэц, и, если бы какой-нибудь из них показался ему подозрительным, следовать за ним в ожидании получения ордера на арест.

И вот два дня назад Фикс получил от директора лондонской полиции приметы предполагаемого вора — того почтенного, хорошо одетого джентльмена, который был замечен в платжном зале банка в день кражи.

Вполне понятно, что прельщенный большой наградой, обещанной за поимку вора, сыщик с нетерпением ожидал прибытия «Монголии».

— Вы утверждаете, господин консул, что этот пароход не может опоздать? — в десятый раз спрашивал он.

— Не может, господин Фикс, — отвечал консул. — Он вчера находился вблизи Порт-Саида, а оставшиеся сто шестьдесят километров по каналу — для такого судна сущие пустяки. Говорю вам, «Монголия» всегда получает премию в двадцать пять фунтов, которые правительство выдает за каждые выигранные против расписания сутки.

— Этот пакетбот следует прямо из Бриндизи? — спросил Фикс.

— Из самого Бриндизи, где он забирает почту для Индии; оттуда он вышел в субботу в пять часов дня. Так что вооружитесь терпением, он не может запоздать. Но я, право, не понимаю, как вам удастся на основании полученных примет узнать вора, если он находится на борту «Монголии»?

— Господин консул,— отвечал Фикс,— этих людей не узнаешь, а чуешь. Надо иметь особый нюх, чутье, которому помогают слух, зрение и обоняние. За свою жизнь я арестовал немало подобных джентльменов, и если только наш вор сейчас на борту парохода, он, ручаюсь вам, не ускользнет из моих рук.

— Я был бы очень рад, мистер Фикс, так как дело касается крупной кражи.

— Кражи великолепной,— с восторгом ответил агент.— Пятьдесят пять тысяч фунтов! Нам не часто попадаются такие случаи! Вор нынче мельчает! Порода Шепардов хиреет! Теперь идут на виселицу из-за нескольких шиллингов!

— Мистер Фикс,— ответил консул,— вы говорите так убедительно, что я от всего сердца желаю вам удачи; но повторяю снова: боюсь, что при создавшихся условиях это трудное дело. Знаете ли, ведь согласно полученным вами приметам вор этот вполне походит на честного человека?

— Господин консул,— наставительно произнес полицейский инспектор,— крупные воры всегда походят на честных людей. Вы отлично понимаете, что тому, кто похож на мошенника, не остается ничего другого, как быть честным человеком; иначе его тотчас же арестуют. За честными-то физиономиями и надо следить в первую очередь. Работа трудная, я согласен, и это скорее искусство, чем ремесло.

Отсюда ясно, что вышеупомянутый Фикс не был лишен известной доли самомнения.

Между тем набережная понемногу оживала. Моряки разных национальностей, коммерсанты, маклеры, носильщики, феллахи толпились у пристани. Чувствовалось, что пакетбот вот-вот прибывает.

Погода стояла довольно хорошая, но холодная, дул восточный ветер. Несколько минаретов вырисовывалось над городом в бледных лучах солнца. Мол длиною в две тысячи метров, словно рука, тянулся на юг вдоль рейда Суэца. По поверхности Красного моря скользило несколько рыбацких и каботажных судов; некоторые из них сохраняли в своих очертаниях изящные пропорции античной галеры.

Бродя в толпе, Фикс, следуя профессиональной привычке, быстрым взглядом окидывал каждого прохожего.

Было половина одиннадцатого.

— Однако этот пакетбот не придет! — воскликнул он, услышав бой портовых часов.

— Он уже близко,— ответил консул.

— Сколько времени простоят он в Суэце? — спросил Фикс.

— Четыре часа. Время, необходимое для погрузки угля. От Суэца до Адена, находящегося на другом конце Красного моря,

одна тысяча триста десять миль, так что ему следует запастись топливом.

— А из Суэца судно направляется прямо в Бомбей? — спросил Фикс.

— Да, прямым рейсом.

— В таком случае, если вор избрал этот путь и это судно, то, несомненно, он должен рассчитывать высадиться в Суэце, чтобы достичь голландских или французских владений в Азии. Он должен хорошо понимать, что Индия — британская колония и там он не будет находиться в безопасности.

— Да, конечно, если только он не мастер своего дела, — заметил консул. — Как вы сами знаете, английскому преступнику куда легче укрыться в Лондоне, чем за границей.

После этих слов, заставивших сыщика серьезно задуматься, консул вернулся к себе; британское консульство находилось неподалеку от набережной. Оставшись один, полицейский инспектор окончательно поддался нервному возбуждению; у него было странное предчувствие, что вор должен находиться именно на борту «Монголии»; и действительно, если бы этот мошенник покинул Англию с намерением добраться до Нового Света, то путь через Индию, менее охраняемый и труднее поддающийся наблюдению, чем путь через Атлантический океан, должен был привлечь его внимание.

Но Фикс не долго предавался размышлениям. Громкие гудки возвестили о прибытии пакетбота. Ватага носильщиков и феллахов, грозя неприкосновенности боков и одежды публики, ринулась к пристани. Несколько лодок отчалили от пристани и направились навстречу «Монголии».

Вскоре меж берегов канала показался гигантский корпус «Монголии»; и когда часы пробили одиннадцать, пароход, с шумом и свистом выпуская пары, стал на рейд.

На борту парохода находилось довольно много пассажиров. Некоторые из них остались на палубе, чтобы полюбоваться живописной панорамой города; но большинство спустилось в шлюпки, окружившие «Монголию» со всех сторон.

Фикс самым тщательным образом изучал каждого пассажира, сходявшего на берег.

В эту минуту один из пассажиров, решительно расталкивая феллахов, пристававших к нему с предложением услуг, приблизился к сыщику и вежливо попросил указать местонахождение британского консульства. При этом он показал паспорт, на котором, без сомнения, хотел поставить британскую визу.

Фикс безотчетно взял паспорт и бросил быстрый взгляд на приметы владельца. Он с трудом удержал невольное движение радости. Листок задрожал в его руке. Приметы, указанные в пас-

порте, совпадали с теми, которые он получил от начальника лондонской полиции.

— Это не ваш паспорт? — спросил он пассажира.

— Нет, — ответил тот, — это паспорт моего господина.

— А где ваш господин?

— Остался на пароходе.

— Но он должен сам явиться в консульство, — заявил агент, — чтобы его личность можно было удостоверить.

— Как, разве это необходимо?

— Совершенно необходимо.

— А где помещается консульство?

— Вон там, на углу площади, — ответил сыщик, показывая на дом, отстоявший не дальше двухсот шагов.

— Тогда мне придется пойти за моим господином, хотя он и не любит, чтобы его беспокоили.

Пассажир раскланялся с Фиксом и вернулся на пароход.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

которая лишний раз свидетельствует о бесполезности паспортов в делах полиции

Инспектор полиции покинул набережную и быстрым шагом направился к консульству. Там он потребовал, чтобы его немедленно провели к консулу.

— Господин консул, — начал он без всяких предисловий, — я сильно подозреваю, что наш вор — на борту «Монголии».

И Фикс передал свой разговор со слугой по поводу паспорта.

— Очень хорошо, мистер Фикс, — ответил консул, — я не прочь увидеть физиономию этого мошенника. Но он, может быть, и не придет ко мне, если он действительно тот, за кого вы его принимаете. Воры не любят оставлять за собою следы, да к тому же формальность с паспортами теперь не обязательна.

— Господин консул, — ответил агент, — если этот человек умный, как и следует предполагать, он придет!

— Визировать свой паспорт?

— Да? Паспорта для того и устроены, чтобы мешать честным людям и помогать мошенникам. Я уверен, что его паспорт в порядке, но, надеюсь, вы откажете ему в визе...

— Но почему? Если паспорт в порядке, — ответил консул, — я не вправе отказать в визе.

— А между тем, господин консул, было бы очень хорошо задержать здесь этого человека, пока я не получу из Лондона ордер на его арест.

— Ну это, мистер Фикс, уж ваше дело, — ответил консул, — но я не могу...

Консул не успел закончить фразы. В дверь постучали, и клерк ввел в кабинет двух иностранцев, один из которых был тем самым слугой, что разговаривал с сыщиком.

Это действительно были господин и слуга...

Господин предъявил свой паспорт и немногословно попросил консула завизировать его.

Тот взял паспорт и стал внимательно изучать его, в то время как Фикс из угла кабинета рассматривал или, вернее, пожирал глазами незнакомца.

Кончив читать, консул спросил:

— Вы Филеас Фогг, эсквайр?

— Да, сударь,— ответил джентльмен.

— А этот человек ваш слуга?

— Да, француз, по имени Паспарту.

— Вы прибыли из Лондона?

— Да.

— И направляетесь?..

— В Бомбей.

— Прекрасно, сударь. Вам известно, что формальность с визой необязательна и мы не требуем больше предъявления паспорта?

— Я это знаю, сударь,— ответил Филеас Фогг,— но хочу на основании вашей визы засвидетельствовать свой проезд через Суэц.

— Извольте, сударь.

Консул поставил в паспорте свою подпись и дату, затем приложил печать. Мистер Фогг оплатил положенный сбор и, холодно раскланявшись, вышел в сопровождении слуги.

— Ну как? — спросил Фикс.

— Что ж, у него наружность вполне порядочного человека!

— Возможно,— ответил Фикс,— но не в этом дело. Не кажется ли вам, господин консул, что этот флегматичный джентльмен точь-в-точь походит на вора, приметы которого я получил?

— Согласен, но ведь вы знаете — приметы...

— Ну, в этом я разберусь. Мне кажется, что слуга не так непроницаем, как его господин,— ответил Фикс.— К тому же он француз и не сумеет удержаться, чтобы не поговорить. До свидания, господин консул.

Сказав это, агент вышел и пустился на поиски Паспарту.

Тем временем мистер Фогг, покинув здание консульства, направился на набережную. Там он отдал несколько приказаний своему слуге, затем сел в лодку, вернулся на «Монголию» и прошел к себе в каюту. Здесь он вынул записную книжку, в которой уже было записано следующее:

Выехал из Лондона в среду, 2 октября, в 8 часов 45 минут вечера.
Прибыл в Париж в четверг, 3 октября, в 7 часов 20 минут утра.
Выехал из Парижа в четверг, 3 октября, в 8 часов 40 минут утра.
Прибыл через Мон-Сенис в Турин в пятницу, 4 октября, в 6 часов 35 минут утра.

Выехал из Турина в пятницу, в 7 часов 20 минут утра.

Прибыл в Бриндизи в субботу, 5 октября, в 4 часа дня.

Сел на «Монголию» в субботу, в 5 часов вечера.

Прибыл в Суэц в среду, 9 октября, в 11 часов утра.

Всего израсходовано $158\frac{1}{2}$ часов, или $6\frac{1}{2}$ суток.

Мистер Фогг внес все эти даты в маршрут, разграфленный на колонки, в которых, начиная со 2 октября по 21 декабря, были вписаны названия месяца, число и день недели предполагаемого прибытия и оставлено место для указания даты действительного прибытия во все главнейшие пункты: Париж, Бриндизи, Суэц, Бомбей, Калькутту, Сингапур, Гонконг, Иокогаму, Сан-Франциско, Нью-Йорк, Ливерпуль, Лондон. Это позволяло вычислить выигрыш или потерю во времени на каждом участке пути.

Методически размеченный маршрут давал возможность мистери Фоггу в любое время проверить, опаздывает ли он или опережает расписание.

В этот день, в среду, 9 октября, он записал свое прибытие в Суэц, куда приехал точно по расписанию: до сих пор у него не было ни потери, ни выигрыша во времени.

Затем он приказал подать себе завтрак в каюту. Что касается осмотра города, то об этом он даже не подумал, ибо принадлежал к породе англичан, предоставляющих своим слугам осматривать страны, через которые они проезжают.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

в которой Паспарту говорит, пожалуй, несколько больше того, чем следовало

В скором времени Фикс нашел Паспарту, который прохаживался по набережной, глаза в свое удовольствие по сторонам и удивляясь всему виденному.

— Ну как, дружище,— спросил его Фикс,— ваше дело с паспортом улажено?

— Ах, это вы, сударь! — ответил француз.— Очень благодарен, у нас все в порядке.

— И теперь вы осматриваете местность?

— Да, но мы едем так быстро, что кажется, будто путешествуешь во сне. Значит, мы сейчас в Суэце?

— В Суэце.

— В Египте?

— В Египте, разумеется.

— То есть в Африке?

— В Африке.

— В Африке! — повторил Паспарту. — Вот ни за что бы не поверил. Вы только подумайте, я и не помышлял ехать дальше Парижа, этой знаменитой столицы, которую мне удалось на сей раз повидать только между семью часами двадцатью минутами и восемью часами сорока минутами утра — по пути с Северного вокзала на Лионский, — да и то сквозь мокрые от дождя стекла кареты! А жаль! Мне так бы хотелось еще раз побывать на кладбище Пер-Лашез и в цирке на Елисейских полях.

— Так, значит, вы сильно спешили? — спросил полицейский инспектор.

— Я-то нет. Это все мой господин. Кстати, мне нужно еще купить сорочки и носки! Ведь мы выехали без вещей, с одним лишь ручным саквояжем.

— Я могу вас проводить на базар, где вы найдете все, что нужно.

— Право, вы очень любезны, сударь, — ответил Паспарту.

Оба отправились в путь. Паспарту продолжал болтать.

— Только бы мне не опоздать на пароход! — беспокоился он.

— У вас еще много времени, — ответил Фикс, — сейчас только полдень.

Паспарту извлек свои громадные часы.

— Как полдень! — воскликнул он. — Сейчас только девять часов пятьдесят две минуты!

— Ваши часы отстают, — заметил Фикс.

— Мои часы! Наши фамильные часы, которые мне достались от прадедушки! Да они не ошибаются и на пять минут в год! Это настоящий хронометр!

— Я понимаю, в чем дело, — сказал Фикс. — У вас все еще лондонское время, а оно отстает от здешнего приблизительно на два часа. Вам следует в каждой стране переводить часы на местное время.

— Мне! Переводить часы! — воскликнул Паспарту. — Никогда!

— Но тогда они не будут соответствовать солнцу.

— Тем хуже для солнца! Значит, оно ошибается!

И честный малый с гордым видом опустил часы в карман.

Помолчав немного, Фикс снова спросил:

— Значит, вы покинули Лондон весьма поспешно?

— Еще бы! В прошлую среду мистер Фогг вопреки своим привычкам вернулся из клуба в восемь часов вечера, и три четверти часа спустя мы уже двинулись в путь.

— Куда же направляется ваш господин?

— Все вперед и вперед! Он едет вокруг света!

— Вокруг света? — вскричал Фикс.

— Да, в восемьдесят дней! Он говорит, что это — пари, но,

между нами говоря, я не верю. Ведь это сущая бессмыслица! Здесь кроется что-то другое.

— Он, верно, оригинал, ваш мистер Фогг?

— Я тоже так думаю.

— И, вероятно, богат?

— Очевидно. Ведь мы возьмем с собой кругленькую сумму новехонькими банковыми билетами! В расходах не стесняемся. Судите сами! Он обещал славную премию механику «Монголии», если мы приедем в Бомбей раньше срока.

— А вы давно знаете своего господина?

— Я-то? — переспросил Паспарту. — Да я поступил к нему в самый день отъезда.

Легко понять, какое впечатление произвели эти ответы на и без того уже возбужденное воображение инспектора полиции.

Этот поспешный отъезд из Лондона вскоре после кражи, крупная сумма, которую человек везет с собою, стремление достичь отдаленных стран под предлогом необыкновенного пари — все это должно было утвердить и утверждало Фикса в его предположениях. Из дальнейшего разговора с французом он убедился, что слуга совершенно не знает своего господина, что тот жил в Лондоне уединенно и, как говорят, был богат, хотя источник его богатства никому не известен, что это человек непроницаемый и т. д. С другой стороны, Фикс убедился, что Филеас Фогг не высадился в Суэце и действительно направляется в Бомбей.

— Далеко отсюда Бомбей? — спросил Паспарту.

— Порядочно, — ответил агент. — Вам придется еще дней десять ехать морем.

— А где он, этот Бомбей?

— В Индии.

— В Азии?

— Конечно.

— Черт возьми! Знаете... меня мучит одна вещь... мой рожок!

— Какой рожок?

— Да газовый рожок, который я позабыл завернуть и который горит теперь за мой счет. Вот я подсчитал, что газу сгорит в сутки на два шиллинга, то есть как раз на шесть пенсов больше того, что я получаю в день. И если путешествие затянется, то, вы сами понимаете...

Понял ли Фикс все обстоятельства, связанные с газовым рожком? Вряд ли. Он больше не слушал, он обдумывал план. Проводив француза до базара, Фикс оставил своего спутника делать покупки, порекомендовав ему не опоздать к отплытию «Монголии», сам же поспешно вернулся в консульство.

Придя к определенному решению, Фикс вновь обрел все свое хладнокровие.

— Господин консул,— сказал он,— у меня больше нет сомнений. Молодчик у нас в руках. Он хочет сойти за чудака, который намерен объехать вокруг света в восемьдесят дней.

— В таком случае это ловкий пройдоха,— заметил консул,— он рассчитывает вернуться в Лондон, сбив с толку полицию двух континентов!

— Ну, это мы еще посмотрим,— ответил Фикс.

— Но не ошибаетесь ли вы? — переспросил консул.

— Нет, не ошибаюсь.

— Тогда зачем этот вор вздумал зарегистрировать свой проезд через Суэц?

— Зачем?.. Я и сам не знаю,— ответил сыщик,— но вот послушайте...

И в нескольких словах он передал консулу свой разговор со слугой пресловутого мистера Фогга:

— В самом деле,— заметил консул,— все говорит против этого человека. Что же вы собираетесь делать?

— Отправить депешу в Лондон, чтобы незамедлительно прислали ордер на его арест в Бомбей, а самому сесть на «Монголию» и следовать за вором до Индии; и там, на британской территории, вежливо подойти с ордером в руках и взять его за плечо.

Хладнокровно высказав все это, агент распрощался с консулом и отправился на телеграф. Отсюда он и послал начальнику полиции уже известную нам депешу.

Четверть часа спустя Фикс с легким чемоданом в руках, но с солидным запасом денег ступил на палубу «Монголии», и вскоре быстрый пакетбот уже неся по водам Красного моря.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ,

в которой Красное море и Индийский океан благоприятствуют планам мистера Филеаса Фогга

Расстояние между Суэцом и Аденom составляет ровно тысячу триста десять миль; по условиям договора с компанией пароходы должны проходить этот путь за сто тридцать восемь часов. «Монголия», котлы которой работали с полной нагрузкой, шла, рассчитывая прибыть в Аден раньше установленного срока.

Большинство пассажиров, севших в Бриндизи, ехало в Индию. Одни направлялись в Бомбей, другие — в Калькутту, но также через Бомбей, ибо с тех пор, как железная дорога пересекла во всю ширину полуостров Индостан, не было больше необходимости огibtать Цейлон.

Среди пассажиров «Монголии» находилось много гражданских

чиновников и офицеров всех рангов. Одни из них служили в собственно британской армии, другие командовали туземными войсками сипаев; те и другие продолжали получать громадные оклады даже в описываемое время, когда права и обязанности Ост-Индской компании перешли к государству. Младшие лейтенанты получали 7 тысяч франков, бригадиры — 60 тысяч, генералы — 100 тысяч.

В общем, на борту «Монголии» жилось неплохо; к обществу чиновников присоединилось несколько обладателей миллионных состояний — молодых англичан, вздумавших вдали от родины основать новые торговые предприятия. Казначей, доверенное лицо компании, по должности занимавший положение, почти равное капитану, устроил все на славу. За утренним завтраком, за ленчем, за обедом и ужином столы ломились от мясных блюд и закусок, приготавливаемых на судовой кухне. Пассажиры — их было несколько — по два раза в день меняли туалеты, слушали музыку и, когда позволяло море, даже танцевали.

Но Красное море, как все длинные и узкие заливы, было капризно и часто беспокойно. Когда ветер дул со стороны Азии или от берегов Африки, «Монголию», напоминавшую длинное веретено, снабженное винтом, отчаянно качало. Тогда дамы укрывались в каютах, музыка замолкала, пение и танцы прекращались. Между тем, несмотря на качку, несмотря на шквал, пакетбот, движимый своей мощной машиной, не замедляя хода, несся к Баб-эль-Мандебскому проливу.

Что же делал в это время Филеас Фогг? Быть может, взволнованный и беспокойный, он следил за сменой ветров, мешавших движению судна, или за бурными волнами, грозившими поломать машину, или, наконец, представлял себе всевозможные аварии, которые могли заставить «Монголию» зайти в какой-нибудь порт и нанести этим непоправимый ущерб его путешествию?

Ничуть не бывало! Во всяком случае, если этот джентльмен и помышлял о подобных неожиданностях, он никак этого не показывал. Он неизменно оставался все тем же бесстрастным человеком, все тем же невозмутимым членом Реформ-клуба, которого не могли заставить врасплох никакие происшествия или несчастные случаи. Он казался не более возбужденным, чем судовой хронометр. Он редко показывался на палубе. Он мало интересовался Красным морем, столь прославленным событиями первых веков истории человечества. Он не выходил полюбоваться городами, разбросанными по берегам моря, живописные силуэты которых порою вырисовывались на горизонте. Он даже и не думал об опасностях этого Арабского залива, о котором историки древности — Страбон, Арриан, Артемидор, Эдриси — упоминают

не иначе как с ужасом и в который мореплаватели отваживались некогда проникать, лишь обезопасив себя искупительными жертвоприношениями.

Что же делал этот оригинал во время своего пребывания на «Монголии»? Прежде всего он четыре раза на дню принимал пищу, причем ни боковая, ни килевая качка не могла помешать работе его организма — этой превосходно налаженной машины. Затем он играл в вист.

Да! Он нашел партнеров, таких же азартных, как и он сам. То были: сборщик податей, возвращавшийся к себе в Гоа, священник, преподобный Децимус Смит, направлявшийся в Бомбей, и бригадный генерал британской армии, спешивший к своему корпусу, расквартированному в Бенаресе. Три этих пассажира питали к висту такую же страсть, как и мистер Фогг, и, подобно ему, молчаливые и сосредоточенные, они проводили целые часы за картами.

Что касается Паспарту, то он ничуть не страдал от морской болезни. Он занимал отдельную каюту в носовой части судна и так же, как и его господин, питался на славу. Нельзя сказать, чтобы путешествие в подобных условиях ему не нравилось. Он начал находить вкус в этой жизни: «Хорошая пища, удобное помещение, новые страны!» К тому же он был совершенно уверен, что вся эта затея кончится в Бомбее.

На другой день после отплытия из Суэца, 10 октября утром, он не без удовольствия увидел на палубе того самого обходительного человека, к которому обратился на набережной по прибытии в Египет.

— Если я не ошибаюсь, — обратился к нему Паспарту с самой любезной улыбкой, — это вы, сударь, с такой готовностью служили мне гидом в Суэце?

— А ведь правда! — ответил сыщик. — Теперь и я вас узнал! Вы слуга того самого чудака-англичанина...

— Вот именно, мистер...

— Фикс.

— Мистер Фикс, рад вас встретить на корабле. Далеко едете?

— Так же, как и вы, — в Бомбей.

— Тем лучше! Скажите, вам уже случалось когда-нибудь проделывать этот путь?

— Несколько раз, — ответил Фикс. — Я агент компании «Пенинсулер».

— В таком случае вы знаете Индию?

— Н-да... — процедил сыщик, который не хотел слишком много говорить.

— Что ж, любопытная страна эта Индия?

— Чрезвычайно любопытная! Мечети, минареты, храмы, факиры,

пагоды, тигры, змеи, баядерки! Надо надеяться, у вас будет достаточно времени, чтобы ознакомиться с этой страной?

— Надеюсь, мистер Фикс. Судите сами: не станет же человек в здравом уме всю жизнь перескакивать с парохода на поезд и с поезда на пароход под тем предлогом, что он совершает кругосветное путешествие в восемьдесят дней! Нет. Можете не сомневаться: вся эта сумасшедшая гонка окончится в Бомбее.

— А как себя чувствует мистер Фогг? — самым естественным тоном спросил Фикс.

— Великолепно. Как и я, впрочем. Ем, как проголодавшийся людоед. Вот что значит морской воздух!

— Я что-то ни разу не видел вашего господина на палубе.

— Он никогда не выходит. Он не любознателен.

— А не кажется ли вам, господин Паспарту, что за этим пресловутым кругосветным путешествием скрывается какое-нибудь секретное поручение... ну, скажем, дипломатическое?

— Право же, мистер Фикс, я ничего об этом не знаю и, откровенно говоря, не дал бы и полкроны, чтобы узнать.

После этой встречи Паспарту и Фикс часто беседовали друг с другом. Полицейский инспектор всячески стремился сблизиться со слугою мистера Фогга. Это могло ему при случае пригодиться. Поэтому он нередко приглашал Паспарту в бар «Монголии» и угощал его там стаканчиком виски или кружкой эля; наш приятель принимал это без всякой церемонии и, не желая оставаться в долгу, в свою очередь угощал мистера Фикса, которого находил весьма симпатичным джентльменом.

Между тем пакетбот быстро двигался вперед. 13 октября уже показали окрестности города Мока, окруженного полуразвалившимися стенами, над которыми возвышались зеленеющие финиковые пальмы. А вдалеке, на склонах гор, раскинулись обширные плантации кофейных деревьев. Паспарту с восхищением разглядывал этот знаменитый город: он находил, что кольцо полуразрушенных стен и развалины башни делали его похожим на огромную кофейную чашку.

Следующей ночью «Монголия» пересекла Баб-эль-Мандебский пролив, что по-арабски значит «Врата слез»; а на другой день, четырнадцатого, судно остановилось в гавани Стимер-Пойнт, в северо-западной части Аденского рейда. Здесь пароход должен был вновь пополнить запасы топлива. Обеспечение тепловом пароходных котлов в местах, отдаленных от его добычи, — важная и сложная задача. Одна лишь компания «Пенинсюлер» ежегодно расходует на эти цели восемьсот тысяч фунтов стерлингов (двадцать миллионов франков). Для этого приходится устраивать специальные склады в различных далеких портах; и цена угля возрастает до восьмидесяти франков за тонну.

«Монголии» предстояло пройти до Бомбея еще тысячу шестьсот пятьдесят миль, и, чтобы набить свои бункеры, ей надо было задержаться на четыре часа в Стимер-Пойнте.

Но эта задержка ни в коей мере не могла отразиться на планах Филеаса Фогга. Она была предусмотрена. К тому же вместо утра 15 октября «Монголия» прибыла в Аден 14-го вечером. Следовательно, уже имелся выигрыш в пятнадцать часов.

Мистер Фогг и его слуга сошли на берег. Джентльмен отправился визировать свой паспорт. Фикс незаметно последовал за ним. Когда формальность с визой была выполнена, Филеас Фогг вернулся на корабль, чтобы продолжить прерванную партию в вист.

Паспарту, по обыкновению, разгуливал среди толпы сомалийцев, банианов, парсов, евреев, арабов и европейцев, из которых состояло двадцатипяти тысячное население Адена. Он любовался укреплениями, превращающими этот город в Гибралтар Индийского океана; осматривал великолепные водоемы, которые обслуживаются английскими инженерами две тысячи лет спустя после инженеров царя Соломона.

«Любопытно, любопытно! — думал Паспарту, возвращаясь на пароход. — Я теперь вижу, что путешествие — вещь бесполезная, если хочешь увидеть что-нибудь новенькое».

В шесть часов вечера «Монголия», рассекая лопастями винта волны Аденского рейда, вышла в Индийский океан. Ей полагалось за сто шестьдесят восемь часов покрыть расстояние между Аденом и Бомбеем. Впрочем, Индийский океан ей благоприятствовал. Дул все время северо-западный ветер. Паруса пришли на помощь пару.

Приобретя большую устойчивость, судно меньше подвергалось качке. Дамы в свежих туалетах вновь показались на палубе. Опять послышалось пение, начались танцы.

Словом, путешествие проходило в превосходных условиях. Паспарту был в восхищении от любезного попутчика, которого в лице Фикса послал ему случай.

К полудню в воскресенье, 20 октября, показался индийский берег. Два часа спустя на палубу «Монголии» поднялся лоцман. На горизонте, на фоне неба, вырисовывались мягкие очертания далеких холмов. Затем явственное выступили ряды пальм, в которых утопал город. Пакетбот вошел на рейд, образованный островами Солсетт, Колаба, Элефанта, Батчер, и в половине пятого причалил к набережной Бомбея.

Филеас Фогг заканчивал в эту минуту свой тридцать третий роббер, во время которого ему и его партнеру благодаря смелому маневру удалось взять тринадцать взяток и закончить это прекрасное путешествие «большим шлемом».

«Монголия» должна была прийти в Бомбей только 22 октября. В действительности она пришла 20. Следовательно, начиная с момента отъезда из Лондона, накопился выигрыш в два дня, который Филеас Фогг методически записал в свой маршрут; в графу прибылей.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ,

в которой Паспарту весьма счастлива, что отделался потерей одной только обуви

Всем известно, что Индия — это огромный треугольник, вершина которого обращена на юг, а основание на север,— обладает территорией в один миллион четыреста тысяч квадратных миль, неравномерно заселенной ста восьмьюдесятью миллионами жителей. Британское правительство в ту пору фактически владело только частью этой громадной страны. Его представляли генерал-губернатор в Калькутте, губернаторы в Мадрасе, Бомбее, Бенгалии и вице-губернатор в Агре.

Но собственно Британская Индия занимала тогда площадь лишь в семьсот тысяч квадратных миль с населением в сто или сто десять миллионов человек. Значительная часть территории Индии еще не была подчинена власти английской королевы; в некоторых отдаленных округах дикие и жестокие раджи еще пользовались полной независимостью.

Начиная с 1756 года, когда первое английское поселение было основано на том месте, где ныне расположен город Мадрас, и до того времени, когда разразилось грандиозное восстание сипаев, знаменитая Ост-Индская компания была в этой стране всемогущей. Мало-помалу она прибирала к рукам различные провинции, покупая их у раджей на условиях ежегодной ренты, которую выплачивала плохо или вовсе не выплачивала. Она сама назначала генерал-губернатора и всех военных и гражданских чиновников; но в настоящее время компании больше не существует, и все английские владения в Индии подчинены непосредственно власти английской короны.

Внешний вид, нравы, этнографические различия полуострова видоизменяются с каждым днем. В прежние времена путешествие по полуострову совершалось с помощью самых древних способов передвижения: пешком, верхом, в тележке, тачке, паланкине, карете, на спине человека и т. д. Теперь же пароходы с большой скоростью пробегают по Инду и Гангу, и железная дорога, пересекающая весь полуостров Индостан и разветвляющаяся в разных направлениях, соединяет Бомбей с Калькуттой: расстояние между ними поезд покрывает за три дня.

Железнодорожная магистраль, пересекающая Индию, не представляет собою прямой линии. От Бомбея до Калькутты.— около

тысячи ста миль, и поезд, обладающий средней скоростью, прошел бы это расстояние быстрее, чем в три дня; но на деле это расстояние увеличивается по крайней мере на целую треть вследствие тех отклонений, которые делает железнодорожный путь, подымаясь на север к Аллахабаду.

Вот наиболее значительные пункты Великой индийской железной дороги: покидая остров Бомбей, она проходит через Солсетт, перебрасывается на материк напротив Тхана, пересекает горный хребет Западных Гхат, поворачивает на северо-восток до Бурханпура, проходит по территории полунезависимого княжества Бундельханд, затем поднимается на север до Аллахабада, отклоняясь к востоку, встречается с Гангом у Бенареса, слегка отходит от течения реки, спускается на юго-восток к Бурдвану и французскому городу Шандернагору и заканчивается у Калькутты.

В половине пятого пассажиры «Монголии» высадились в Бомбее; поезд на Калькутту отходил ровно в восемь часов вечера.

Распрощавшись со своими партнерами, мистер Фогг покинул пакетбот и дал своему слуге подробные распоряжения относительно некоторых покупок, не преминув предупредить его, чтобы он непременно был на вокзале до восьми часов, а сам размеренным шагом, отбивавшим секунды, словно маятник астрономических часов, направился в паспортное бюро.

Что касается достопримечательностей Бомбея — ратуши, прекрасной библиотеки, фортов, доков, хлопкового рынка, базара, мечетей, синагог, армянских церквей, великолепной пагоды Малабар-Хилл, украшенной двумя многоугольными башнями, — то он и не подумал их осмотреть. Не взглянул он ни на чудесные образцы архитектуры в Элефанте, ни на таинственные подземелья в юго-восточной части гавани, ни на пещеры Канхэри на острове Солсетт — эти замечательные останки буддийского зодчества.

Нет, он ничем не интересовался! Выйдя из паспортного бюро, Филеас Фогг спокойно прошел на вокзал и заказал обед. Среди прочих блюд метрдотель счел нужным порекомендовать посетителю превосходное, как он выразился, фрикасе из «местного кролика».

Филеас Фогг последовал совету и добросовестно отведал этого блюда; несмотря на пряный соус, оно показалось ему отвратительным.

Он звонком подозвал метрдотеля.

— Сударь, — сказал он, устремив на него пристальный взгляд, — по-вашему, это кролик?

— Да, милорд, — нагло ответил плут, — это кролик джунглей.

— А этот кролик не мяукал, когда его убивали?

— Мяукал! Что вы, милорд! Кролик! Клянусь вам...

— Не клянитесь, — холодно заметил мистер Фогг, — лучше

вспомните о тех временах, когда кошки в Индии считались священными животными. Хорошие тогда были времена!

— Для кошек, милорд?

— Пожалуй, и для путешественников.

Сделав это замечание, мистер Фогг продолжал спокойно обедать.

Сыщик Фикс сошел с «Монголии» следом за мистером Фоггом и поспешил к директору бомбейской полиции. Он предъявил свои документы и рассказал о возложенной на него обязанности, а также о том, что он обнаружил предполагаемого вора. Не получен ли из Лондона ордер на арест?.. Нет, ничего не получено. Впрочем, ордер, отправленный после отъезда Фогга, и не мог еще прибыть в Бомбей.

Фикс был сильно смущен. Он попытался добиться ордера на арест мистера Фогга от начальника бомбейской полиции. Тот отказал. Дело касалось лондонской полиции, и только она одна могла выдать законное предписание на арест. Подобное строгое соблюдение законности прекрасно объясняется нравами самих англичан, которые весьма щепетильны в вопросах неприкосновенности человеческой личности и не допускают никаких посягательств на нее.

Фикс больше не настаивал: он понял, что должен покориться и ждать ордера. Но он решил не терять из виду этого неприкасаемого мошенника во время его пребывания в Бомбее. Он не сомневался, что Филеас Фогг здесь задержится, — таково же было, как мы знаем, и мнение Паспарту, — а за это время ордер успеет прибыть.

Выслушав приказания, полученные от своего господина при высадке с «Монголии», Паспарту понял, что в Бомбее произойдет то же самое, что в Суэце и в Париже, что путешествие здесь не закончится, а продлится по крайней мере до Калькутты, а может быть, и еще дальше. И он спросил себя: «А что, если мистер Фогг держит пари не на шутку и ему, Паспарту, который мечтал о спокойной жизни, в самом деле суждено объехать вокруг света в восемьдесят дней?!» Купив сорочки и несколько пар носков, Паспарту тем временем прогуливался по улицам Бомбея. Улицы были полны народа, наряду с европейцами всех национальностей попадались персы в остроконечных колпаках, банианы в круглых тюрбанах, сикхи в четырехугольных колпаках, армяне в длинных халатах, парсы в высоких черных шапках. В тот день был праздник парсов, или гебров, которые считают себя прямыми потомками последователей Заратустры; это самые предприимчивые, самые цивилизованные, самые умные, самые суровые жители Индии; к их числу принадлежат ныне наиболее богатые негоцианты — уроженцы Бомбея. Праздник этот представлял собою нечто

вроде религиозного карнавала или шествия, сопровождавшегося различными зрелищами; в нем участвовали баядерки, закутанные в розовый газ, расшитый золотыми и серебряными узорами; они с большим искусством и при этом вполне благопристойно танцевали под звуки скрипок и барабанов.

Нечего и говорить, что Паспарту смотрел на все эти любопытные церемонии, широко раскрыв глаза, словно малый ребенок. Все это было для него удивительно; все поражало его слух и зрение.

К несчастью для него и для его господина, любопытство завлекло Паспарту дальше, чем следовало; и это могло помешать Филеасу Фоггу продолжить его путешествие.

Насмотревшись вдоволь на шествие парсов, Паспарту направился к вокзалу; на пути ему встретилась чудесная пагода Малабар-Хилл, и ему пришла в голову несчастная мысль осмотреть ее изнутри.

Он не знал двух вещей: что, во-первых, вход в некоторые индусские пагоды христианам категорически запрещен и, во-вторых, что сами правоверные могут входить туда, лишь оставив свою обувь у порога. Здесь уместно заметить, что из чисто политических соображений английское правительство заставляет уважать вплоть до мельчайших особенностей верования индусов и сурово наказывает всякого, кто оскорбляет их религиозные чувства.

Паспарту вошел в пагоду, не помышляя, что совершает преступление: просто он, как турист, хотел полюбоваться внутренней отделкой Малабар-Хилла, ослепительными украшениями храма, выполненными в стиле браминской архитектуры. И вдруг он был повержен на священные плиты пола. Три жреца с горящими яростью глазами набросились на Паспарту, повалили и, сорвав с него ботинки и носки, принялись колотить его, испуская дикие вопли.

Сильный и ловкий француз мгновенно вскочил. Ударом кулака и пинком ноги он сшиб двух противников, запутавшихся в своих длинных одеяниях, стремительно выбежал из пагоды и вскоре оставил позади третьего преследователя, который гнался за ним, натравливая на него толпу.

Без пяти восемь, всего лишь за несколько минут до отхода поезда, с непокрытой головой, босиком и без покупок, которые он растерял в свалке, Паспарту прибежал на вокзал.

Фикс был уже там, на перроне. Проследив мистера Фогга до вокзала, он понял, что этот мошенник собирается покинуть Бомбей. Фикс тотчас же решил сопровождать его до Калькутты и, если понадобится, дальше. Паспарту не видел Фикса, державшегося в тени, но тот услышал, как француз коротко рассказал мистеру Фоггу о своих приключениях.

— Надеюсь, с вами этого больше не случится,— спокойно заметил Филеас Фогг, занимая место в одном из вагонов поезда.

Бедный малый в полном смущении, босой, молча поплелся за своим господином.

Фикс уже собирался войти в соседний вагон, как вдруг его осенила новая мысль.

— Нет! — сказал он себе.— Я останусь здесь... Преступление совершено на индийской территории... Молодчик теперь в моих руках!

В это мгновение паровоз пронзительно засвистел, и поезд исчез в темноте ночи.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ,

в которой Филеас Фогг покупает за баснословную цену животное для верховой езды

Поезд отошел точно в назначенный час. Среди его пассажиров было несколько офицеров, гражданских чиновников и торговцев опиумом и индиго, которых дела призывали в восточную часть страны.

Паспарту ехал в одном купе со своим господином. Против них поместился третий пассажир.

Это был бригадный генерал, сэр Фрэнсис Кромарти, один из партнеров мистера Фогга во время переезда из Суэца в Бомбей; теперь он направлялся к своим войсковым частям, расположенным в окрестностях Бенареса.

Сэр Фрэнсис Кромарти, высокий блондин лет пятидесяти, весьма отличившийся во время последнего восстания сипаев, с полным основанием мог считаться местным жителем. Он с юных лет жил в Индии, лишь изредка посещая родные места. Человек образованный, он охотно рассказал бы много интересного об обычаях, истории и государственном устройстве Индии, если бы Филеас Фогг был человеком, которого такие вещи интересуют. Но наш джентльмен ни о чем не расспрашивал. Филеас Фогг не путешествовал — он описывал окружность. То было весомое тело, пробегавшее по орбите вокруг земного шара, следуя законам точной механики. В эту минуту мистер Фогг как раз подсчитывал в уме количество часов, протекших со времени его отъезда из Лондона, и, несомненно, стал бы потирать от удовольствия руки, если бы подобное бесполезное движение было свойственно его натуре.

Сэр Фрэнсис Кромарти уже разглядел в своем попутчике оригинала, хотя и наблюдал его лишь за картами и в перерыве между двумя робберами. Он спрашивал себя, доступны ли душе

Филеаса Фогга красоты природы и высокие чувства, есть ли у него душевные устремления и бьется ли человеческое сердце под этой холодной оболочкой? Для него все это еще оставалось неясным. Ни один из оригиналов, которых бригадный генерал встречал в своей жизни, не походил на мистера Фогга — это порождение точных наук!

Филеас Фогг не скрывал от сэра Фрэнсиса Кромарти ни цели своего кругосветного путешествия, ни условий, которыми оно было обставлено. Бригадный генерал видел в этом пари лишь голое чудачество, без всякой благой и полезной цели, которой разумный человек должен руководствоваться во всех своих начинаниях. Затея этого странного джентльмена, очевидно, не могла принести никакой пользы ни ему, ни ближним.

Через час после отъезда из Бомбея поезд, пройдя по мосту, пересек остров Солсетт и вступил на материк. Миновав станцию Кальян, он оставил вправо железнодорожную ветку, которая через Кандаллах и Пуну ведет на юго-восток Индии, и вскоре достиг станции Пауэлл. Миновав этот пункт, он углубился в район Западных Гхат — сильно разветвленного горного хребта с базальтовыми основаниями; наиболее высокие вершины этих гор покрыты густым лесом.

Время от времени сэр Фрэнсис Кромарти и Филеас Фогг обменивались словами; возобновляя то и дело прерывавшуюся беседу, бригадный генерал сказал:

— А несколько лет назад вам, мистер Фогг, в этом месте пришлось бы, вероятно, задержаться, и это нарушило бы ваш маршрут.

— Почему, сэр Фрэнсис?

— Потому что железная дорога останавливалась у подошвы этих гор и далее приходилось продолжать путь в паланкине или верхом до станции Кандаллах, расположенной на противоположном склоне.

— Подобная задержка несколько не нарушила бы моих планов, — ответил мистер Фогг. — Я предвидел возможность некоторых препятствий.

— Кстати, мистер Фогг, — заметил бригадный генерал, — вы рисковали попасть в очень скверную историю из-за походов этого молодца.

Паспарту, закутав ноги в дорожное одеяло, крепко спал, не подозревая, что разговор идет о нем.

— Английское правительство чрезвычайно сурово и с полным основанием карает подобные правонарушения, оскорбляющие религиозные верования индусов, — продолжал генерал, — и если бы вашего слугу поймали...

— Что ж, если бы его поймали, сэр Фрэнсис, — ответил мистер

Фогг, — его подвергли бы наказанию, по отбытии которого он спокойно бы вернулся на родину. Так что я не вижу, каким образом это могло бы меня задержать!

На этом беседа прекратилась. За ночь поезд пересек хребет Западных Гхат, прибыл в Насик и утром 21 октября достиг относительно ровной местности в области Кхандейш. Среди хорошо обработанных полей виднелись небольшие селения, где минареты пагод заменяли колокольни европейских церквей. Многочисленные речки и ручьи — притоки или притоков Годавери — орошали эту плодородную местность.

Паспарту, проснувшись, смотрел в окно и не мог поверить, что он пересекает Индию в поезде Великой индийской полуостровной железной дороги. Это казалось ему неправдоподобным; а между тем это было именно так! Управляемый английским машинистом паровоз, в топках которого пылал английский уголь, извергал облака дыма на лежавшие по обеим сторонам дороги плантации кофе, хлопка, мускатного ореха, гвоздичного дерева, красного перца. Струи пара спиралью обвивались вокруг пальм, между которыми вырисовывались живописные бунгало, «виари» — заброшенные монастыри — и чудесные храмы, искусно украшенные прихотливым орнаментом, характерным для индийской архитектуры. Дальше до самого горизонта раскинулись громадные пространства джунглей, где водилось множество змей и тигров, пугавшихся грохота поезда, и, наконец, виднелись леса, вырубленные по обеим сторонам железной дороги; там еще водились слоны, которые задумчивым взором провожали бешено мчавшийся состав.

Утром, оставив в стороне станцию Малегаом, путешественники миновали эту зловещую местность, которую так часто обгаряют кровью поклонники богини Кали. Неподалеку вставала Эллора со своими замечательными пагодами; она расположена вблизи знаменитого Аурангабада, некогда столицы свирепого Ауренг-Зеба; теперь это — просто главный город одной из провинций, отрезанных от королевства Низам. Этой областью некогда управлял Ферингэа — вождь тугов, король «душителей». Убийцы, объединенные им в неумовимые братства, душили в честь богини Смерти людей всех возрастов, не проливая при этом ни капли крови; было время, когда, копнув землю в любом месте, вы рисковали наткнуться на труп задушенного. Британскому правительству удалось в значительной степени положить конец этим убийствам, но ужасное сообщество тугов все же действует и поныне.

В половине первого дня поезд остановился на станции Бурханпур, где Паспарту сумел за огромные деньги раздобыть пару туземных туфель, расшитых фальшивым жемчугом, которые он надел с нескрываемым удовольствием.

Путешественники, наскоро позавтракав, двинулись дальше —

к станции Ассургур; путь некоторое время шел берегом реки Тапти, впадающей в Камбейский залив близ Сурата.

Здесь будет уместно упомянуть о тех мыслях, которые бродили в голове Паспарту. До приезда в Бомбей он думал, и мог так думать, что именно в Бомбее вся эта затея и закончится. Но теперь, когда поезд на всех парах пересекал Индию, в сознании нашего молодца произошел переворот. Любовь к приключениям вновь проснулась в нем. В нем воскресла былая склонность к фантазированию; он теперь всерьез принимал планы своего господина, поверил и в реальность кругосветного путешествия и в то, что назначенный срок должен быть соблюден. Его уже беспокоила возможность опоздания, несчастных случаев, которые могут произойти в пути. Он почувствовал и себя заинтересованным в этом пари и дрожал при мысли, что накануне чуть было не испортил все дело своим непростительным ротодейством. Менее флегматичный, чем мистер Фогг, он был более склонен к тревоге. Он считал и пересчитывал истекшие дни, проклинал остановки поезда, обвинял его в медлительности и про себя осуждал мистера Фогга за то, что тот не пообещал премии машинисту. Наш славный малый не понимал того, что поезд — не пакетбот и скорость его строго регламентирована расписанием.

К вечеру они углубились в ущелья Сатпурских гор, разделяющих области Кхандейш и Бундельханд.

Утром 22 октября на вопрос сэра Фрэнсиса Кромарти: «Который час?» — Паспарту, поглядев на свои часы, ответил: «Три часа ночи». В действительности же эти замечательные часы, поставленные по Гринвичскому меридиану, который проходит приблизительно на семьдесят семь градусов западнее, должны были отставать — и отставали — на четыре часа.

Сэр Фрэнсис Кромарти, поставив свои часы по местному времени, сделал Паспарту такое же замечание, как и Фикс. Он постарался объяснить ему, что часы надо переводить с каждым новым меридианом и что, двигаясь все время на восток, то есть навстречу солнцу, после каждого пройденного градуса дни становятся на четыре минуты короче. Но все было бесполезно. Понял или нет упрямый малый рассуждения бригадного генерала — неизвестно, но, во всяком случае, он не перевел своих часов, и они по-прежнему продолжали показывать лондонское время. Впрочем, то была лишь невинная причуда, которая не могла никому повредить.

В восемь часов утра поезд остановился в пятнадцати милях от станции Роталь, посреди широкой поляны, окруженной несколькими бунгало и хижинами рабочих. Кондуктор прошел вдоль вагонов, повторяя: «Пассажиры, выходите! Пассажиры, выходите!..»

Филеас Фогг посмотрел на Фрэнсиса Кромарти, который, казалось, не понимал, чем объясняется неожиданная остановка

на опушке леса, среди тамариндовых деревьев и финиковых пальм.

Паспарту, не менее удивленный, выскочил из вагона, но тотчас же вернулся, крича:

— Железная дорога кончилась, сударь!

— Что вы хотите этим сказать? — спросил сэр Фрэнсис Кромарти.

— Я хочу сказать, что поезд дальше не пойдет.

Бригадный генерал тотчас же вышел из вагона. Филеас Фогг не спеша последовал за ним. Оба направились к кондуктору.

— Где мы находимся? — спросил сэр Фрэнсис Кромарти.

— В поселке Кольби, — ответил кондуктор.

— Мы здесь останавливаемся?

— Разумеется. Железная дорога не достроена...

— Как? Не достроена?!

— Нет! Остается еще проложить отрезок пути миль в пятьдесят до Аллахабада, откуда линия продолжается дальше.

— Но ведь газеты объявили, что дорога полностью открыта!

— Что делать, господин генерал, газеты ошиблись.

— А вы продаете билеты от Бомбея до Калькутты! — продолжал сэр Фрэнсис Кромарти, который начал горячиться.

— Верно, — ответил кондуктор, — но пассажиры знают, что от Кольби до Аллахабада им надо добираться собственными средствами.

Сэр Фрэнсис Кромарти был взбешен. Паспарту охотно уложил бы на месте ни в чем не повинного кондуктора. Он не решался взглянуть на своего господина.

— Сэр Фрэнсис, — спокойно сказал мистер Фогг, — если вам угодно, мы поищем какой-нибудь способ добраться до Аллахабада.

— Мистер Фогг, эта задержка разрушает ваши планы?

— Нет, сэр Фрэнсис, она предусмотрена.

— Как! Вы знали, что дорога...

— Отнюдь нет. Но я знал, что какое-нибудь препятствие рано или поздно встретится на моем пути. Ничего не потеряно. У меня в запасе два дня. Пароход из Калькутты в Гонконг уходит двадцать пятого в полдень. Сегодня только двадцать второе. Мы будем в Калькутте вовремя.

Что можно было возразить, выслушав столь уверенный ответ?

Работы по сооружению железной дороги действительно были прерваны в этом месте. Газеты, подобно часам, которые спешат, преждевременно сообщили об открытии линии. Большинство пассажиров знало об этом перерыве в железнодорожном пути. Сойдя с поезда, они быстро завладели всеми средствами передвижения, какими только располагал поселок. Четырехколесные телеги — палькигари, тележки, запряженные зебу (местная порода быков), дорожные повозки, похожие на передвижные пагоды,

паланкины, пони — все было разобрано. Мистер Фогг и сэр Фрэнсис Кромарти, обыскав весь поселок, вернулись ни с чем.

— Я пойду пешком, — сказал Филеас Фогг.

Паспарту, который в это время подошел к мистеру Фоггу, соорудил выразительную гримасу, посмотрев на свои великолепные, но малопригодные для ходьбы туфли. К счастью, он также ходил на разведку, и теперь, несколько замаявшись, объявил о своем открытии:

— Сударь, я, кажется, нашел средство передвижения.

— Какое?

— Слона! У индуса, который живет шагах в ста отсюда, есть слон.

— Ну что ж, пойдем посмотрим слона, — ответил мистер Фогг.

Пять минут спустя Филеас Фогг, сэр Фрэнсис Кромарти и Паспарту подошли к хижине, рядом с которой имелся загон, огороженный высоким частоколом. В хижине жил индус, в загоне — слон. По их просьбе индус ввел мистера Фогга и обоих его спутников в загон.

Там они увидели почти ручное животное, которое хозяин тренировал как боевого слона, а не как вьючное животное. С этой целью он старался изменить мягкий от природы характер слона и довести его до состояния бешенства, называемого по-индийски «муч». Это достигается тем, что в продолжение трех месяцев слона кормят сахаром и маслом. Такой режим, казалось бы, не может дать ожидаемого результата, но тем не менее он с успехом применяется дрессировщиками слонов. К счастью для мистера Фогга, слона лишь недавно начали подвергать подобной диете, и «муч» не давал еще себя чувствовать.

Киуни, так звали слона, как и все его сородичи, обладал способностью быстро и долго ходить; за неимением другого верхового животного Филеас Фогг решил воспользоваться слонем.

Но слоны в Индии дороги, ибо их с каждым годом становится все меньше. Самцы, которые одни только годны для цирковых состязаний, считаются большой редкостью. Эти животные, будучи в неволе, далеко не всегда дают потомство, так что их можно раздобыть только охотой. Поэтому слонов в Индии тщательно оберегают, и когда мистер Фогг попросил индуса уступить ему напрокат слона, тот наотрез отказался.

Фогг настаивал и предложил необычайную цену: десять фунтов стерлингов в час. Отказ. Двадцать фунтов? Опять отказ! Сорок фунтов? Снова отказ! Паспарту подпрыгивал при каждой надбавке, но индус не сдавался.

Цена была очень хорошей. Если считать, что слон потратит пятнадцать часов, чтобы дойти до Аллахабада, то он принесет своему хозяину сумму в шестьсот фунтов стерлингов.

Филеас Фогг, нисколько не горячась, предложил индусу продать слона и назвал для начала сумму в тысячу фунтов.

Индус не хотел продавать! Вероятно, плут предвкушал хорошую наживу.

Сэр Фрэнсис Кромарти отозвал мистера Фогга в сторону и посоветовал ему хорошенько подумать, прежде чем набавлять цену. Филеас Фогг ответил своему спутнику, что не имеет привычки действовать необдуманно, что в конечном счете дело идет о пари в двадцать тысяч фунтов, что слон ему необходим и что он приобретет его, даже если ему придется заплатить в двадцать раз больше, чем тот стоит.

Мистер Фогг вернулся к индусу, чьи маленькие, горевшие жадностью глаза ясно показывали, что дело только в цене. Филеас Фогг предложил ему тысячу двести фунтов, затем полторы тысячи, потом тысячу восемьсот, наконец две тысячи. Паспарту, обычно такой румяный, был бледен от волнения.

На двух тысячах индус сдался.

— Клянусь моими туфлями, — вскричал Паспарту, — это неплохая цена за слоновье мясо!

Сделка была заключена, оставалось найти проводника. Это уже было легче. Молодой парс с умным лицом предложил свои услуги. Мистер Фогг согласился, пообещав ему такое вознаграждение, которое могло лишь удвоить его усердие.

Слона вывели и тотчас же оседлали. Парс в совершенстве знал ремесло «махута», или корнака. Он покрыл спину слона чем-то вроде попоны и привесил с каждого бока по довольно-таки неудобной корзине.

Филеас Фогг заплатил индусу банковыми билетами, извлеченными из недр знаменитого дорожного саквояжа. Паспарту показалось, что каждая бумажка вынута у него из нутра. Затем мистер Фогг предложил сэру Фрэнсису Кромарти доставить его на станцию Аллахабад. Бригадный генерал согласился. Лишний пассажир не мог утомить гигантское животное.

Продовольствие было закуплено в Кольби. Сэр Фрэнсис Кромарти занял место в одной корзине, Филеас Фогг — в другой. Паспарту уселся на спину животного, между своим господином и бригадным генералом, парс взобрался слону на шею, и в девять часов животное вышло из поселка, направляясь в Аллахабад по кратчайшей дороге — через густой пальмовый лес.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ,

где рассказывается о том, как Филеас Фогг и его спутники углубились в чащу индийских лесов, и о том, что из этого вышло

Чтобы сократить путь, проводник оставил в стороне железнодорожную линию, на которой шли последние строительные работы. Направление железнодорожной линии, очень извилистой вследствие капризных разветвлений гор Виндхья, не являлось кратчайшим и было невыгодно Филеасу Фоггу. Парс, хорошо знакомый со всеми дорогами и тропинками этой местности, повез путешественников напрямик через лес, чтобы таким образом сократить дорогу миль на двадцать.

Филеас Фогг и сэр Фрэнсис Кромарти, запрятанные в свои корзины по самую шею, жестоко страдали от тряской рыси слона, которого беспрестанно подгонял его махут. Но они переносили свое положение с чисто британским хладнокровием и, едва видя друг друга, лишь изредка перекидывались словами.

Паспарту сидел на спине животного и первый принимал на себя все толчки; помня наставления своего господина, он старался держать язык за зубами из боязни откусить его. То взлетая на шею слона, то скатываясь на круп, честный малый проделывал, подобно клоуну на трамплине, сложные упражнения. Но, несмотря на эти неистовые прыжки, он болтал, смеялся и время от времени вытаскивал из сумки кусок сахара и протягивал его умному Киуни, который брал угощение кончиком хобота, ни на минуту не замедляя своей размеренной рыси.

После двух часов пути проводник остановил слона и дал ему часовой отдых. Животное поело веток и молодых побегов и утолило жажду из находившегося вблизи болота. Сэр Фрэнсис Кромарти не жаловался на остановку. Он чувствовал себя разбитым. Зато мистер Фогг выглядел таким свежим, словно только что встал с постели.

— Вы что, железный, что ли? — с восхищением спросил бригадный генерал.

— Из кованого железа! — ответил Паспарту, который занимался приготовлением незатейливого завтрака.

В полдень проводник подал знак к отъезду. Местность становилась все более дикой. Высокие пальмовые деревья сменились зарослями тамаринда и карликовых пальм; затем путники выехали на широкую долину, покрытую чахлым кустарником и усеянную крупными глыбами камня. Вся эта часть горного Бундельханда, редко посещаемая путешественниками, заселена племенами фанатиков, принадлежащих к одной из самых жестоких сект индусской религии. Господство англичан еще не упрочилось в этой области,

находящейся под властью раджей, куда трудно проникнуть ввиду малой доступности гор Виндхья.

Несколько раз путешественники встречали свирепые толпы индусов, которые гневными жестами провожали быстроногое животное. Парс, насколько это было возможно, стремился избегать подобных встреч, справедливо считая их опасными. Путешественники почти не видели никаких животных: за весь день им попалось лишь несколько обезьян, которые немедленно устремлялись в бегство и своими ужимками и гримасами сильно забавляли Паспарту.

Одна мысль среди множества прочих особенно занимала нашего молодца. Что сделает мистер Фогг со слоном, когда они приедут в Аллахабад? Возьмет его с собою? Невозможно! Транспортные расходы, прибавленные к стоимости слона, сделали бы эту покупку совершенно разорительной. Может быть, он его продаст? Или отпустит на волю? Благородное животное вполне заслуживало подобной счастливой участи. А вдруг мистер Фогг возьмет да и подарит слона ему, Паспарту? Тогда он окажется в большом затруднении. Эта мысль не давала Паспарту покоя.

В восемь часов вечера главная горная цепь Виндхья осталась позади, и путешественники сделали привал в развалившемся бунгало у подошвы северного склона хребта.

За день было пройдено около двадцати пяти миль, до станции Аллахабад оставалось столько же. Ночь была холодная. Внутри бунгало парс развел костер из сухих веток, наполнивший помещение приятной теплотой. Ужин приготовили из провизии, закупленной в Кольби. Изнуренные и разбитые путешественники с жадностью принялись за еду. Беседа, начавшаяся несколькими отрывистыми фразами, вскоре сменилась звонким храпом. Проводник бодрствовал около Киуни, который спал стоя, опершись о ствол могучего дерева.

Ночь прошла спокойно. Лишь рев гепардов и пантер да пронзительный хохот обезьян время от времени нарушали тишину. Но хищники ограничивались рычанием и не предпринимали никаких враждебных действий против обитателей бунгало. Сэр Фрэнсис Кромарти спал крепко, как солдат после утомительного перехода. Паспарту в беспокойном сне повторял курбеты, сделанные им за день. Что же касается мистера Фогга, то он спал так же мирно, как в своем тихом доме на Сэвиль-роу.

В шесть часов утра путники снова двинулись в путь. Проводник надеялся к вечеру достигнуть станции Аллахабад. Таким образом мистер Фогг терял только часть тех сорока восьми часов, которые он сберег с начала пути.

Миновав последние отроги горного хребта Виндхья, Киуни снова перешел на рысь. К полудню проводник обогнул сторону

поселок Калленджер, расположенный на реке Кен, впадающей в один из притоков Ганга. Он все время держался вдали от населенных мест, чувствуя себя в безопасности среди пустынных полей и низин, указывавших на приближение великой реки. Станция Аллахабад находилась не дальше, чем в двенадцати милях к северо-востоку. Последний привал сделали в тени банановых деревьев, сочные плоды которых, столь же сытные, как хлеб, и столь же вкусные, как сливки, были по достоинству оценены нашими путешественниками.

В два часа проводник свернул под покров густого леса, который тянулся на несколько миль. Ехать лесом было безопаснее, чем по открытому месту. Во всяком случае, до сих пор не произошло ни одной неприятной встречи, и можно было надеяться, что путешествие окончится без приключений, как вдруг слон неожиданно остановился, проявляя явное беспокойство.

Было четыре часа пополудни.

— Что случилось? — спросил сэр Фрэнсис Кромарти, высовывая голову из своей корзины.

— Не знаю, господин генерал, — ответил парс, вслушиваясь в неясные звуки, долетавшие сквозь густую листву.

Несколько мгновений спустя гул сделался более отчетливым. Казалось, издали доносились слившиеся в единый хор человеческие голоса и медные инструменты.

Паспарту весь обратился в слух и зрение. Мистер Фогг терпеливо ждал, не произнося ни слова.

Проводник соскочил на землю, привязал животное к дереву и углубился в лесные заросли. Несколько минут спустя он вернулся, говоря:

— Это процессия браминов, направляющаяся в нашу сторону. Постараемся, чтобы они нас не заметили.

Проводник отвязал слона и завел его в чащу, посоветовав путешественникам не сходить на землю. Сам он стоял настороже, готовый в любую минуту взобраться на слона, если бы пришлось бежать. Он надеялся, что толпа верующих пройдет мимо, не заметив их, ибо они были совершенно скрыты густой листвой деревьев.

Нестройный шум голосов и музыкальных инструментов приближался. Слышалось однообразное пение, сопровождаемое барабанным боем и звоном цимбал. Вскоре под деревьями, в полусотне шагов от наших путешественников, показалась голова процессии. Мистер Фогг и его спутники сквозь листву свободно различали причудливые фигуры участников этой религиозной церемонии.

В первом ряду выступали жрецы с митрами на головах и в длинных, расшитых золотом одеяниях. Их окружали мужчины,

женщины, дети, тянувшие какие-то похоронные псалмы, прерываемые через правильные промежутки ударами тамтама и цимбал. Позади них, запряженная двумя парами зебу в роскошных попонах, двигалась колесница на высоких колесах, спицы и ободья которых изображали переплетающихся змей. На ней возвышалась безобразная статуя с четырьмя руками, темно-красным телом, дикими глазами, спутанными волосами, высунутым языком и губами, выкрашенными хною и бетелем. На шее у нее было ожерелье из мертвых голов, а на бедрах — пояс из отрубленных рук. Она стояла на распростертом теле великана без головы.

Сэр Фрэнсис Кромарти узнал эту статую.

— Богиня Кали,— прошептал он,— богиня любви и смерти.

— Смерти — согласен, но любви — никогда! — заявил Паспар-ту.— Что за гнусная особа!

Парс сделал ему знак замолчать.

Вокруг статуи суетились, метались, извивались старые факиры, исполосованные коричневой краской и покрытые крестообразными порезами, из которых каплями сочилась кровь; это были те иступленные фанатики, которые во время торжественных индуcских церемоний до сих пор еще бросаются под колеса колесницы Джагернаута.

За ними несколько браминов в пышных восточных одеяниях вели какую-то женщину, с трудом передвигавшую ноги.

Эта женщина была молода и белым цветом кожи походила на жительницу Европы. Ее голова, шея, плечи, уши, руки и ноги были украшены драгоценными камнями, ожерельями, браслетами, серьгами и кольцами. Туника, расшитая золотом и покрытая легким покрывалом, обрисовывала очертания ее фигуры.

Вслед за молодой женщиной — какой ужасный контраст для глаз! — стража с заткнутыми за пояс обнаженными саблями и длинными пистолетами, украшенными серебряными насечками, несла в паланкине труп человека.

Это было тело старика, облаченное в роскошные одежды раджи; как и при жизни, на нем был тюрбан, вышитый жемчугом, тканый золотом шелковый халат, изукрашенный бриллиантами кашемировый пояс и драгоценное оружие индийского владетельного князя.

Позади шел оркестр музыкантов, сопровождаемый толпой фанатиков, чьи дикие крики заглушали порою звуки музыкальных инструментов.

Сэр Фрэнсис Кромарти печальным взглядом проводил это пышное шествие и, обратившись к проводнику, сказал:

— Сутти!

Парс утвердительно кивнул головой и приложил палец к губам. Длинная процессия медленно прошла под деревьями, и вскоре последние ряды ее скрылись в чаще леса.

Мало-помалу пение стихло. Некоторое время слышались еще отдаленные выкрики, и, наконец, весь этот шум сменился глухой тишиной.

Филеас Фогг слышал слово, произнесенное сэром Фрэнсисом Кромарти, и, как только процессия исчезла, спросил:

— Что такое «сутти»?

— Сутти — это, мистер Фогг, человеческое жертвоприношение, — ответил бригадный генерал, — но жертвоприношение добровольное. Женщина, которую вы только что видели, будет сожжена завтра при первых лучах солнца.

— Негодяи! — воскликнул Паспарту, который не мог сдержать своего негодования.

— А мертвец? — спросил мистер Фогг.

— Это князь, ее муж, — ответил проводник, — раджа независимого княжества Бундельханд.

— Как, разве эти варварские обычаи все еще существуют в Индии? И англичане не сумели их искоренить? — спросил Филеас Фогг, в голосе которого не слышалось ни малейшего волнения.

— В большей части Индии, — ответил сэр Фрэнсис Кромарти, — подобных жертв больше не приносят, но мы не имеем никакой власти в диких отдаленных местностях и, в частности, в Бундельханде. В северных отрогах гор Виндхья не прекращаются убийства и грабежи.

— Несчастная! — прошептал Паспарту. — Ее сожгут заживо!

— Да, — ответил бригадный генерал, — а если бы ее не сожгли, вы и представить себе не можете, на какую ужасную жизнь обрекли бы ее близкие! Таким женщинам отрезают волосы, им дают в день всего несколько щепоток риса и считают нечистыми тварями, они умирают где придется, словно паршивые собаки. Обычно эта ужасная перспектива, а не любовь или религиозный фанатизм толкает этих несчастных на смертные муки. Иногда, впрочем, такие жертвоприношения и на самом деле бывают добровольными, и требуется решительное вмешательство властей, чтобы их предотвратить. Несколько лет назад, когда я жил в Бомбее, к губернатору обратилась молодая вдова с просьбой позволить ей быть сожженной вместе с телом мужа. Как вы можете догадаться, губернатор отказал. Тогда эта женщина покинула город, отправилась во владения какого-то раджи и там принесла себя в жертву.

Во время рассказа бригадного генерала проводник все время покачивал головой и, когда тот кончил, сказал:

— Жертва, которую принесут завтра на восходе солнца, не будет добровольной.

— Откуда вы знаете?

— Об этом знает весь Бундельханд.

— Однако эта несчастная и не пытается даже сопротивляться, — заметил сэр Фрэнсис Кромарти.

— Да, но ведь она одурманена парами опиума и конопли.

— Куда ее ведут?

— В пагоду Пилладжи, в двух милях отсюда. Там она проведет ночь в ожидании часа жертвоприношения.

— Когда произойдет жертвоприношение?

— Завтра, при первых проблесках зари.

Сказав это, проводник вывел слона из чащи и взобрался к нему на шею. Но, прежде чем он успел подать сигнал особым свистом, мистер Фогг остановил его и, обратившись к сэру Фрэнсису Кромарти, спросил:

— А что, если мы спасем эту женщину?

— Спасти эту женщину, мистер Фогг!.. — вскричал бригадный генерал.

— У меня в запасе еще двенадцать часов. Я могу ими пожертвовать.

— А ведь вы, оказывается, человек с сердцем! — заметил генерал.

— Иногда, — просто ответил Филеас Фогг. — Когда у меня есть время.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

в которой Паспарту лишний раз доказывает, что счастье улыбается смельчакам

Предприятие было крайне смелое, полное трудностей и, быть может, невыполнимое. Мистер Фогг рисковал своей жизнью или по крайней мере свободой, а следовательно, и успешным исходом своего пари; но он не колебался. Впрочем, в лице сэра Фрэнсиса Кромарти он нашел решительного помощника.

Что же касается Паспарту, то он был готов на все; на него можно было положиться. Он был в восторге от намерения своего господина. Под его ледяной внешностью он угадал отзывчивое сердце. Он начинал любить Филеаса Фогга.

Оставался проводник. На чью сторону станет он в этом деле? Не вздумает ли он помогать индусам? Необходимо было обеспечить если не его содействие, то хотя бы нейтралитет.

Сэр Фрэнсис Кромарти откровенно спросил его об этом.

— Господин генерал, я — парс и эта женщина тоже парсианка. Располагайте мною.

— Прекрасно, — произнес мистер Фогг.

— Но знайте, — продолжал проводник, — мы не только рискуем жизнью, нам грозят страшные мучения, если нас схватят. Подумайте об этом.

— Мы уже подумали, — ответил мистер Фогг. — Мне кажется, для выполнения нашего замысла надо дожждаться ночи?

— Я того же мнения,— сказал проводник.

Благородный индус сообщил некоторые подробности о несчастной женщине. Эта красавица индуска из племени парсов была дочерью богатого купца из Бомбея. В этом городе она получила чисто английское воспитание и по манерам и образованию могла сойти за европейскую женщину. Звали ее Ауда.

Оставшись сиротой, она насильно была выдана замуж за старого раджу Бундельханда. Три месяца спустя Ауда овдовела. Зная об ожидавшей ее участи, она бежала, но тотчас была поймана; заинтересованные в ее смерти родственники раджи обрекли ее на мучительную казнь, от которой ее, видимо, ничто не могло избавить.

Этот рассказ только укрепил мистера Фогга и его спутников в их благородном решении. Проводнику приказали направить слона к пагоде Пилладжи, к которой надо было подойти как можно ближе.

Полчаса спустя они остановились в густых зарослях, шагах в пятидесяти от пагоды; она не была им видна, но дикие крики фанатиков явственно доносились до их слуха.

Затем путники тщательно обсудили, как добраться до несчастной. Проводник знал пагоду Пилладжи, где, по его мнению, была заключена молодая женщина. Сумеют ли они проникнуть туда через один из входов, когда толпа, опьянев, погрузится в сон, или им придется сделать пролом в стене? Решить это можно будет лишь на месте. Ясно было одно: похищение надо было произвести этой ночью, не дожидаясь утра, когда жертву поведут на казнь. Тогда уже не в силах человеческих будет ее спасти.

Мистер Фогг и его товарищи выжидали наступления ночи. В сумерки, часов в шесть вечера, они решили отправиться на разведку вокруг пагоды. Оттуда еще доносились затихающие крики факиров. По своему обыкновению, эти люди были, вероятно, погружены в глубокое опьянение, вызванное «hang» — жидким опиумом, смешанным с настоем конопли, так что вскоре могла представиться возможность незаметно проскользнуть к храму.

Парс, за которым следовали мистер Фогг, сэр Фрэнсис Кромарти и Паспарту, бесшумно продвигался вперед. Минут десять они пробирались, прячась за деревьями, а затем вышли на берег маленькой речки; там, при свете железных светильников, на концах которых курилась смола, они заметили груды срубленных стволов. То был будущий костер, сложенный из драгоценных сандаловых деревьев, пропитанных душистым маслом. На нем лежал набальзамированный труп раджи, который должны были сжечь вместе с несчастной вдовой. В ста шагах от костра возвышалась пагода, минареты которой выступали из мрака среди вершин деревьев.

— Вперед! — тихо произнес проводник.

И, удвоив осторожность, он бесшумно пополз вместе со своими спутниками в высокой траве.

Стояла полная тишина, нарушаемая лишь шепотом ветра в ветвях деревьев. Вскоре проводник остановился у края прогалины. Несколько смоляных факелов освещали ее. Поляна была усеяна группами спящих индусов, отяжелевших от опьянения. Она напоминала покрытое трупами поле сражения. Мужчины, женщины, дети — все лежали вповалку. Несколько пьяниц что-то выкрикивали хриплыми голосами.

На заднем плане, среди темной массы деревьев, смутно виднелась пагода Пилладжи. Но, к великому разочарованию проводника, стража раджи бодрствовала: освещенные коптящими светильниками, караульные расхаживали с обнаженными саблями у дверей. Можно было предположить, что и внутри пагоды жрецы тоже не спят.

Парс остановился. Он понял, что проникнуть в храм невозможно, и отвел своих товарищей в глубь леса.

Филеас Фогг и сэр Фрэнсис Кромарти тоже убедились, что с этой стороны ничего предпринять нельзя.

Они остановились и начали тихо совещаться.

— Подождем, — сказал бригадный генерал, — сейчас только восемь часов, и весьма возможно, что ночью стража тоже заснет.

— Это действительно возможно, — согласился проводник.

Филеас Фогг и его спутники расположились у подножья дерева и стали ждать.

Время тянулось так медленно! Проводник несколько раз покидал их, отправляясь на разведку. Стража раджи все еще бодрствовала, горели светильники, а из окон пагоды проникал слабый свет.

Так прождали до полуночи. Положение не изменилось. Охрана по-прежнему бодрствовала. Становилось очевидным, что на сон стражи рассчитывать нельзя. Вероятно, им и не давали опьяняющих снадобий. Необходимо было действовать иначе и попытаться проникнуть в пагоду через отверстие в стене. Оставалось выяснить, не бодрствуют ли и жрецы около своей жертвы так же, как стража у входа в пагоду?

После краткого совещания двинулись вперед. Впереди шел проводник, мистер Фогг, сэр Фрэнсис и Паспарту следовали за ним. Они сделали довольно длинный обход, чтобы приблизиться к пагоде с противоположной стороны.

Около половины первого ночи они остановились у стен здания, не встретив по пути ни одного человека. Охраны с этой стороны не было никакой, но зато там не было ни окон, ни дверей!

Ночь была темная. Луна, уже находившаяся на ущербе, стояла низко над горизонтом, затянутым тучами. Высокие деревья еще больше усиливали темноту.

Но было недостаточно дойти до пагоды, предстояло еще проделать отверстие в стене. Для этой операции у Филеаса Фогга и его спутников не было ничего, кроме карманных ножей. К счастью, стены храма были выложены из смеси кирпича и дерева, и их, вероятно, нетрудно было разобрать. Если вынуть первый кирпич, за ним легко последуют и остальные.

Стараясь производить как можно меньше шума, все приступили к работе. Парс и Паспарту разбирали кирпичи, чтобы образовалось отверстие шириной в два фута.

Работа подвигалась успешно, как вдруг внутри храма послышался крик, и почти тотчас снаружи раздались ответные крики.

Паспарту и проводник прервали работу. Неужели они замечены? Что это? Не сигнал ли тревоги? Простая осторожность требовала, чтобы они удалились, и они отошли, а вслед за ними — Филеас Фогг и сэр Фрэнсис Кромарти. Они вновь укрылись за деревьями в ожидании, пока уляжется тревога, чтобы затем опять приступить к делу.

Но, на беду, у задней стены пагоды появилась стража и расположилась там, не позволяя приблизиться к пролому.

Трудно описать разочарование этих четырех людей, вынужденных прервать свою работу. Теперь, когда они были лишены возможности проникнуть к пленнице, как сумеют они ее спасти? Сэр Фрэнсис Кромарти в ярости сжимал кулаки. Паспарту был вне себя, и проводник с трудом сдерживал его. Невозмутимый Фогг молча ждал, не проявляя своих чувств.

— Что ж, нам остается только уйти? — тихо спросил бригадный генерал.

— Да, больше ничего не остается, — подтвердил проводник.

— Подождите, — сказал мистер Фогг. — Меня вполне устраивает прибыть в Аллахабад к полудню.

— Но на что вы надеетесь? — спросил сэр Фрэнсис Кромарти. — Через несколько часов наступит день и...

— Удача, которая от нас ускользает, может прийти в последний миг.

Бригадному генералу захотелось проникнуть в мысли Филеаса Фогга.

На что рассчитывает этот хладнокровный англичанин? Уж не собирается ли он в момент казни броситься к молодой женщине и на глазах у всех вырвать ее из рук палачей?

Но ведь это безумие, и нельзя допустить, чтобы человек дошел до подобного безрассудства. Так или иначе, но сэр Фрэнсис Кромарти решил дожидаться развязки этого страшного события.

Тем временем проводник не решался оставаться дольше со своими спутниками на том месте, где они были укрыты, и отвел их на край прогалины. Здесь, спрятавшись за деревьями, они могли не выпускать из виду группы спящих людей.

Паспарту, сидя на нижних ветвях дерева, обдумывал одну мысль, которая, словно молния, пронзила его сознание и все глубже и глубже внедрялась в его мозг.

Сначала он говорил себе: «Какое безумие!» — но потом стал повторять: «А почему бы и нет? Это, может быть, единственный шанс с такими дикарями!..»

Так или иначе, Паспарту больше не раздумывал, он поспешно, с гибкостью змеи, спустился по ветвям, концы которых доходили до земли.

Часы шли, и вскоре небо несколько посветлело, возвещая о приближении дня. Но все же было еще довольно темно.

Время жертвоприношения наступило. Спящие индусы словно воскресли. Толпа зашевелилась. Послышались звуки тамтама. Пение и крики снова усилились. Пришел час, когда несчастная должна была умереть. В это мгновение двери пагоды распахнулись.

Сноп света вырвался изнутри. Мистер Фогг и сэр Фрэнсис Кромарти увидели ярко освещенную жертву, которую двое жрецов влекли наружу. Им показалось, что несчастная стряхнула с себя дурман и, следуя властному чувству самосохранения, пыталась вырваться из рук своих палачей. Сердце сэра Фрэнсиса Кромарти забилось, он судорожно схватил Филеаса Фогга за руку и почувствовал, что эта рука сжимает раскрытый нож.

В это время толпа пришла в движение. Молодая женщина снова впала в оцепенение, вызванное парами конопли. Она прошла сквозь ряды факиров, которые провожали ее ритуальными возгласами.

Филеас Фогг и его товарищи, смешавшись с толпой, последовали за процессией.

Минуты через две они дошли до берега реки и остановились меньше чем в пятидесяти шагах от костра, на котором лежало тело раджи. В полутьме они видели, как бесчувственное тело женщины положили рядом с трупом ее мужа.

Затем к пропитанным маслом дровам поднесли зажженный факел, и они тотчас же вспыхнули.

В этот миг сэр Фрэнсис Кромарти и проводник еле удержали Филеаса Фогга, который в порыве благородного безрассудства готов был броситься в костер...

Филеасу Фоггу удалось уже оттолкнуть своих спутников, как вдруг произошло нечто неожиданное. Раздался всеобщий крик ужаса. Толпа в страхе распростерлась на земле.

Старый раджа ожил! Словно привидение, он поднялся со своего ложа, взял молодую жену на руки и сошел с костра, окутанный клубами дыма, придававшими ему призрачный вид.

Факиры, стража и жрецы, охваченные внезапным ужасом, прикили к земле, не смея поднять глаза и лицезреть подобное чудо!

Бездыханная жертва невесомо покоилась на мощных руках. Мистер Фогг и сэр Фрэнсис Кромарти застыли на месте. Проводник в страхе склонил голову, Паспарту, без сомнения, тоже был потрясен!..

Воскресший раджа остановился возле мистера Фогга и генерала и отрывисто сказал:

— Бежим!..

То был не кто иной, как Паспарту, который пробрался к костру под прикрытием густого дыма, Паспарту, который, воспользовавшись темнотой, вырвал молодую женщину из рук смерти, Паспарту, который среди всеобщего смятения блестяще сыграл свою роль!

Через мгновение все четверо скрылись в лесу и вскоре крупной рысью неслись на своем слоне. Но крики, проклятья и свист пули, пробившей шляпу мистера Фогга, показали, что хитрость их открыта. На пылавшем костре выделялось тело старого раджи. Жрецы, очнувшись от оцепенения, поняли, что их жертву похитили.

Они тотчас бросились в лес. Стража следовала за ними. Вдогонку похитителям раздался залп, но они быстро неслись вперед и вскоре стали недосыгаемы для пуль и стрел преследователей.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ,

*в которой Филеас Фогг пересекает чудесную долину Ганга, даже не подумав
ею полюбоваться*

Смелое похищение удалось. Паспарту долго посмеивался, вспоминая о своей удаче. Сэр Фрэнсис Кромарти крепко пожал руку отважному малому. А мистер Фогг сказал ему «хорошо», что в устах этого джентльмена было высшей похвалой. На это Паспарту ответил, что вся честь предприятия принадлежит его господину. Ему же просто пришла в голову одна смешная мысль; его забавляло, что на несколько мгновений он, Паспарту, прежний гимнаст и бывший сержант пожарной команды, превратится в старого набальзамированного раджу, мужа прелестной женщины!

А молодая индуска все еще не приходила в себя. Завернутая в дорожное одеяло, она покоилась в одной из корзин.

Слон, направляемый уверенной рукой парса, быстро бежал по еще темному лесу. Спустя час они были уже на широкой равнине.

В семь часов сделали привал. Молодая женщина все еще пребывала в полном беспамятстве. Проводник влил ей в рот несколько глотков разбавленного бренди, но действие одурманивающих паров еще продолжалось.

Сэр Фрэнсис Кромарти, знавший, как долго длится состояние сна от действия паров конопли, нисколько не беспокоился.

Но если выздоровление молодой женщины и не вызывало у генерала сомнений, то ее будущее представлялось ему менее ясным. Он прямо заявил Филеасу Фоггу, что если миссис Ауда останется в Индии, то неминуемо попадет в руки своих палачей. Эти фанатики рассеяны по всему полуострову и, невзирая на все старания английской полиции, сумеют разыскать свою жертву, будь то в Мадрасе, в Бомбее или в Калькутте. В подтверждение сказанного сэр Фрэнсис Кромарти сослался на недавно имевший место случай. По его мнению, молодая женщина будет в безопасности только за пределами Индии.

Филеас Фогг ответил, что он отдает себе в этом отчет и примет нужное решение.

Около десяти часов утра проводник сообщил о прибытии на станцию Аллахабад. Отсюда вновь начиналась прерванная железнодорожная линия. Расстояние между Аллахабадом и Калькуттой поезда проходили менее чем за сутки.

Следовательно, Филеас Фогг прибудет вовремя, и ему удастся попасть на пароход, отходящий в Гонконг на следующий день, 25 октября, в полдень.

Молодую женщину поместили в одну из комнат на вокзале. Паспарту было поручено приобрести для нее различные предметы туалета: платье, шаль, меха и прочее — все, что удастся найти. Филеас Фогг открыл для этой цели неограниченный кредит.

Паспарту сейчас же отправился в город и быстро обжег его улицы. Название Аллахабад означает «град божий», это один из наиболее почитаемых городов Индии, куда стекаются паломники со всего полуострова, ибо расположен он у слияния двух священных рек — Ганга и Джамны. Согласно сказаниям «Рамаяны», Ганг берет свое начало на небе, откуда по милости Браммы спускается на землю.

Делая всевозможные покупки, Паспарту быстро осмотрел Аллахабад с его великолепной крепостью, ставшей ныне государственной тюрьмой. Раньше это был большой город с сильно развитой торговлей и промышленностью. Теперь там нет ни того, ни другого. Паспарту безрезультатно разыскивал магазин с модными товарами, словно он был на Риджент-стрит, и в конце концов оказался в лавке старого несговорчивого еврея-перекупщика, где нашел нужные ему вещи: платье из шотландской материи, широкое манто и великолепную шубу из меха выдры, за которую, не заду-

мываясь, заплатил семьдесят пять фунтов стерлингов. Затем, торжествуя, он вернулся на вокзал.

Ауда понемногу приходила в себя. Действие дурмана, которому подвергли ее священнослужители из пагоды Пилладжи, мало-помалу ослабевало, и ее прекрасные глаза приобретали вновь свою индийскую мягкость.

Некогда король-поэт Усаф Уддауль прославил прелести королевы Аменагара; он говорил:

«Ее сверкающие волосы, разделенные ровным пробором, обрамляли нежные и тонкие щеки, блиставшие свежестью и белизной. Черные брови были подобны луку бога любви Кама, а под длинными шелковыми ресницами в черных зрачках ее громадных прозрачных глаз, словно в священных озерах Гималаев, отражался чистейший небесный свет. Точеные, ровные белые зубы сверкали меж смеющихся губ, как капли росы в чашечке полураскрывшегося цветка граната. Ее маленькие уши были изящно закруглены, ее розовые руки и крохотные ножки, подобные бутону лотоса, ослепляли, словно драгоценные жемчужины Цейлона или прекраснейшие бриллианты Голконды. Ее тонкая и гибкая талия, которую легко можно было обхватить одной рукой, подчеркивала изящную округлость бедер и высокую грудь, которой цветущая юность придавала столько прелести; под складками шелковой туники она казалась отлитой из чистого серебра божественной рукой предвечного ваятеля Вик-вакарма».

Не прибегая к такого рода поэтическим преувеличениям, можно сказать, что миссис Ауда — вдова раджи Бундельханда — была очаровательной женщиной в европейском понимании этого слова. Она говорила на совершенно чистом английском языке, и проводник не преувеличивал, утверждая, что молодая парси-анка благодаря воспитанию превратилась в англичанку.

Время отхода поезда приближалось. Проводник ждал. Мистер Фогг рассчитался с ним, не заплатив сверх обусловленной цены ни одного фартинга. Это несколько удивило Паспарту, который знал, сколь многим его господин обязан проводнику. В самом деле, ведь парс добровольно рисковал жизнью, принимая участие в похищении Ауды из пагоды Пилладжи, и, если индусы когда-нибудь узнают об этом, ему трудно будет избежать их мести.

Оставался еще Киуни. Что сделают со слоном, купленным за такую дорогую цену?

Но, оказывается, мистер Фогг уже принял на этот счет решение.

— Парс,— сказал он проводнику,— ты хорошо и самоотверженно служил нам. Я заплатил тебе за службу, но не за самоотверженность. Хочешь взять слона? Он твой.

Глаза проводника сверкнули.

— Ваша милость, вы дарите мне целое состояние!

— Бери его, проводник,— ответил мистер Фогг,— я все равно еще у тебя в долгу.

— Вот хорошо! — воскликнул Паспарту.— Бери его, друг! Киуни — славное и храброе животное! — И, подойдя к слону, он протянул ему несколько кусков сахара: — На, Киуни, на!

Слон тихо затрубил от удовольствия, затем взял Паспарту за пояс и поднял хоботом до уровня своей головы. Паспарту, нисколько не испугавшись, приласкал животное, которое вновь осторожно поставило его на землю; на пожатие хобота честного Киуни Паспарту ответил крепким пожатием своей честной руки.

Несколько минут спустя Филеас Фогг, сэр Фрэнсис Кромарти и Паспарту разместились в комфортабельном вагоне, где лучшее место уже занимала миссис Ауда; поезд на всех парах помчался к Бенаресу.

Расстояние в восемьдесят с лишним миль, отделяющее этот город от Аллахабада, было покрыто за два часа.

За это время молодая женщина совсем пришла в себя, дурман от паров конопля рассеялся.

Каково же было ее удивление, когда она увидела себя в купе вагона в европейской одежде, среди совершенно незнакомых ей путешественников!

Прежде всего спутники постарались подкрепить ее несколькими глотками ликера, затем бригадный генерал рассказал ей обо всем случившемся. Он особо подчеркнул самоотверженность Филеаса Фогга, который, не задумываясь, рисковал своей жизнью, чтобы спасти ее, а также то, что счастливым исходом всего предприятия она обязана смелой изобретательности Паспарту.

Мистер Фогг не прерывал его рассказа. Паспарту в смущении повторял:

— Какие пустяки!

Миссис Ауда горячо благодарила своих спасителей: правда, больше слезами, чем словами. Ее прекрасные глаза лучше всяких речей выражали ее признательность. Вскоре мысли молодой женщины перенеслись к недавним событиям, а глаза вновь увидели землю Индии, где ее ожидало еще столько опасностей. И она задрожала от ужаса.

Филеас Фогг понял, что происходит в душе миссис Ауды, и, чтобы успокоить ее, он предложил — кстати сказать, достаточно бесстрастным тоном — довезти ее до Гонконга, где она может остаться, пока вся эта история не заглохнет.

Миссис Ауда с благодарностью приняла это предложение. Как раз в Гонконге жил один ее родственник, парс, как и она, крупный коммерсант, обосновавшийся в этом совершенно английском городе, хотя и расположенном на китайской земле.

В половине первого дня поезд подошел к Бенаресу... Браминская легенда утверждает, что этот город стоит на месте древнего Кази, который некогда висел в пространстве между зенитом и надиром, подобно гробнице Магомета. Но в нашу более реалистическую эпоху Бенарес — Афины Индии, как его именуют востоковеды, — самым прозаическим образом покоится на земле, и Паспарту на одно мгновение увидел его кирпичные дома и плетеные хижины, придающие городу весьма унылый вид, лишенный всякой экзотики.

Здесь заканчивал свой путь сэр Фрэнсис Кромарти. Войсковые части, к которым он направлялся, были расквартированы в нескольких милях к северу от города. Бригадный генерал распрощался с мистером Фоггом, пожелав ему полного успеха в путешествии, и выразил надежду, что он когда-нибудь повторит его с менее оригинальной, но более полезной целью. Мистер Фогг слегка пожал пальцы своего спутника, миссис Ауда простилась с ним гораздо теплее. Она сказала, что никогда не забудет, чем обязана сэру Фрэнсису Кромарти. Что касается Паспарту, то бригадный генерал крепко пожал ему руку, и растроганный малый спросил себя, где и как он сумеет доказать генералу свою преданность.

Затем путешественники расстались.

После Бенареса железнодорожный путь некоторое время идет долиной Ганга. Из окон вагона благодаря ясной погоде можно было любоваться разнообразными пейзажами Бихара; мимо проносились горы, покрытые зеленью, поля ячменя, кукурузы и пшеницы, водоемы, населенные зеленоватыми аллигаторами, чистенькие селения и все еще зеленые леса. Несколько слонов и большегорбых зебу купались в священных водах реки, а рядом — группы индусов обоего пола, невзирая на осенний холод, благочестиво совершали ритуальные омовения в священных струях. Эти верующие — ярые враги буддизма и горячие приверженцы браминской религии, воплощенной в трех образах: Вишну — бога солнца, Шивы — божественного олицетворения сил природы и Брамы — верховного владыки священнослужителей и законодателей. Но какими глазами Брами, Шива и Вишну должны были смотреть на «британизированную» ныне Индию, где ревушие пароходы мутят священные воды Ганга, пугают чаек, летающих над его поверхностью, черепах, которыми кишат берега, и распростертых у реки богомольцев?

Вся эта панорама стремительно проносилась перед окнами вагона, и клубы белого пара часто скрывали от глаз отдельные ее детали. Путешественники едва успели различить форт Чунар, расположенный в двадцати милях к юго-востоку от Бенареса, древнюю цитадель раджей Бихара, Газипур, и расположенные там крупные фабрики розовой воды и масла, а также могилу лорда Корн-

валлиса, которая возвышается на левом берегу Ганга; перед ними промелькнул укрепленный город Буксар, Патна — крупный промышленный и торговый центр, где находился главный рынок опиума, а также наиболее европеизированный город Монгхир, напоминающий Манчестер или Бирмингем и знаменитый своими чугунолитейными заводами и фабриками, изготавливающими различные орудия и холодное оружие; их высокие трубы оскверняли небо Браммы дымом и копотью. Какая пощечина стране грез!

Наступила ночь; поезд мчался на всех парах, сопровождаемый рычанием тигров и медведей и завыванием волков, испуганных локомотивом; теперь уже нельзя было различить никаких чудес Бенгалии: ни Голконды, ни развалин Гура, ни Муршидабада, бывшего некогда столицей, ни Бурдвана, ни Хугли, ни Шандернагора, этого французского пункта на территории Индии, где Паспарту с гордостью увидел развевающийся флаг своей родины!

Наконец, в семь часов утра прибыли в Калькутту. Пароход, отправлявшийся в Гонконг, снимался с якоря лишь в полдень. В распоряжении Филеаса Фогга осталось еще пять часов.

По составленному им расписанию наш джентльмен должен был прибыть в столицу Индии 25 октября, на двадцать третий день после своего отъезда из Лондона. Он приехал туда точно в назначенный день. Итак, он не опоздал и не прибыл раньше срока. Два дня, которые он выиграл в пути между Лондоном и Бомбеєм, были потеряны во время переезда через Индию по известным нам причинам. Но можно было предполагать, что Филеас Фогг об этом не сожалел.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

в которой саквояж с банковыми билетами облегчается еще на несколько тысяч фунтов стерлингов

Поезд остановился на вокзале. Паспарту вышел из вагона первым, за ним последовал мистер Фогг, который помог сойти на перрон своей молодой спутнице. Филеас Фогг предполагал сразу же отправиться на пакетбот, идущий в Гонконг, с тем чтобы удобно устроить миссис Ауду, которую он не хотел оставлять одну, пока она находится в этой стране, где ей грозит столько опасностей.

В ту минуту, когда мистер Фогг выходил из вокзала, к нему подошел полисмен и спросил:

— Мистер Филеас Фогг?

— Да.

— А этот человек — ваш слуга? — прибавил полисмен, показывая на Паспарту.

— Да.

— Будьте любезны оба следовать за мной.

Мистер Фогг ни одним жестом не выразил своего удивления. Полицейский был представителем закона, а для всякого англичанина закон — святыня. Паспарту, как истый француз, попробовал было рассуждать, но полисмен коснулся его своим жезлом, и мистер Фогг сделал своему слуге знак подчиниться.

— Может ли эта дама сопровождать нас? — спросил мистер Фогг.

— Может! — ответил полисмен.

Полицейский проводил мистера Фогга и его спутников к пальки-гари — четырехколесному и четырехместному экипажу, запряженному парой лошадей. Тронулись в путь. Во время переезда, длившегося двадцать минут, никто не проронил ни слова.

Экипаж сначала пересек «черный город» — узенькие улочки, загроможденные лачугами, где ютились грязные и оборванные люди — разноплеменное население этих кварталов. Затем он проехал европейский город, застроенный кирпичными домами, осененный кокосовыми пальмами и ошетилившийся строительными лесами; здесь, несмотря на утренний час, проезжали элегантные всадники и двигались роскошные кареты.

Экипаж остановился перед каким-то зданием невзрачного вида, мало похожим на жилой дом. Полисмен высадил своих пленников — их с полным правом можно было так назвать — и провел в комнату с решетками на окнах. Затем он объявил:

— В половине девятого вы предстанете перед судьей Обадия! Затем он вышел и запер дверь.

— Ну вот! Мы арестованы! — воскликнул Паспарту, опускаясь на стул.

Миссис Ауда, тщетно стараясь скрыть волнение, сказала, обращаясь к мистеру Фоггу:

— Вы должны расстаться со мною, сударь! Вас преследуют из-за меня! За то, что вы меня спасли!

Филеас Фогг коротко ответил, что это невозможно. Преследовать по делу «сутти»! Немыслимо! Как жалобщики осмелились бы об этом заявить? Тут какая-то ошибка. Мистер Фогг закончил уверением, что он во всех случаях не покинет молодой женщины и сопроводит ее до Гонконга.

— Но пароход отходит в полдень! — заметил Паспарту.

— Мы еще до полудня будем на борту, — спокойно ответил невозмутимый джентльмен.

Это было сказано так уверенно, что Паспарту невольно повторил про себя: «Черт побери! Ну конечно! Еще до полудня будем на пароходе!» Но он отнюдь не был в этом уверен.

В половине девятого дверь комнаты отворилась. Появился полисмен и провел арестованных в соседнее помещение. Это был зал суда, наполненный многочисленной публикой, состоявшей из

европейцев и местных жителей. Мистер Фогг, миссис Ауда и Паспарту сели на скамью перед возвышением, предназначенным для судьи и секретаря.

Почти тотчас же вышел в сопровождении секретаря и сам судья Обадия. Это был толстый, совершенно круглый человек. Он снял с гвоздя один из париков и ловко надел его себе на голову.

— Слушается первое дело,— объявил он.

Но вдруг он поднес руку к голове и воскликнул:

— Эге! Да ведь это не мой парик!

— Ваша правда, мистер Обадия, это мой,— сказал секретарь.

— Дорогой мистер Ойстерпф, неужели вы думаете, что судья может вынести правильный приговор, будучи в парике секретаря?

Произошел обмен париками. Во время этих приготовлений Паспарту весь сгорал от нетерпения — ему казалось, что стрелка громадных часов, висевших в зале суда, страшно быстро движется по циферблату.

— Слушается первое дело,— повторил судья.

— Филеас Фогг! — провозгласил секретарь Ойстерпф.

— Я,— ответил мистер Фогг.

— Паспарту!

— Здесь! — отозвался Паспарту.

— Превосходно! — начал судья.— Вот уже два дня, как вас ищут во всех поездах, прибывающих из Бомбея...

— Но в чем нас обвиняют? — нетерпеливо перебил Паспарту.

— Вы это сейчас узнаете,— ответил судья.

— Сударь,— начал Филеас Фогг,— я британский гражданин и имею право...

— С вами непочтительно обошлись? — спросил судья.

— Отнюдь нет.

— Прекрасно! Вызовите жалобщиков.

По приказу судьи дверь распахнулась, и пристав ввел в зал трех индийских жрецов.

— Так я и думал! — прошептал Паспарту.— Это те самые мерзавцы, что хотели сжечь нашу молодую даму.

Жрецы встали перед судьей, и секретарь громким голосом прочел их жалобу на Филеаса Фогга и его слугу, обвиняемых в кощунственном осквернении браминского святилища.

— Вы слышали? — спросил судья Филеаса Фогга.

— Да,— ответил мистер Фогг, посмотрев на часы,— слышал и признаю.

— Ага! Вы признаете?..

— Да, признаю и жду, чтобы эти три жреца в свою очередь признались в том, что они были намерены делать в пагоде Пилладжи.

Жрецы переглянулись. Они, казалось, ничего не поняли из слов обвиняемого.

— Вот именно,— нетерпеливо вмешался Паспарту,— в той самой пагоде Пилладжи, перед которой они собирались сжечь свою жертву!

Снова полная растерянность жрецов и крайнее изумление судьи Обадия.

— Какую жертву? — спросил он.— Кого сжечь? В самом центре Бомбея!

— Бомбея! — воскликнул Паспарту.

— Ну да. Ведь речь идет не о пагоде Пилладжи, а о пагоде Малабар-Хилл в Бомбее.

— В качестве вещественного доказательства представлены башмаки святотатца,— прибавил секретарь, ставя на стол пару обуви.

— Мои башмаки! — закричал Паспарту, который был до того удивлен, что не мог сдержать невольного восклицания.

Можно себе представить, какая путаница была в умах и господина и его слуги. Они давно забыли про случай в бомбейской пагоде, и вдруг он неожиданно привел их на скамью подсудимых здесь, в Калькутте.

Дело в том, что сыщик Фикс оценил все выгоды, какие он мог извлечь из злосчастного поступка Паспарту. Отложив на двенадцать часов свой отъезд, Фикс предложил жрецам Малабар-Хилла совет и помощь. Он пообещал им добиться крупного возмещения за нарушение святости храма, хорошо зная, что английское правительство очень сурово относится к подобным проступкам, и с ближайшим поездом отправился со жрецами следом за осквернителями. Вследствие задержки, вызванной освобождением молодой вдовы, Фикс и его индусы прибыли в Калькутту раньше Филеаса Фогга и Паспарту, которых местные власти, предупрежденные телеграммой, должны были задержать при выходе из вагона. Можно себе представить, как был раздосадован Фикс, узнав, что Филеас Фогг еще не приехал в столицу Индии. Он решил, что его вор сошел на одной из станций Индийской железной дороги и скрылся в северных провинциях. Одержимый смертельным беспокойством, сыщик целые сутки безотлучно находился на вокзале. И какова же была его радость, когда утром он увидел путешественников, вышедших из вагона; правда, с ними была какая-то молодая дама, присутствие которой казалось Фиксу необъяснимым. Он сейчас же подослал к ним полисмена, и вот каким образом мистер Фогг, Паспарту и вдова раджи Бундельханда предстали перед судьей Обадия.

Если бы Паспарту был менее занят ходом дела, он мог бы заметить в уголке зала сыщика, который следил за ходом судеб-

ного заседания с вполне понятным интересом, ибо в Калькутте, так же как в Бомбее и Суэце, ордер на арест все еще не был им получен.

Между тем судья Обадия приказал занести в протокол признание, вырвавшееся у Паспарту, который отдал бы все на свете, лишь бы взять обратно свои неосторожные слова.

— Признаете ли вы факт преступления? — спросил судья.

— Признаю, — холодно ответил мистер Фогг.

— Ввиду того, — продолжал судья, — что английский закон равно охраняет религиозные верования всех народов, населяющих Индию, и принимая во внимание, что проступок признан обвиняемым Паспарту, пытавшимся коснуться кощунственной стопой пола пагоды Малабар-Хилл в Бомбее двадцатого октября сего года, суд постановляет приговорить вышеупомянутого Паспарту к двум неделям тюрьмы и штрафу в триста фунтов.

— Триста фунтов? — воскликнул Паспарту, которого по-настоящему огорчил только штраф.

— Молчать! — крикнул судебный пристав визгливым голосом.

— Принимая во внимание, — продолжал судья Обадия, — что хотя судебным следствием и не был доказан факт сговора слуги и его господина в этом деле, но что господин во всех случаях должен отвечать за действия и поступки слуги, суд постановляет приговорить вышеупомянутого Филеаса Фогга к восьми дням тюрьмы и полуторастам фунтам стерлингов штрафа. Секретарь, огласите следующее дело!

Сидя в соседнем углу, Фикс испытывал невыразимое удовольствие. Филеас Фогг задержан в Калькутте на целых восемь дней, а этого времени вполне достаточно для того, чтобы прибыл ордер на его арест.

Паспарту был ошеломлен. Этот приговор разорял его господина. Пари в двадцать тысяч фунтов проиграно, и все из-за того, что он, Паспарту, как последний зевака, забрел в проклятую пагоду!

Филеас Фогг, сохраняя полное самообладание, как будто приговор его вовсе не касался, даже бровью не повел. Но когда секретарь начал объявлять следующее дело, он поднялся с места и заявил:

— Я предлагаю залог.

— Это ваше право, — ответил судья.

У Фикса мороз пробежал по спине, но он быстро оправился, когда услышал, что судья, принимая во внимание то обстоятельство, что Филеас Фогг и Паспарту не являются жителями Калькутты, назначил для каждого из них огромный залог в тысячу фунтов.

Это должно было обойтись мистеру Фоггу в две тысячи фунтов, если он не предпочтет отбыть наказание.

— Я плачу,— сказал наш джентльмен.

Он вынул из саквояжа, который держал Паспарту, пачку банковых билетов и положил ее на стол секретаря.

— Эта сумма вам будет возвращена по выходе из тюрьмы,— сказал судья,— а пока вы освобождены под залог.

— Идем! — сказал мистер Фогг своему слуге.

— Пусть они мне по крайней мере вернут мои башмаки! — в ярости воскликнул Паспарту.

Башмаки были ему возвращены.

— Ну и дорого же они мне обошлись! Больше тысячи фунтов каждый! И к тому же еще жмут! — бормотал Паспарту.

Совершенно убитый, Паспарту последовал за мистером Фоггом, который предложил руку молодой женщине. Фикс, до последней минуты надеявшийся, что его вор никогда не решится расстаться с суммой в две тысячи фунтов и предпочтет отсидеть восемь дней в тюрьме, бросился вслед за ними.

Мистер Фогг нанял коляску и сел в нее с миссис Аудой и Паспарту. Фикс побежал следом за коляской, которая вскоре остановилась на набережной.

В полумиле от них, на рейде, уже стоял «Рангун» с развевающимся на мачте флагом. Пробило одиннадцать часов. Мистер Фогг прибыл на час раньше расписания. Фикс видел, как он вышел из кареты и вместе с миссис Аудой и Паспарту сел в лодку. Сыщик топнул ногой.

— Негодай! — воскликнул он.— Он уезжает! Две тысячи фунтов пропали! Он расточителен, как вор. Ну что ж, если надо, я поеду за ним на край света. Но, если так пойдет и дальше, он скоро истратит все украденные деньги!

Инспектор полиции имел все основания негодовать. Действительно, с тех пор как Филеас Фогг покинул Лондон, он потратил на путевые расходы, награды, покупку слона, залог и штраф больше пяти тысяч фунтов стерлингов, а ведь по мере уменьшения похищенной суммы уменьшалась и премия сыщика.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ,

в которой Фикс делает вид, будто не понимает, о чем с ним ведут речь

«Рангун» — одно из судов компании «Пенинсюлер-энд-Ориенталь», совершающих рейсы в Китайском и Японском морях,— был железный винтовой пароход валовой вместимостью в тысячу семьсот семьдесят тонн и мощностью в четыреста лошадиных сил. По быстроходности он был равен «Монголии», но в отношении удобств значительно уступал ей; поэтому миссис Ауду не удалось устроить так хорошо, как того желал бы Филеас Фогг. Но в конце

концов дело шло о переезде всего в три с половиной тысячи миль, на что требовалось одиннадцать-двенадцать дней, а молодая женщина оказалась не слишком привередливой пассажиркой.

В первые же дни путешествия миссис Ауда ближе познакомилась с Филеасом Фоггом. При каждом удобном случае она выражала ему свою живейшую благодарность. Флегматичный джентльмен выслушивал ее, во всяком случае внешне, весьма холодно, по крайней мере ни единым жестом, ни единой интонацией не высказывая ни малейших признаков чувства. Он тщательно следил, чтобы молодая женщина ни в чем не испытывала недостатка: в определенные часы он регулярно навещал ее, и если не разговаривал, то по крайней мере слушал. Он вел себя в отношении к ней в высшей степени учтиво, но действовал при этом со своеобразной грацией автомата. Миссис Ауда не знала, что и думать, пока Паспарту не объяснил ей, что за странный человек его господин. От него она узнала, какое пари гонит этого джентльмена вокруг света. Миссис Ауда улыбнулась; но в конце концов она была ему обязана жизнью, и ее спаситель ничего не терял от того, что она смотрела на него сквозь очки признательности.

Миссис Ауда подтвердила волнующую историю, которую рассказал о ней проводник. Она действительно происходила из племени парсов, играющего видную роль среди народов, населяющих Индию. Многие парсийские купцы составили себе в Индии крупные состояния на торговле хлопком. Один из них, сэр Джемс Джиджибой, даже получил от английского правительства дворянское звание; миссис Ауда приходилась родственницей этому богатому купцу, проживавшему в Бомбее. К двоюродному брату сэра Джиджибоя, к почтенному Джиджи, она и ехала теперь в Гонконг. Найдет ли она у него убежище и поддержку? Она не могла этого утверждать. Но мистер Фогг обычно отвечал, что ей не следует беспокоиться и что все устроится «математически». Именно так он и выразился.

Поняла ли молодая женщина это странное выражение? Неизвестно. Во всяком случае, ее большие глаза, «прозрачные, как священные озера Гималаев», часто останавливались на мистере Фогге. Но непроницаемый Фогг, чопорный, как обычно, отнюдь не походил на человека, готового погрузиться в эти озера.

Первая часть переезда на «Рангуне» прошла в превосходных условиях. Погода стояла хорошая. На всем протяжении огромного залива, который моряки называют «Бенгальским бассейном», стихии благоприветствовали путешествию. Вскоре с «Рангуна» заметили Большой Андаман, главный из Андаманских островов, с живописной горой Сэдл-Пик, возвышающейся на две тысячи чотыреста футов и видной мореплавателям с далекого расстояния.

Пароход прошел довольно близко от берега. Дикие папуасы, обитатели острова, не показывались. Эти существа находятся на последней ступени человеческой цивилизации, но к людоедам их причисляют без всяких оснований.

Вид островов издали был великолепен. На переднем плане выступали громадные леса латаний, капустной пальмы, бамбука, мускатного ореха, индийского дуба, гигантских мимоз и древо-видных папоротников, а сзади вырисовывались изящные силуэты гор. Берега кишели тысячами драгоценных саламанг, съедобные гнезда которых считаются изысканным блюдом в Небесной империи. Но разнообразные пейзажи Андаманских островов быстро промелькнули мимо «Рангуна», который на всех парах продолжал свой путь к Малаккскому проливу, служащему воротами в Китайское море.

Что же делал в продолжение этого переезда сыщик Фикс, столь некстати вовлеченный в кругосветное путешествие? Покидая Калькутту, он оставил распоряжение переслать ему ордер на арест мистера Фогга, если тот, наконец, будет получен, в Гонконг; садясь на пакетбот, он счастливо избежал встречи с Паспарту и рассчитывал остаться незамеченным до прибытия «Рангуна» в Гонконг. Действительно, Фиксу было бы трудно объяснить Паспарту, не возбуждая его подозрений, почему он очутился на борту пакетбота, когда ему следовало находиться в Бомбее. Но в силу обстоятельств ему все же пришлось возобновить знакомство с честным малым. Каким образом? Мы это сейчас увидим.

Все надежды, все желания сыщика сосредоточились теперь на одной точке земного шара — Гонконге, так как остановка пакетбота в Сингапуре была слишком кратковременной, чтобы Фикс мог что-либо предпринять в этом городе. Следовательно, он должен был арестовать вора в Гонконге, ибо в противном случае тот снова ускользнул бы от него, и на сей раз, так сказать, безвозвратно.

Ведь Гонконг был последней английской территорией на пути Филеаса Фогга. Дальше — Китай, Япония, Америка предоставляли почти надежное убежище мистеру Фоггу. В Гонконге, если только ордер, который, очевидно, следует за сыщиком, придет вовремя, Фикс арестует Фогга и передаст его в руки местной полиции. Тут не будет никаких затруднений. Но за пределами Гонконга простого ордера на арест уже недостаточно. Там требуется специальное постановление о выдаче преступника. Отсюда — всевозможные задержки, проволочки и препятствия, которыми вор, конечно, не преминет воспользоваться, чтобы навсегда ускользнуть от английской полиции. Если попытка арестовать его в Гонконге не удастся, будет крайне трудно, пожалуй даже невозможно, возобновить ее с шансами на успех.

«Итак,— повторял про себя Фикс в те долгие часы, которые он проводил в каюте,— или ордер будет в Гонконге и я арестую этого молодчика, или его там не окажется, и тогда мне необходимо любой ценой задержать отъезд этого Фогга! В Бомбее у меня сорвалось, в Калькутте тоже! Если я и в Гонконге промахнусь, моя репутация погибла! Во что бы то ни стало мне надо добиться цели. Вопрос лишь в том, как задержать, если понадобится, отъезд этого проклятого Фогга!»

В крайнем случае Фикс решил во всем признаться Паспарту и рассказать ему, что за человек его хозяин. После такого разоблачения прозревший Паспарту, который явно не является сообщником Фогга, из боязни оказаться скомпрометированным, без сомнения, перейдет на сторону Фикса. Но средство это было рискованное и воспользоваться им следовало лишь за отсутствием иных возможностей. Достаточно было одного слова Паспарту своему господину, чтобы безвозвратно погубить все дело.

Итак, полицейский инспектор находился в величайшем затруднении. Но присутствие миссис Ауды в обществе Филеаса Фогга на борту «Рангуна» наполнило его новыми надеждами.

Кто эта женщина? Какое стечение обстоятельств связало ее с Филеасом Фоггом? Очевидно, их встреча произошла где-то между Бомбеем и Калькуттой. Но где именно? Только ли случай свел мистера Фогга с этой молоденькой путешественницей? Или, быть может, самое путешествие через Индию было затеяно ради свидания с этой красавицей? А ведь она и вправду очаровательна! Фикс хорошо рассмотрел ее в зале суда в Калькутте.

Понятно, до какой степени было возбуждено любопытство полицейского инспектора! Он спрашивал себя, не имеет ли здесь место преступное похищение? Что ж! Очень может быть. Эта мысль крепко засела в мозгу Фикса, и он сразу понял, сколько выгоды он мог извлечь из этого обстоятельства. Замужем эта молодая женщина, или нет, но похищение налицо, а это значит, что в Гонконге можно устроить ее похитителю такие затруднения, из которых он не выпутается ни за какие деньги.

Но незачем дожидаться прибытия «Рангуна» в Гонконг. У этого Фогга отвратительная привычка скакать с одного корабля на другой, и, прежде чем Фикс успеет приступить к делу, он, чего доброго, окажется уже далеко. Поэтому надо было прежде всего заранее предупредить английские власти в Гонконге. Это сделать легко, ибо пакетбот заходит в Сингапур, а Сингапур связан с китайской территорией телеграфной линией.

Однако, прежде чем действовать и чтобы бить наверняка, Фикс решил еще раз порасспросить Паспарту. Он знал, что честному малому нетрудно развязать язык, и решил нарушить инкогнито, которое сохранял до тех пор. Терять времени было нельзя. Дело

происходило 30 октября; на следующий день «Рангун» должен был прибыть в Сингапур.

Поэтому Фикс вышел в тот день из каюты и поднялся на палубу, намереваясь первым подойти к Паспарту и выразить крайнее удивление по поводу встречи. Паспарту прогуливался на передней части палубы, как вдруг к нему бросился инспектор и воскликнул:

— Как, вы на «Рангуне»?

— Мистер Фикс здесь! — воскликнул пораженный Паспарту, узнав своего попутчика по «Монголии». — Как? Я оставил вас в Бомбее и встречаю на пути в Гонконг! Чего доброго, и вы тоже совершаете кругосветное путешествие?

— Нет, нет, — ответил Фикс, — я думаю остановиться в Гонконге, по крайней мере на несколько дней.

— Вот как? — протянул Паспарту, слегка удивленный. — Но почему я вас ни разу не видел после отъезда из Калькутты?

— Да так, небольшое недомогание... морская болезнь... Я оставался в каюте... Бенгальский залив я переношу хуже, чем Индийский океан. А ваш господин мистер Филеас Фогг?

— В полном здравии и столь же пунктуален, как его расписание. Ни одного дня опоздания! Ах, мистер Фикс, вы ведь еще не знаете: с нами едет молодая дама.

— Молодая дама? — спросил полицейский, прекрасно разыгрывая неведение.

Паспарту немедленно ввел его в курс событий. Он рассказал о случае в бомбейской пагоде, о покупке слона за две тысячи фунтов, о деле «сутти», о похищении Ауды, о судебном приговоре в Калькутте и об освобождении под залог. Фикс, осведомленный о последних событиях, делал вид, будто ему ничего неизвестно, и Паспарту с большим удовольствием рассказывал о своих похождениях столь внимательному слушателю.

— Что ж, — спросил в заключение Фикс, — ваш хозяин собирается увезти эту молодую даму в Европу?

— Вовсе нет, мистер Фикс, вовсе нет! Мы просто провожаем ее к родственнику, богатому купцу в Гонконге.

«Ничего не подделаешь!» — сказал себе сыщик, стараясь скрыть разочарование.

— Стакан джина, господин Паспарту?

— Весьма охотно, господин Фикс. Как не выпить за нашу встречу на «Рангуне»!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ,

в которой во время переезда из Сингапура в Гонконг поднимаются и разрешаются некоторые вопросы

Начиная с этого дня, Паспарту и сыщик часто встречались, но полицейский держал себя со своим спутником очень осторожно и больше не пытался его расспрашивать. Раз или два ему удалось увидеть мистера Фогга, который охотно проводил время в большом салоне «Рангуна» — или в обществе миссис Ауды, или за своим неизменным вистом.

Что касается Паспарту, то он начал всерьез задумываться над тем, как случилось, что Фикс еще раз оказался на пути мистера Фогга. И действительно, было чему удивляться. Этот приветливый и обязательный джентльмен сначала встречается им в Суэце, садится на «Монголию», высаживается в Бомбее, где намеревается задержаться, и вдруг теперь он оказывается на «Рангуне», идущем в Гонконг,— словом, в точности следует маршруту мистера Фогга; над всем этим стоило поразмыслить. По меньшей мере странное совпадение! За кем охотится этот Фикс? Паспарту готов был биться об заклад на свои индусские туфли, которые он заботливо сохранил, что Фикс покинет Гонконг в одно время с ними и, вероятно, на том же пароходе.

Паспарту мог размышлять хоть целый век, но он никогда бы не догадался, какая миссия поручена сыщику. Ему бы и в голову не пришло, что Филеаса Фогга «выслеживают» как вора по всему земному шару. Но человеческой природе свойственно всему находить объяснение, и Паспарту, озаренный внезапной мыслью, объяснил себе, и довольно правдоподобно, постоянное присутствие мистера Фикса. По его мнению, выходило, что Фикс не кто иной, как агент коллег мистера Фогга по Реформ-клубу, посланный ими для наблюдения за правильным выполнением условий кругосветного путешествия.

— Это ясно! Это ясно! — повторял честный малый, гордясь своей проницательностью. — Он шпион, которого эти джентльмены пустили по нашим следам. Какой недостойный поступок! Мистер Фогг — такой честный, такой порядочный человек! И его выслеживают с помощью сыщика. Ну, господа из Реформ-клуба, это вам дорого обойдется!

Восхищенный своим открытием, Паспарту все же решил ничего не говорить мистеру Фоггу, боясь, что тот будет справедливо оскорблен недоверием, которое ему оказывают противники. Но зато он решил при случае хорошенько поиздеваться над Фиксом и высмеять его, не выдавая себя.

В среду, 30 октября, во второй половине дня «Рангун» вошел в Малаккский пролив, отделяющий одноименный полуостров от

острова Суматры. Невдалеке от этого острова глазам пассажиров предстала группа живописных гористых островков.

А на следующий день, в четыре часа утра, пакетбот, выиграв полдня против расписания, пришвартовался в Сингапуре, чтобы пополнить свои запасы угля.

Филеас Фогг записал этот выигрыш времени в графу прибылей; на сей раз наш джентльмен сошел на берег, так как миссис Ауда выразила желание прогуляться.

Фикс, которому все действия Фогга казались подозрительными, незаметно последовал за ними. А Паспарту, смеясь про себя над маневрами Фикса, отправился, как обычно, за покупками.

Остров Сингапур невелик и не производит внушительного впечатления. Ему недостает гор, то есть рельефа. Тем не менее он по-своему очарователен. Это огромный парк, прорезанный прекрасными дорогами. Красивый экипаж, запряженный изящными лошадами, вывезенными из Новой Голландии¹, помчал миссис Ауду и Филеаса Фогга по одной из этих дорог, среди чащи пальм с блестящими листьями и гвоздичных деревьев, покрытых полураспустившимися бутонами. Заросли перца заменяли здесь терновые изгороди европейских деревень; купы саговых пальм, высокие древовидные папоротники создавали чисто тропический пейзаж; мускатные деревья с покрытыми лаком листьями наполняли воздух пряным ароматом; лес был полон подвижных гримасничающих обезьян; в зарослях, наверное, водились тигры. Тем, кто спросит, почему на таком сравнительно маленьком острове до сих пор не истреблены эти кровожадные хищники, следует ответить, что тигры добираются сюда вплавь — через пролив — с Малаккского полуострова.

После двухчасовой прогулки по острову миссис Ауда и ее спутник, который смотрел вокруг себя, мало что замечая, вернулся в город, в это скопище тяжеловесных и приземистых домов, окруженных прелестными садами, где произрастают мангустаны, ананасы и другие вкуснейшие плоды мира.

В десять часов Фогг и его дама поднялись на пакетбот, не подозревая, что всю дорогу их сопровождал полицейский инспектор, которому пришлось для этого потратиться на наем экипажа.

Паспарту ожидал их на палубе «Рангуна». Он купил несколько дюжин плодов мангустана; плоды эти — величиной со среднее яблоко, темно-коричневые снаружи и ярко-красные внутри, их нежная мякоть тает во рту и очень ценится истинными знатоками. Паспарту был весьма счастлив предложить эти плоды миссис Ауде, которая ласково поблагодарила его за это.

¹ Новая Голландия — первоначальное название Австралии.

В одиннадцать часов «Рангун», наполнив бункеры углем, снялся с якоря, и несколько часов спустя пассажиры уже потеряли из виду высокие горы Малакки, густые леса которых дают приют самым великолепным тиграм на земном шаре.

Приблизительно тысяча триста миль отделяют Сингапур от острова Гонконга — небольшого клочка британской территории вблизи китайского берега. Филеас Фогг был очень заинтересован в том, чтобы проделать оставшийся путь самое большее за шесть дней и успеть сесть в Гонконге на пароход, отходивший 6 ноября в один из главных портов Японии — Иокогаму.

«Рангун» был сильно нагружен. В Сингапуре село много пассажиров: индусов, цейлонцев, китайцев, малайцев, португальцев; большинство из них разместилось во втором классе.

Стоявшая дотоле хорошая погода с последней четвертью луны испортилась. На море поднялось сильное волнение. Ветер несколько раз переходил в сильный бриз, но дул, к счастью, с юго-востока, что благоприспособило ходу судна. Едва лишь представлялась возможность, капитан приказывал ставить паруса. Пароход, превращаясь в бриг, плыл под двумя марсельями и фоком, и его скорость благодаря объединенной силе пара и ветра значительно возрастала. Так, преодолевая сильную, хотя и короткую, но подчас весьма изнуряющую волну, судно прошло мимо берегов Аннама и Кохинхины.

Но повинно в качке было скорее судно, нежели море, и большинству страдавших от морской болезни пассажиров «Рангуна» следовало жаловаться именно на пакетбот.

Действительно, корабли компании «Пенинсюлер», плавающие в китайских морях, обладают серьезным конструктивным недостатком. Осадка груженого судна и высота надводного борта плохо рассчитаны, поэтому суда эти слабо сопротивляются бурному морю. Их запас плавучести невелик, и они, как выражаются моряки, «легко потопляемы»; в связи с этим обстоятельством достаточно нескольких тяжелых валов, чтобы резко изменить их скорость. Если не по мощности паровых машин, то по своим мореходным качествам эти суда значительно уступают таким судам французской компании «Мессажери», как «Императрица», «Камбоджа», которые соответственно техническим расчетам могут выдержать до полного погружения вес воды, равный их собственному весу, тогда как суда компании «Пенинсюлер», «Голгонда», «Корея» и тот же «Рангун» рискуют пойти ко дну под давлением воды, равным лишь одной шестой части их веса.

Поэтому в дурную погоду надо было принимать серьезные меры предосторожности. Иногда судну даже приходилось под небольшими парами ложиться в дрейф. Эта потеря времени, по-видимому, нисколько не отражалась на настроении Филеаса Фогга, но

выводила из себя Паспарту. Тогда он обвинял капитана, механика, компанию и посылал к чертям всех имеющих хоть какое-нибудь отношение к перевозке пассажиров. Возможно, что мысль о газовом рожке, горящем за его счет в доме на Сэвиль-роу, в значительной мере объясняла его нетерпение.

— Вы, значит, очень спешите в Гонконг? — спросил его однажды сыщик.

— Очень спешим! — ответил Паспарту.

— Вы полагаете, что мистер Фогг стремится застать пароход на Йокогаму?

— В высшей степени.

— Так вы теперь поверили в это кругосветное путешествие?

— Вполне. А вы, мистер Фикс?

— Я? Я не верю!

— Шутник! — воскликнул, подмигивая, Паспарту.

Это замечание заставило сыщика задуматься. Эпитет, употребленный Паспарту, почему-то встревожил его. Не разгадал ли его француз? Он не знал, что подумать. Как мог, однако, Паспарту узнать, что Фикс — сыщик, когда это оставалось тайной для всех? А между тем, говоря с ним в таком тоне, Паспарту, несомненно, таил какую-то заднюю мысль.

В другой раз Паспарту пошел еще дальше: он не в силах был держать язык за зубами.

— Послушайте, мистер Фикс, — обратился он с хитрым видом к своему собеседнику, — неужели нам, к глубочайшему сожалению, придется расстаться с вами по приезде в Гонконг?

— Я, право, не знаю! — ответил растерявшийся сыщик. — Может быть, мне...

— Эх, — сказал Паспарту, — если бы вы нас сопровождали и дальше, это было бы прямо счастьем для меня! Право, агент Восточной индийской компании не может остановиться на полдороге! Вы ехали только до Бомбея, а вот уже скоро и Китай! Недалеко и Америка, а от Америки рукой подать до Европы!

Фикс внимательно посмотрел на своего собеседника, который улыбался ему самым любезным образом, и также решил рассмеяться. Паспарту, который был в ударе, спросил его:

— Прибыльно ли ваше ремесло?

— И да и нет, — ответил Фикс, не моргнув. — Бывают дела хорошие и плохие. Но вы ведь сами понимаете, что я путешествую не за свой счет.

— О, уж в этом-то я не сомневаюсь! — воскликнул Паспарту, заливаясь смехом.

На этом беседа закончилась; Фикс вернулся к себе в каюту и задумался. Очевидно, его разгадали. Так или иначе, но француз пронюхал, что он сыщик. Но предупредил ли он своего господина?

Какую роль он сам играет во всей этой истории? Соучастник он или нет? Неужели дело раскрыто и, следовательно, проиграно? Сыщик провел несколько трудных часов: то он думал, что все пропало, то надеялся, что Фогг ничего не знает о создавшемся положении. Словом, Фикс не знал, что предпринять.

Но затем он успокоился и решил действовать с Паспарту в открытую. Если ему не удастся арестовать Фогга в Гонконге и тот приготовится на сей раз окончательно покинуть британскую территорию, то он, Фикс, все откроет Паспарту. Если слуга — сообщник своего господина и все рассказал тому, тогда дело плохо; если же слуга не замешан в краже, тогда в его интересах будет покинуть вора.

Таковы были взаимоотношения этих двух людей, а над ними в своем величественном бесстрашии парил Филеас Фогг. Он деловито описывал орбиту вокруг земного шара, нисколько не беспокоясь о тяготеющих к нему спутниках.

А между тем в соседстве с ним находилась, говоря языком астрономов, возмущающая звезда, которая, казалось бы, должна была произвести некоторые пертурбации в сердце нашего джентльмена. Но нет! Прелести миссис Ауды, к крайнему удивлению Паспарту, не производили этих пертурбаций, а если таковые и происходили, то, во всяком случае, их было труднее вычислить, чем те пертурбации Урана, благодаря которым был открыт Нептун.

Паспарту дивился этому с каждым днем все больше, особенно потому, что в глазах молодой женщины он читал столько признательности к его господину! Но, как видно, Филеас Фогг обладал сердцем, способным лишь на героические, а не на любовные порывы! Не было в нем и признаков озабоченности, неизбежной в столь рискованном путешествии. Зато Паспарту находился в постоянном волнении. Однажды, опершись на поручни, ограждающие спуск в машинное отделение, он смотрел на мощную машину, которая по временам вся сотрясалась, когда при сильной качке над водой появлялся бешено вращавшийся винт. И пар вырывался тогда из клапанов, что вызывало ярость честного малого.

— Эти клапаны плохо работают! — кричал он. — Мы не движемся! У этих англичан всегда так! Будь это американский пароход, он, быть может, и взорвался бы, но все же шел бы скорей!

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

в которой Филеас Фогг, Паспарту и Фикс занимаются каждый своим делом

В последние дни плавания стояла довольно ненастная погода. Дул сильный северо-западный ветер, мешавший ходу судна. Малоустойчивый «Рангун» сильно качало, и пассажиры справедливо негодовали на огромные валы, вызывавшие тошноту.

Третьего и четвертого ноября разразилось что-то вроде бури. Шквал яростно хлестал по волнам. «Рангун» вынужден был на целые полдня лечь в дрейф, его винт делал лишь по десять оборотов в минуту, чтобы судно могло хотя бы противиться волнам. Все паруса были убраны, и ветер ревел среди голых снастей.

Скорость пакетбота, естественно, сильно уменьшилась, и можно было предполагать, что если буря не утихнет, то он придет в Гонконг с опозданием часов на двадцать, если не больше, против времени, установленного расписанием.

Филеас Фогг с обычной невозмутимостью взирал на разъяренное море, которое, казалось, вступило с ним в единоборство. Его чело ни на мгновение не омрачалось, хотя опоздание на двадцать часов могло нарушить весь ход его путешествия, ибо он рисковал опоздать к отплытию парохода в Иокогаму. Но этот человек без нервов не ощущал ни беспокойства, ни волнения. Казалось, что налетевшая буря также входила в его расписание, что он и ее предвидел. Миссис Ауда, заговорив со своим спутником об этой досадной помехе, убедилась, что он столь же спокоен, как и всегда.

Но Фикс смотрел на все это другими глазами. Совсем другими. Буря эта ему даже нравилась. Восторгу его, конечно, не было бы границ, если бы «Рангун» под напором шторма вдруг повернул бы назад. Всякое опоздание было ему на руку, так как оно могло заставить мистера Фогга задержаться на несколько дней в Гонконге. Словом, небесные стихии со шквалами и бурями были козырями в его игре. Правда, ему немного нездоровилось, но какое это имело значение! Он не обращал внимания на тошноту, и, хотя его всего корчило от морской болезни, в душе он испытывал огромное удовлетворение.

Легко себе представить, с какой нескрываемой яростью встретил это испытание Паспарту. До сих пор все шло так замечательно! Земля и вода, казалось, покорно служили его господину. Пароходы и поезда слушались его. Ветер и пар объединялись, чтобы содействовать его путешествию. Неужели теперь пробил час разочарований? Паспарту не находил себе места, словно сумму в двадцать тысяч фунтов предстояло выплатить из его кошелька. Буря раздражала его, шквал приводил в бешенство, и он охотно высек бы это непокорное море! Бедный малый! Фикс заботливо скрывал от него свое удовлетворение и хорошо делал, так как, если бы Паспарту догадался о его тайной радости, сыщику пришлось бы пережить несколько неприятных минут.

В продолжение всего шторма Паспарту не покидал палубы «Рангуна». Он не мог оставаться внизу; он карабкался на мачты, помогая матросам, и удивлял весь экипаж своей обезьяньей

ловкостью и проворством. Сотни раз он задавал один и тот же вопрос капитану, офицерам, матросам, которые не могли удержаться от смеха, видя растерянность честного малого. Паспарту хотел наверняка знать, сколько времени продлится буря. Его отсылали к барометру. Он тряс его, но ни толчки, ни оскорбления, которыми он осыпал безответный барометр, не помогали: тот и не думал подниматься.

Наконец шторм утих. Днем 4 ноября состояние моря улучшилось. Ветер переместился на два румба к югу и вновь сделался благоприятным.

Лицо Паспарту прояснилось вместе с погодой. Поставили марсели и нижние паруса, и «Рангун» с большой скоростью вновь устремился вперед.

Но наверстать потерянное время полностью было уже невозможно. С этим надо было примириться, земля показалась только 6 ноября в пять часов утра. По расписанию Филеас Фогг должен был прибыть в Гонконг 5-го, но прибыл только 6 ноября. Он опаздывал, следовательно, на целые сутки и волей-неволей должен был пропустить пароход на Иокогаму.

В шесть часов лоцман поднялся на борт «Рангуна» и стал на мостик, чтобы ввести судно в Гонконгский порт.

Паспарту умирал от желания спросить его, ушел ли пакетбот в Иокогаму, но не решился, желая сохранить до последней минуты хотя бы тень надежды. Он поделился с Фиксом своим беспокойством, и тот — хитрая лиса! — начал его утешать, говоря, что мистер Фогг может поехать и со следующим пароходом. Это привело Паспарту в дикую ярость.

Но если Паспарту так и не отважился заговорить с лоцманом, то мистер Фогг, заглянув в путеводитель, хладнокровно спросил лоцмана, не знает ли он, когда уходит из Гонконга какой-нибудь пароход в Иокогаму.

— Завтра с утренним приливом, — ответил лоцман.

— Вот как! — сказал мистер Фогг, не выражая ни малейшего удивления.

Присутствовавший при этом разговоре Паспарту охотно расцеловал бы лоцмана, зато Фиксу захотелось свернуть моряку шею.

— Как называется этот пароход? — спросил мистер Фогг.

— «Карнатик», — ответил лоцман.

— Разве он не должен был отплыть вчера?

— Вы правы, сударь, но на нем пришлось ремонтировать один из котлов, и поэтому он отойдет лишь завтра.

— Благодарю вас, — сказал мистер Фогг и возвратился в салон своей размеренной походкой.

Что касается Паспарту, то он стиснул руку лоцмана и сильно потряс ее, восклицая:

— Вы, лоцман, молодчина!

Лоцман, конечно, так и не узнал, почему его ответ вызвал столь дружеские излияния. Раздался свисток, и он, поднявшись на капитанский мостик, повел пакетбот среди целой флотилии джонок, лодок, на которых китайцы живут целыми семьями, рыболовных суденышек и кораблей всех видов, теснившихся на Гонконгском рейде.

В час дня «Рангун» пришвартовался к небережной и пассажиры начали высаживаться.

Надо признать, что случай сильно помог Филеасу Фоггу. Если бы «Карнатику» не понадобилось ремонтировать котел, он отплыл бы 5 ноября, и путешественникам, отправляющимся в Японию, пришлось бы восемь дней дожидаться следующего парохода. Правда, мистер Фогг опоздал на целые сутки, но это опоздание не могло иметь гибельных последствий для его дальнейшего пути.

Отплытие парохода, курсирующего через Тихий океан между Иокогамой и Сан-Франциско, согласовано с приходом пакетбота из Гонконга, и он не может отойти до прибытия последнего. Правда, в Иокогаме Филеас Фогг будет на сутки позже против расписания, но это опоздание легко нагнать во время двадцатидвухдневного пути через Тихий океан. Таково было положение Филеаса Фогга на тридцать пятый день после его отъезда из Лондона.

«Карнатик» должен был отплыть на завтра в пять часов утра, так что в распоряжении мистера Фогга имелось шестнадцать часов, чтобы заняться делами, то есть устройством миссис Ауды. Сойдя с парохода, он предложил молодой женщине руку и проводил ее до паланкина. Он попросил носильщиков указать ему лучший отель; те назвали гостиницу «Клуб». Паланкин, сопровождаемый Паспарту, пустился в путь и через двадцать минут прибыл к месту назначения.

Для молодой женщины были сняты отдельные комнаты, и Филеас Фогг позаботился, чтобы она ни в чем не нуждалась. После этого он сообщил миссис Ауде, что немедленно отправляется разыскивать ее родственника, на попечение которого он должен был ее оставить в Гонконге. Одновременно с этим он приказал Паспарту не покидать гостиницы, чтобы молодая женщина не оставалась одна.

Наш джентльмен приказал доставить себя на биржу. Там, несомненно, должны были знать такого человека, как почтенный Джиджи, который считался одним из богатейших коммерсантов города.

Маклер, к которому обратился мистер Фогг, действительно знал этого негодяя-парса. Но тот уже два года, как не жил в Китае. Составив себе большое состояние, он переселился в Европу, как

предполагали — в Голландию, ибо в этой стране у него были большие связи по прежней коммерческой деятельности.

Филеас Фогг тотчас же вернулся в гостиницу и попросил у миссис Ауды разрешения повидать ее. Без долгих предисловий он сообщил ей, что почтенный Джиджи больше не живет в Гонконге и, вероятнее всего, поселился в Голландии.

Сначала миссис Ауда ничего не ответила. Она провела рукой по лицу и задумалась. Потом своим нежным голосом спросила:

— Что же мне теперь делать, мистер Фогг?

— Очень просто, — ответил джентльмен, — отправиться в Европу.

— Но я не могу так злоупотреблять...

— Вы ничем не злоупотребляете, и ваше присутствие нисколько не нарушает моих планов... Паспарту!

— Что угодно? — спросил Паспарту.

— Отправляйтесь на «Карнатик» и закажите три каюты.

Восхищенный возможностью продолжать путешествие в обществе молодой женщины, которая была с ним так ласкова, Паспарту тотчас же помчался на пароход.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

в которой описывается, как Паспарту проявил слишком живой интерес к делам своего господина и то, что из этого вышло

Гонконг — небольшой остров, который по Нанкинскому договору после войны 1842 года перешел во владение Англии. За несколько лет колонизаторской деятельности предприимчивая Великобритания выстроила здесь крупный город и создала порт, назвав его Виктория. Островок этот расположен в устье реки Кантон и отделен лишь шестьюдесятью милями от португальского города Макао, стоящего на другом берегу реки. Гонконг неизбежно должен был победить в коммерческой войне Макао, и ныне большая часть китайского транзита проходит через английский город. Глядя на его доки, верфи, пакгаузы, больницы, готический собор, «government-house», на его мощенные щебнем улицы, можно подумать, что находишься не в Китае, а в одном из торговых городов графства Кент или Сэррей, прорезавших толщу земного шара и вынырнувших на его противоположной стороне.

Паспарту, засунув руки в карманы, направился в порт, глаза на паланкины — эти крытые носилки, еще не вышедшие из моды в Небесной империи, и с любопытством рассматривая толпы китайцев, японцев и европейцев, наполнявших улицы. За малым исключением это был все тот же Бомбей, Калькутта или Сингапур,

¹ Правительственное здание (англ.).

вновь оказавшиеся на пути нашего славного малого. Цепь английских городов тянулась вокруг всего земного шара.

Паспарту пришел в порт Виктория. Там, в устье реки Кантон, стояло множество судов всех национальностей: английских, французских, американских, голландских, военных кораблей и коммерческих судов, японских и китайских лодок, джонок, сампанов и даже лодок с цветами, образовавших на воде плавучие цветники. Прогуливаясь, Паспарту заметил несколько очень старых китайцев, одетых во все желтое. Зайдя в цирюльню, чтобы побриться «на китайский манер», он узнал от местного Фигаро, бегло говорившего по-английски, что каждому из этих стариков исполнилось, по крайней мере, восемьдесят лет и что, достигнув этого возраста, они получили право носить желтый цвет, который в Китае является императорской привилегией. Сам не зная почему, Паспарту нашел это весьма забавным.

Побрившись, он вернулся в порт, где стоял «Карнатик», и заметил там Фикса, который прогуливался взад и вперед. Паспарту несколько не удивился этой встрече, но он прочел на лице полицейского инспектора живейшую досаду и растерянность.

«Эге! — воскликнул про себя Паспарту. — Видно, неважны дела у джентльменов из Реформ-клуба!»

Сделав вид, что не замечает дурного настроения Фикса, он с сияющей улыбкой подошел к нему.

Сыщик имел достаточно оснований проклинать свое роковое невезение. Ордера на арест все еще не было! Очевидно, он путешествует вслед за ним и может настичь его лишь в том случае, если Фикс на несколько дней задержится в каком-нибудь городе. Но так как Гонконг был последней английской территорией на пути Фогга, то следовало во что бы то ни стало задержать его здесь, чтобы он окончательно не ускользнул.

— Ну как, мистер Фикс, вы все же надумали сопровождать нас до Америки? — спросил Паспарту.

— Да! — процедил сквозь зубы Фикс.

— Вот как! — воскликнул с громким хохотом Паспарту. — Я знал, что вы не можете расстаться с нами. Ну что ж, идемте, заказывайте себе каюту!

И они вместе вошли в бюро морских сообщений и заказали четыре каюты. При этом служащий предупредил их, что ремонт «Карнатика» закончен и пакетбот уйдет не на следующее утро, как предполагалось, а в этот же день в восемь часов вечера.

— Великолпно! — заметил Паспарту. — Это вполне устраивает моего господина. Пойду его предупредить.

Тут Фикс отважился на крайнее средство. Он решил все открыть Паспарту. Это был, пожалуй, единственный способ на несколько дней задержать Филеаса Фогга в Гонконге.

Выйдя из бюро, Фикс предложил своему спутнику зайти в таверну освежиться. У Паспарту было еще время. Он принял приглашение Фикса.

На набережной им попалась таверна. У нее был очень заманчивый вид. Оба вошли в нее. Это был просторный, хорошо убранный зал, в глубине которого стояло что-то вроде огромной походной кровати со множеством подушек. На ней лежало несколько спящих.

Человек тридцать посетителей сидело за маленькими столиками из плетеного тростника. Одни пили английское пиво, эль или портер, другие предпочитали алкогольные напитки — ликер, джин или брэнди. Кроме того, большинство курило длинные глиняные трубки, набитые шариками опиума, смешанного с розовой эссенцией. Время от времени кто-нибудь из курильщиков терял сознание и скатывался под стол, и тогда двое официантов хватали его за голову и за ноги и клали на кровать, где уже лежало около двадцати человек в последней стадии опьянения.

Фикс и Паспарту поняли, что попали в одну из тех курилен, куда сходятся несчастные, исхудалые, отупевшие и впавшие в слабоумие люди, которым предприимчивая Англия продает ежегодно на двести шестьдесят миллионов франков губительного снадобья, называемого опиумом! Презренные миллионы, полученные от использования одного из самых губительных человеческих пороков!

Китайское правительство давно стремится путем суровых законов пресечь это зло, но тщетно. От обеспеченных слоев населения, которым некогда было предоставлено исключительное право курения опиума, эта привычка перешла к широким слоям народа, и вред, производимый ею, не мог уже быть ограничен. В Китае опиум курят всюду и особенно в центральной части страны. Мужчины и женщины предаются этой пагубной страсти и, привыкнув вдыхать дым опиума, уже не могут без этого обходиться, не испытывая мучительных судорог в желудке. Привычный курильщик может выкурить в день до восьми трубок, но через пять лет такой жизни он умирает.

В одну из этих многочисленных даже в Гонконге курилен и попали Фикс и Паспарту, желавшие немного освежиться. У Паспарту не было с собой денег, но он охотно воспользовался «любезностью» своего спутника, рассчитывая отплатить ему в свое время тем же.

Они спросили две бутылки портвейна, которым француз воздал должное. Фикс, более сдержанный, наблюдал за своим спутником с особым вниманием. Говорили о том о сем и больше всего о прекрасной идее Фикса также совершить путешествие на «Карнатике». Вспомнили о том, что пароход должен

отойти на несколько часов раньше назначенного срока. Паспарту, опорожнив обе бутылки, поднялся, чтобы пойти предупредить своего господина.

Фикс удержал его.

— Минутку,— сказал он.

— Что вы хотите, мистер Фикс?

— Мне надо с вами потолковать о серьезных делах.

— О серьезных делах! — воскликнул Паспарту, допивая несколько капель вина, оставшихся на дне его стакана.— Ну что ж, мы поговорим о них завтра. Сегодня мне некогда.

— Оставайтесь,— настаивал Фикс,— дело касается вашего господина!

Паспарту при этих словах внимательно посмотрел на своего собеседника.

Выражение лица Фикса показалось ему странным. Он снова сел.

— Что ж вы хотите мне сообщить? — спросил он.

Фикс понизил голос и, взяв за локоть своего собеседника, сказал:

— Вы догадались, кто я такой?

— Еще бы! — ухмыльнулся Паспарту.

— Тогда я вам признаюсь во всем...

— Теперь, когда я и так все знаю, приятель! Вот уж совсем неумно! Ну ладно, валяйте. Но сначала позвольте мне сказать, что ваши джентльмены напрасно потратились.

— Напрасно?! — спросил Фикс.— Вам легко говорить. Сразу видно, что вы не знаете, какая сумма...

— Очень хорошо знаю! — ответил Паспарту.— Двадцать тысяч фунтов.

— Пятьдесят пять тысяч фунтов! — поправил Фикс, сжимая руку француза.

— Как! — воскликнул Паспарту.— Мистер Фогг рискнул!.. Пятьдесят пять тысяч фунтов!.. Ну, тогда еще больше оснований не терять ни минуты,— добавил он, вновь поднимаясь из-за стола.

— Пятьдесят пять тысяч фунтов,— повторил Фикс, насильно усаживая Паспарту на место и приказав принести еще бутылку брэнди.— В случае успеха я получу премию в две тысячи фунтов. Хотите пятьсот фунтов при условии, что вы мне поможет?

— Помогу вам? — воскликнул Паспарту, вытаращив глаза от изумления.

— Да, поможете мне на несколько дней задержать господина Фогга в Гонконге!

— Это еще что такое? Что за вздор вы городите! — вскричал Паспарту.— Мало того, что ваши джентльмены следят за

моим господином, сомневаются в его порядочности, они еще вздумали чинить ему препятствия! Мне просто стыдно за них!

— Как? Что вы этим хотите сказать? — спросил Фикс.

— Я хочу сказать, что это просто неприлично. Это все равно, что обобрать мистера Фогга и вынуть у него деньги из кармана.

— Именно к этому мы и стремимся!

— Так это же западня! — воскликнул Паспарту, возбужденный действием брэнди, ибо Фикс все время наполнял его стакан и честный малый пил, не переставая. — Настоящая западня! А еще называются коллеги! Джентльмены!

Фикс ничего не понимал.

— Коллеги! — продолжал кричать Паспарту. — Члены Реформ-клуба! Знайте же, мистер Фикс, мой господин — честный человек, и раз уж он заключает пари, то выполняет его по всем правилам.

— За кого вы меня принимаете? — спросил Фикс, пристально вглядываясь в Паспарту.

— Черт возьми! Конечно, за агента членов Реформ-клуба, которому поручено проверять маршрут моего господина, что в высшей степени унижительно! Вот почему, хотя я уже давно вас разгадал, я, разумеется, ничего не сказал мистеру Фоггу!

— Он ничего не знает?.. — живо спросил Фикс.

— Ничего, — ответил Паспарту, еще раз осушая свой стакан.

Сыщик провел рукой по лбу. Он не решался продолжать разговор. Что ему надлежало предпринять? Заблуждение Паспарту казалось искренним, но это еще более затрудняло выполнение плана агента. Было очевидно, что француз говорил совершенно чистосердечно и отнюдь не был соучастником своего господина, а ведь этого соучастия Фикс и боялся больше всего.

«Ну что ж, — подумал Сыщик, — раз он не соучастник, он мне поможет».

И сыщик вторично решился. Впрочем, у него больше не было времени ждать. Любой ценой надо было задержать Фогга в Гонконге.

— Слушайте! — быстро заговорил Фикс. — Слушайте меня хорошенько. Я вовсе не тот, за кого вы меня принимаете. Я не агент членов Реформ-клуба.

— Вот как! — протянул Паспарту, насмешливо глядя на него.

— Я — полицейский инспектор, у меня поручение от столичной полиции...

— Вы... полицейский инспектор?

— Да, и я это вам сейчас докажу, — продолжал Фикс. — Вот мои полномочия.

Полицейский агент вытащил из бумажника свои документы и показал своему собеседнику полномочия, подписанные началь-

ником лондонской полиции. Опешивший Паспарту, лишившись дара речи, смотрел на Фикса.

— Пари мистера Фогга,— продолжал Фикс,— лишь предлог, с помощью которого он надул и вас и своих коллег по Реформ-клубу, ибо он был заинтересован в том, чтобы обеспечить себе ваше невольное соучастие.

— Но в чем? — воскликнул Паспарту.

— Слушайте. Двадцать девятого сентября в Английском банке была совершена кража пятидесяти пяти тысяч фунтов стерлингов человеком, приметы которого установлены. Так вот, смотрите, они точь-в-точь соответствуют наружности Фогга.

— Ну вот еще! — закричал Паспарту, ударяя своим могучим кулаком по столу.— Мой господин — самый честный человек на свете!

— А почему вы знаете? — возразил Фикс.— Он ведь вам вовсе незнаком! Поступили вы к нему в день отъезда, а выехал он поспешно, воспользовавшись нелепым предлогом, даже без вещей, захватив с собою лишь большую сумму денег. И вы осмеливаетесь после этого утверждать, что он — честный человек!

— Да! Да! — машинально повторял бедный малый.

— Вы что ж, хотите быть арестованным как его соучастник?

Паспарту схватился за голову. Он был неузнаваем. Он не смел взглянуть на полицейского инспектора. Филеас Фогг — вор! Он, спаситель Ауды, смелый и великодушный человек! А между тем какие жестокие улики выдвинуты против него! Паспарту постарался отбросить все подозрения, возникшие в его мозгу. Нет, он не хотел верить в виновность своего господина!

— В конце концов, чего вы от меня хотите? — спросил он сыщика, страшным усилием воли овладев собою.

— Вот чего,— ответил сыщик.— Я проследил господина Фогга до Гонконга, но этого мало: до сих пор не получен приказ об его аресте, который я затребовал из Лондона. Вы должны помочь мне задержать его в Гонконге...

— Я! Чтобы я...

— А я поделюсь с вами премией в две тысячи фунтов стерлингов, обещанной Английским банком.

— Никогда! — ответил Паспарту, который попытался подняться и снова упал на стул, чувствуя, что и силы и разум изменяют ему.— Мистер Фикс,— произнес он, заикаясь,— если даже все, что вы мне говорили, правда... если даже мой господин тот самый вор, которого вы разыскиваете... хотя я отвергаю это... я был... я у него на службе... и я видел, что он добр и великодушен... Предать его!.. Никогда... ни за какие блага мира. Я не из такого теста сделан!

— Вы отказываетесь?

— Отказываюсь.

— Будем считать, что я ничего не говорил,— сказал Фикс,— а теперь выпьем.

— Да, выпьем!

Паспарту чувствовал, что пьянеет все больше и больше. Фикс, понимая, что надо любой ценой разлучить слугу и господина, решил его доконать. На столе лежало несколько трубок, набитых опиумом. Одну из них Фикс взял и сунул в руку Паспарту, тот поднес ее к губам, зажег и сделал несколько затяжек; голова его отяжелела под действием яда и склонилась на стол.

— Наконец-то! — сказал Фикс, глядя на неподвижного Паспарту.— Наш господин Фогг не будет предупрежден вовремя об отходе «Карнатика», а если он все же уедет, то, по крайней мере, без этого проклятого француза!

И он вышел из таверны, заплатив по счету.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ,

в которой Фикс входит в непосредственные отношения с Филеасом Фоггом

Во время вышеописанной сцены, которая могла иметь столь серьезные последствия для судьбы мистера Фогга, этот джентльмен сопровождал миссис Ауду в прогулке по английским кварталам города. С тех пор как миссис Ауда приняла его предложение проводить ее до Европы, ему приходилось заботиться обо всех мелочах, необходимых для столь далекого путешествия. Когда англичанин его склада совершает кругосветное путешествие с одним лишь саквояжем в руках, это еще куда ни шло! Но женщина, конечно, не способна проделать столь долгий путь в таких условиях. Поэтому возникла необходимость приобрести ей одежду и все нужное для путешествия. Мистер Фогг выполнил эту обязанность с присущим ему спокойствием и на все извинения и протесты смущенной такой любезностью молодой вдовы неизменно отвечал:

— Это в интересах моего путешествия, это входит в мою программу.

Сделав покупки, мистер Фогг и молодая женщина вернулись в гостиницу и пообедали за роскошно сервированным столом. Затем немного уставшая миссис Ауда поднялась к себе в комнату, пожав на английский манер руку своему невозмутимому спасителю.

А почтенный джентльмен на весь вечер погрузился в чтение «Таймса» и «Иллюстриред Лондон ньюс».

Будь он человеком, способным чему-нибудь удивляться, его, наверное, изумило бы отсутствие Паспарту, который не появился к часу, положенному для отхода ко сну. Но зная, что пакетбот на

Июкогаму покидает Гонконг лишь на следующий день утром, мистер Фогг не придавал этому большого значения. Утром на его звонок Паспарту тоже не явился.

Что подумал почтенный джентльмен, узнав, что его слуга вообще не вернулся в гостиницу, этого никто не может сказать. Мистер Фогг ограничился тем, что взял свой саквояж, послал предупредить миссис Ауду и приказал нанять паланкин.

Было еще только восемь часов. Полный прилив, которым должен был воспользоваться «Карнатик», чтобы выйти в открытое море, ожидался в половине десятого.

Паланкин прибыл к дверям гостиницы, мистер Фогг и миссис Ауда заняли места в этом комфортабельном экипаже; багаж следовал за ними в тележке.

Через полчаса наши путешественники были уже на пристани, и там мистер Фогг узнал, что «Карнатик» отплыл накануне.

Мистер Фогг, который рассчитывал найти одновременно и пакетбот и своего слугу, не нашел ни того, ни другого. На его лице не промелькнуло и тени досады, а в ответ на тревожный взгляд миссис Ауды он только произнес:

— Сударыня, это простая случайность, не больше.

В эту минуту к ним приблизился какой-то человек, внимательно наблюдавший за ними издалека. То был полицейский инспектор Фикс. Он поклонился и сказал:

— Сударь, вы, верно, как и я, один из пассажиров, прибывших вчера на «Рангунех»?

— Да,— холодно ответил мистер Фогг.— Но я не имею чести...

— Извините меня, я рассчитывал найти здесь вашего слугу.

— А вы знаете, где он? — живо спросила молодая женщина.

— Как! Разве он не с вами? — с притворным удивлением сказал Фикс.

— Нет,— ответила миссис Ауда.— Он не появлялся со вчерашнего дня. Не уехал ли он без нас на «Карнатике»?

— Без вас, сударыня?.. — протянул агент.— Но простите за нескромный вопрос: вы, стало быть, рассчитывали отплыть на этом пакетботе?

— Да, сударь.

— Я тоже, сударыня, и теперь я в полном отчаянии. «Карнатик» закончил ремонт раньше времени и покинул Гонконг двенадцать часов тому назад, не предупредив никого из пассажиров. И теперь придется ждать восемь дней до следующего парохода!

Говоря «восемь дней», Фикс чувствовал, как его сердце колотится от радости. Восемь дней! Фогг задержан на восемь дней в Гонконге! За это время придет ордер на его арест. Наконец-то судьба улыбнулась представителю закона.

Его словно обухом ударили по голове, когда он услышал, как Филеас Фогг спокойно произнес:

— Но ведь в Гонконге должны быть, мне кажется, и другие корабли помимо «Карнатика».

И мистер Фогг, предложив руку миссис Ауде, отправился к докам в поисках отплывающего судна.

Ошеломленный Фикс следовал за ним. Можно было подумать, что какая-то нить привязывала его к этому человеку.

Но, как видно, судьба окончательно изменила тому, кому так исправно дотоле служила. Филеас Фогг в продолжение трех часов исходил гавань вдоль и поперек; он решил, если понадобится, зафрахтовать специальное судно до Иокогамы, но видел лишь суда, которые стояли под погрузкой или выгрузкой и, следовательно, не могли сняться с якоря. В сердце Фикса оживала надежда.

Однако мистер Фогг не падал духом. Он продолжал свои поиски, готовый добраться даже до Макао, как вдруг его остановил во внешней гавани какой-то моряк.

— Ваша милость ищет корабль? — сказал он, снимая шляпу.

— У вас есть готовый к отплытию корабль? — спросил мистер Фогг.

— Да. Лоцманское судно номер сорок три, лучшее во всей флотилии.

— Хороший ход?

— От восьми до девяти миль. Желаете взглянуть на него?

— Да.

— Ваша милость останется довольна. Ведь дело идет о морской прогулке?

— Нет. О путешествии.

— О путешествии?

— Возьметесь вы доставить меня в Иокогаму?

При этих словах моряк вытаращил глаза и замахал руками:

— Ваша милость изволит смеяться?

— Нет! Я опоздал к отплытию «Карнатика», а мне необходимо не позднее четырнадцатого быть в Иокогаме, чтобы застать парход на Сан-Франциско.

— Очень сожалею, но это невозможно.

— Я вам предлагаю сто фунтов в день и премию в двести фунтов, если вы доставите меня вовремя.

— Это серьезно? — спросил лоцман.

— Совершенно серьезно, — ответил мистер Фогг.

Лоцман отошел в сторону. Он смотрел на море, очевидно борясь между желанием заработать такую громадную сумму и боязнью пуститься в столь далекий путь. Фикс смертельно волновался.

В это время мистер Фогг, обернувшись к миссис Ауде, спросил:
— Вам не будет страшно, сударыня?

— С вами, мистер Фогг, нет! — ответила молодая женщина.

Лоцман вновь подошел к нашему джентльмену, вертя шапку в руках.

— Ну как, лоцман? — спросил мистер Фогг.

— Так вот, ваша милость, — ответил лоцман, — я не могу рисковать ни моими людьми, ни собою, ни вами, пускаясь в такое длинное путешествие в это время года на судне водоизмещением всего в двадцать тонн. К тому же мы все равно не попадем в срок, так как от Гонконга до Иокогамы тысяча шестьсот пятьдесят миль.

— Всего тысяча шестьсот.

— Ну, это одно и то же.

Фикс глубоко перевел дух.

— Но, — продолжал лоцман, — быть может, есть средство уладить это дело иным путем.

У Фикса перехватило дыхание.

— Каким? — спросил Филеас Фогг.

— Отправившись к южным берегам Японии — в Нагасаки; расстояние до этого порта — тысяча сто миль. Или даже еще лучше — в Шанхай, расположенный в восьмистах милях от Гонконга. В этом случае мы не будем слишком сильно удаляться от китайских берегов, что для нас весьма выгодно, тем более что морские течения направлены здесь на север.

— Лоцман, — сказал Филеас Фогг, — я должен сесть на американский пароход в Иокогаме, а не в Шанхае и не в Нагасаки.

— Почему это? — спросил лоцман. — Ведь пакетбот, следующий в Сан-Франциско, отправляется именно из Шанхая, а в Иокогаме и Нагасаки он делает лишь остановки.

— Вы уверены в своих словах?

— Вполне уверен.

— Когда пакетбот отходит из Шанхая?

— Одиннадцатого в семь вечера. Так что в нашем распоряжении четверо суток. Четверо суток — это девяносто шесть часов. При средней скорости в восемь миль в час, если мы будем обеспечены всем необходимым, если продержится юго-восточный ветер и если море будет спокойно, мы сможем покрыть за это время восемьсот миль, отделяющих нас от Шанхая.

— А когда вы можете отплыть?

— Через час. Нужно успеть запастись продовольствием и сняться с якоря.

— Вопрос решен... Вы владелец судна?

— Да. Я — Джон Бэнсби, владелец «Танкадеры».

— Хотите задаток?

— Если это не затруднит вашу милость.

— Вот двести фунтов в счет платы... Сударь,— продолжал Фогг, поворачиваясь к Фиксу,— если вы желаете воспользоваться...

— Сударь,— не колеблясь, ответил Фикс,— я сам хотел просить вас об этом одолжении.

— Хорошо. Через полчаса мы будем на борту.

— Но как же быть с нашим бедным Паспарту? — спросила миссис Ауда, которую очень беспокоило исчезновение француза.

— Я сделаю для него все, что можно,— ответил Филеас Фогг.

Расстроенный, взволнованный и взбешенный Фикс поднялся на лоцманское судно, а мистер Фогг и его спутница направились в полицейское управление. Там Филеас Фогг указал приметы Паспарту и оставил достаточную сумму для его отправки домой. Те же формальности были выполнены у французского консула, и затем паланкин после краткой остановки у гостиницы, где был взят багаж, доставил путешественников в гавань.

Прошло три часа. Лоцманское судно № 43 было готово к отплытию: экипаж находился на борту, припасы были погружены.

«Танкадера» была очаровательная маленькая шхуна водоизмещением в двадцать тонн, стройная, узкая, с острым носом. Она походила на гоночную яхту. Начищенные медные части ее блестели, железные были никелированы, палуба сверкала белизной слоновой кости; все указывало на то, что судовладелец Джон Бэнсби содержал свое судно в прекрасном состоянии. Обе мачты шхуны несколько отклонялись назад. Шхуна несла кливера, фок, грот, бизань, а также марсели, при попутном ветре она могла поднять и добавочные паруса. При хорошем ветре шхуна развивала большую скорость и уже выиграла несколько призов на состязаниях лоцманских судов.

Экипаж «Танкадеры» состоял из ее хозяина Джона Бэнсби и четырех матросов. Все они были смелыми моряками, которые в любую погоду отваживались пускаться на поиски кораблей и прекрасно знали море. Сам Джон Бэнсби, человек лет сорока пяти, черный от загара, сильный, с живым взглядом и энергичным лицом, очень уверенный в себе и отлично знавший свое дело, был способен вселить уверенность даже в самого робкого человека.

Филеас Фогг и миссис Ауда поднялись на борт шхуны. Фикс был уже там. Через люк в задней части судна путешественники спустились в квадратную каюту с нишами в стенах для коек. Посреди под яркой лампой стоял стол. В каюте было тесно, но чисто.

— Сожалею, что не могу предложить вам ничего лучшего,— сказал мистер Фогг Фиксу, который молча поклонился.

Сыщик испытывал некоторое унижение, чувствуя себя обязанным этому господину Фоггу.

«Бесспорно,— думал он,— этот мошенник весьма учтив, но все же он мошенник!»

В три часа десять минут на шхуне подняли паруса и на гафеле зареял британский флаг. Пассажиры находились на палубе. Мистер Фогг и миссис Ауда бросили последний взгляд на набережную в надежде, не покажется ли там Паспарту.

Фикс испытывал некоторые опасения, так как случай мог привести сюда несчастного малого, с которым он так недостойно поступил, и неизбежное объяснение окончилось бы не в пользу сыщика. Но француз не показывался: несомненно, он находился еще под влиянием одуряющего наркотика.

Наконец Джон Бэнсби вывел судно в открытое море, ветер наполнил все паруса, и «Танкадера» устремилась вперед, подпрыгивая на волнах.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ,

в которой владелец «Танкадеры» рискует потерять премию в двести фунтов

Переезд в восемьсот миль в такое время года на судне водоизмещением в двадцать тонн был рискованным делом. Китайские моря очень беспокойны, и на них бывают ужасные бури, особенно в дни равноденствий,— а дело происходило еще в начале ноября.

Конечно, лоцману, при том огромном вознаграждении, которое он получал за каждый день пути, было выгоднее доставить своих пассажиров до самой Иокогамы. Но подобное путешествие было бы безрассудством, и уже сама попытка добраться до Шанхая являлась крайне смелым, чтобы не сказать дерзким, предприятием. Однако Джон Бэнсби твердо и, пожалуй, не без оснований надеялся на «Танкадеру», которая, как чайка, покачивалась на волнах.

В последние часы первого дня пути «Танкадера» плыла вдоль извилистых берегов Гонконга и при попутном ветре развивала большую скорость, превосходно держась на волнах.

— Мне нет нужды, лоцман, рекомендовать вам максимальную быстроту,— сказал Филеас Фогг, когда шхуна вышла в открытое море.

— Положитесь на меня, ваша милость,— ответил Джон Бэнсби.— Мы поставили все паруса, какие ветер позволяет нести. Топсели не прибавят ничего, они могут только помешать ходу судна.

— Это ваше дело, лоцман, а не мое. Я полагаюсь на вас.

Филеас Фогг, широко расставив ноги и выпрямив корпус, стоял крепко, как моряк, и невозмутимо смотрел на бурное море. Молодая женщина, сидевшая на корме, чувствовала себя взволнованной, глядя на потемневший в сумерках океан, с которым боролось хрупкое судно. Над ее головой развевались белые паруса, уносившие шхуну вперед, словно широкие крылья. Шхуна, подхваченная ветром, казалась, летела по воздуху.

Спустилась ночь. Луна вступила в первую четверть, и ее слабый свет вскоре должен был погаснуть на туманном горизонте. Тучи, шедшие с востока, уже заволокли часть небосклона.

Лоцман засветил сигнальные огни — необходимая предосторожность в этих морях, у берегов которых плавают столько судов. Столкновения судов здесь не редкость, а при той скорости, какую развивала шхуна, она разбилась бы при первом ударе.

Фикс размышлял, стоя на носу судна. Он держался в стороне, зная, что Фогг по натуре неразговорчив. К тому же ему было неприятно беседовать с человеком, чьими услугами он пользовался. Он думал о будущем. Он был уверен, что Фогг не остановится в Иокогаме, а немедленно сядет на пакетбот, идущий в Сан-Франциско, чтобы достигнуть Америки, широкие просторы которой обещали ему безопасность и безнаказанность. План Филеаса Фогга представлялся Фиксу необычайно простым.

Вместо того чтобы из Англии отплыть непосредственно в Соединенные Штаты, как это сделал бы обыкновенный мошенник, этот Фогг проделал огромный крюк и пересек три четверти земного шара только для того, чтобы вернее достигнуть Американского континента и, сбив со следов полицию, спокойно прожить деньги, похищенные в банке. Но что будет делать он, Фикс, на территории Соединенных Штатов? Оставит ли он в покое этого человека? Нет, тысячу раз нет! До тех пор, пока не будет вынесено постановление о выдаче вора, он не отстанет от него ни на шаг. Это его долг, и он выполнит его до конца. Во всяком случае, ему на помощь пришло счастливое обстоятельство: около Фогга нет больше Паспарту, а после тех признаний, которые сделал ему Фикс, было очень важно, чтобы слуга и господин никогда больше не встретились.

Филеас Фогг тоже думал о своем слуге, о его таинственном исчезновении. Перебрав все возможности, он пришел к заключению, что бедный малый вследствие какого-то недоразумения в последнюю минуту, видимо, сел на «Карнатик». Такого же мнения держалась и миссис Ауда, глубоко сожалевшая об этом честном слуге, которому она была так обязана. Можно было надеяться встретить Паспарту в Иокогаме, и, если «Карнатик» доставил его туда, это будет нетрудно узнать.

К десяти часам вечера ветер посвежел. Может быть, осторожнее было бы взять один риф, но лоцман, внимательно посмотрев на небо, решил оставить паруса так, как есть. Впрочем, «Танкадера», обладавшая большой осадкой, сохраняла устойчивость, идя под развернутыми парусами, которые к тому же нетрудно было быстро убрать, если бы разыгралась буря.

В полночь Филеас Фогг и миссис Ауда спустились в каюту. Фикс уже был там и лежал на одной из коек. Лоцман и матросы всю ночь оставались на палубе.

Наутро, 8 ноября, к восходу солнца шхуна уже прошла больше ста миль. Лаг, который часто опускали в море, показывал среднюю скорость от восьми до девяти миль в час. На «Танкадере» поставили все паруса, и при ровном боковом ветре она давала максимум скорости. Если ветер не изменит своего направления, судну будет обеспечена удача.

В течение всего дня «Танкадера» сколько-нибудь значительно не отклонялась от берега и течения благоприятствовали ее курсу. Она плыла милях в пяти от земли, остававшейся у нее по левому борту, и временами, когда рассеивался туман, были видны неровные очертания берега. Ветер дул с суши, и поэтому море было не так бурно: благоприятное обстоятельство для шхуны, ибо суда малого тоннажа больше всего страдают от волн, которые уменьшают скорость, или, как говорят моряки, «убивают» ее.

К полудню ветер немного ослабел и подул с юго-востока. Лоцман приказал поставить топсель, но часа через два принужден был убрать его, так как ветер вновь усилился.

Мистер Фогг и его молодая спутница, к великому счастью, оказались нечувствительными к морской болезни и с аппетитом ели консервы и корабельные сухари. Фикс был приглашен разделить с ними трапезу и, к крайней своей досаде, должен был принять это предложение, ибо хорошо знал, что желудок, как и корабль, необходимо загружать балластом. Путешествовать на средства этого человека и вдобавок питаться за его счет он находил не совсем порядочным; но тем не менее он поел, правда немного.

По окончании завтрака Фикс почувствовал себя обязанным отвести мистера Фогга в сторону и сказать:

— Сударь...

Это слово жгло ему губы, он сдерживал себя, чтобы не схватить этого «сударя» за шиворот!

— Сударь,— продолжал он,— вы были столь любезны, что предложили мне место на этом судне. Хотя мои средства не позволяют мне жить так широко, как вы, я все же хотел бы заплатить свою долю...

— Не будем говорить об этом, сударь,— ответил мистер Фогг.

— Но я хотел бы...

— Нет, сударь,— повторил Фогг тоном, не допускавшим возражений.— Это входит в общие расходы!

Фикс поклонился и замолк. Затем он отправился на нос шхуны и за весь день не сказал больше ни слова.

Судно быстро мчалось вперед. Джон Бэнсби надеялся на успех. Несколько раз он повторял мистеру Фоггу, что к назначенному сроку они будут в Шанхае. Мистер Фогг кратко отвечал, что он на это и рассчитывает. Впрочем, весь экипаж маленькой шхуны был преисполнен рвения. Премия воодушевляла этих смелых людей. И поэтому — ни одной снасти, не натянутой до предела! Ни одного плохо поставленного паруса! Ни одного резкого поворота, в котором можно было бы обвинить рулевого! Все маневры производились с такой тщательностью, словно шхуна участвовала в гонках Королевского яхт-клуба.

К вечеру лоцман определил по лагу, что от Гонконга шхуна прошла двести двадцать миль, и Филеас Фогг мог надеяться, что по прибытии в Йокогаму ему не придется записывать в свой маршрут ни минуты опоздания. Таким образом, серьезная неудача, постигшая его впервые после отъезда из Лондона, не должна была, видимо, нанести никакого ущерба его планам.

Под утро «Танкадера» прошла пролив Фо-Кьен, отделяющий большой остров Формозу от китайского берега, и пересекла тропик Рака. Море в этом проливе очень опасно: оно полно водоворотов, образуемых встречными течениями. Шхуну сильно качало. Короткие волны пересекали ей путь. На палубе было трудно стоять.

С наступлением дня ветер еще больше усилился. На небе появились предвестники шторма. К тому же барометр предсказывал скорую перемену погоды; его суточный ход был неправильный, и ртуть капризно колебалась в трубке. На юго-востоке море вздымалось длинными волнами, от которых «пахло бурей». Накануне солнце зашло в красном тумане, висевшем над фосфоресцирующими волнами океана.

Лоцман долго рассматривал мрачное небо и бормотал сквозь зубы что-то неразборчивое. Оказавшись рядом со своим пассажиром, он негромко спросил:

— Вашей милости можно говорить все?

— Все,— ответил Филеас Фогг.

— Нас ожидает шторм.

— Откуда он идет: с севера или с юга? — спокойно спросил мистер Фогг.

— С юга. Смотрите, какой собирается тайфун!

— Ну так что ж! Тайфун с юга нам по пути,— ответил мистер Фогг.

— Если вы так на это смотрите, мне нечего больше сказать,— заметил лоцман.

Предчувствия не обманули Джона Бэнсби. В более раннее время года тайфун, по выражению одного известного метеоролога, пронесся бы всего лишь светящимся водопадом электрических разрядов, но в дни осеннего равноденствия можно было опасаться жестокой бури.

Лоцман заранее принял необходимые меры предосторожности. Он приказал убрать все паруса и спустить реи на палубу. Стеньги были также опущены. Люки наглухо задраили, чтобы ни одна капля воды не могла проникнуть в трюм судна. Один лишь треугольный парус из толстого полотна был оставлен на мачте, чтобы удерживать шхуну в попутном ветре. После этого оставалось только ждать.

Джон Бэнсби предложил своим пассажирам спуститься в каюту, но оставаться в тесном помещении, почти лишенном свежего воздуха и сотрясаемом волнами, было неприятно. Ни мистер Фогг, ни миссис Ауда, ни даже Фикс не согласились покинуть палубу.

К восьми часам сильный шквал с потоками дождя обрушился на шхуну. Увлекаемая своим единственным парусом «Танкадера», словно перышко, была подхвачена бешеным ветром, силу которого невозможно точно передать. Сравнить его скорость с учетверенной скоростью несущегося на всех парах локомотива — значило лишь приблизиться к истине.

В продолжение всего дня судно, уносимое чудовищными волнами, мчалось к северу, сохраняя, к счастью, скорость, равную скорости этих волн. Двадцать раз на него грозили обрушиться горы воды, встававшие за его кормой. Но ловкий поворот руля, за которым стоял сам лоцман, каждый раз спасал судно от катастрофы. Временами пассажиров с ног до головы окатывало налетавшей волной, но они переносили это с философским спокойствием. Фикс, конечно, ворчал, но бесстрашная Ауда, не отрывая глаз от Филеаса Фогга, хладнокровием которого она любовалась, выказывала себя достойной его спутницей, не обращая внимания на порывы ветра, налетавшего с обоих бортов судна. Что касается Филеаса Фогга, то можно было подумать, будто тайфун тоже входил в его расчеты.

До сих пор «Танкадера» неизменно шла к северу, но к вечеру, как и можно было опасаться, ветер повернул на три румба и подул с северо-запада. Шхуна, шедшая теперь бортом к волне, отчаянно сотрясалась. Море било в нее с такой силой, что можно было бы опасаться за ее целость, если бы все части судна не были так крепко пригнаны друг к другу.

К ночи буря еще больше усилилась. Видя, что наступает темнота, а с темнотою и шторм становится сильнее, Джон Бэнсби

начал тревожиться. Он спрашивал себя, не пора ли пристать к берегу, и посовещался об этом со своими матросами.

Затем он подошел к Филеасу Фоггу и сказал:

— Мне кажется, ваша милость, мы хорошо сделаем, если зайдем в один из ближайших портов.

— Я тоже так думаю,— ответил мистер Фогг.

— Вот как! — произнес лоцман. — Но в какой?

— Я знаю лишь один порт,— спокойно ответил Филеас Фогг.

— И он называется?..

— Шанхай.

Лоцман сначала не понял смысла этого ответа, свидетельствовавшего о несокрушимой настойчивости и решимости. Потом он воскликнул:

— Ну что ж, хорошо! Ваша милость правы. В Шанхай!

И направление «Танкадеры» неизменно поддерживалось на север.

То была поистине ужасная ночь! Только чудом маленькая шхуна не перевернулась. Два раза она скрывалась под водой, и, если бы не крепкие найтовы, все было бы смыто с палубы. Миссис Ауда чувствовала себя совсем разбитой, но не издала ни единой жалобы. Несколько раз мистер Фогг бросался к ней, чтобы защитить ее от ярости волн.

Наступил день. Буря все еще продолжалась с прежней силой. Но ветер опять переменял направление и дул теперь с юго-востока. Эта перемена благоприятствовала «Танкадере», которая вновь двинулась вперед по бушующему морю, где сталкивались встречные волны. Будь судно построено не так прочно, эти волны разбили бы его одним ударом.

Время от времени среди разорванных клочьев тумана показывался берег, но не было видно ни единого судна. Только одна «Танкадера» боролась с морем.

К полудню появились первые признаки успокоения, к закату солнца они стали более определенными.

Буря стихла так же внезапно, как началась. Разбитые от усталости пассажиры могли наконец закутить и немного отдохнуть.

Ночь прошла относительно спокойно. Лоцман вновь поставил паруса, взяв на них два рифа. Шхуна пошла со значительной скоростью. На восходе солнца следующего дня, 11 ноября, Джон Бэнсби, определив положение судна, заявил, что до Шанхая осталось меньше ста миль.

Но эти сто миль надо было пройти в один день! К вечеру мистер Фогг должен прибыть в Шанхай, если он не хочет опоздать к отходу пакетбота на Иокогаму. Не будь этой бури, из-за которой пропало несколько часов, шхуна была бы уже в тридцати милях от порта.

Ветер заметно стихал, и с ним, к счастью, стихало и волнение. Шхуна оделась парусами. Топсель, кливер, контрфок — все толкало судно вперед; море пенилось под его форштевнем.

К полудню «Танкадера» была всего в сорока пяти милях от Шанхая. Оставалось шесть часов до отхода парохода на Иокогаму.

На борту началось волнение. Всем хотелось во что бы то ни стало прибыть вовремя. Все — кроме, конечно, Филеаса Фогга — чувствовали, как их сердца бьются от нетерпения. Маленькой шхуне надо было сохранить скорость не менее девяти миль в час, а ветер все слабел и слабел! Это был неустойчивый бриз, капризные порывы которого налетали откуда-то сбоку. Стоило им прекратиться, и море сейчас же успокаивалось.

Но все же судно было такое легкое, высокие, тонкого полотна паруса так хорошо держали ветер, что «Танкадера», подгоняемая еще и течением, к шести часам вечера находилась в десяти милях от устья реки, на которой стоит Шанхай: самый город был расположен приблизительно в двенадцати милях вверх по ее течению.

В семь часов до Шанхая оставалось три мили. Страшное проклятие сорвалось с губ лоцмана... Премия в двести фунтов стерлингов, видимо, ускользала от него. Он посмотрел на мистера Фогга. Филеас Фогг оставался спокойным, хотя на карту было поставлено все его состояние...

В этот миг вдали показался длинный черный силуэт, увенчанный облаком дыма. То был американский пакетбот, отходивший из порта в назначенное время.

— Проклятье! — вскричал Джон Бэнсби, в отчаянии выпуская из рук руль.

— Сигнал! — спокойно приказал Филеас Фогг.

На носу «Танкадеры» стояла маленькая бронзовая пушка. Она служила для подачи сигналов во время тумана.

Пушку зарядили по самое жерло, но когда лоцман уже готов был поджечь фитиль, мистер Фогг приказал:

— Спустить флаг!

Флаг был опущен до середины мачты. Это было сигналом бедствия, и можно было надеяться, что американский пакетбот, заметив сигнал, изменит курс, чтобы подойти к шхуне.

— Огонь! — скомандовал мистер Фогг.

И звук выстрела маленькой бронзовой пушки разнесся в воздухе.

где Паспарту убеждается, что, даже находясь у антиподов, все же следует иметь немного денег в кармане

Седьмого ноября в половине седьмого вечера «Карнатик» покинул Гонконг и на всех парах устремился к Японии. На нем был полный груз и множество пассажиров. Только две каюты первого класса оставались свободными: те самые каюты, которые были заказаны мистером Фоггом.

На другой день утром пассажиры второго класса не без некоторого удивления могли увидеть растрепанного шатающегося человека с тусклым взглядом, который нетвердыми шагами вышел из каюты и тяжело опустился на палубную скамью.

Это был Паспарту. Вот что с ним произошло.

Через несколько мгновений после того, как Фикс покинул курильню, двое слуг подняли крепко спавшего Паспарту и положили его на кровать, предназначенную для курильщиков. Часа через три Паспарту, преследуемый даже во сне навязчивой идеей, поборол одуряющее действие наркотика и очнулся. Мысль о невыполненном долге вывела его из оцепенения. Он покинул ложе пьяниц и, шатаясь, держась за стены, падая и поднимаясь, но все время неудержимо стремясь вперед, словно под властью какого-то инстинкта, вышел из курильни, крича словно во сне: «Карнатик!» «Карнатик!»

Пароход уже дымил, готовый к отплытию. Паспарту оставалось сделать лишь несколько шагов. Он устремился через трап, ступил на борт и свалился без сознания на баке в ту самую минуту, когда «Карнатик» поднимал якоря.

Матросы, привыкшие к подобным сценам, перетащили бедного малого в одну из кают второго класса, и Паспарту проснулся только на другой день в полторастах милях от китайского берега.

Вот почему Паспарту оказался в это утро на палубе «Карнатика» и вдыхал полной грудью свежий морской воздух. Этот чистый воздух его окончательно протрезвил. Он с трудом стал собирать свои мысли и наконец припомнил все, что случилось накануне: признание Фикса, курильню и т. д.

«Очевидно,— подумал он,— я здорово нализался! Что-то скажет мистер Фогг? Во всяком случае, я не опоздал на пароход, а это самое главное!»

Затем он подумал о Фиксе.

«Надеюсь,— сказал он себе,— что теперь мы от него избавились: после такого предложения он не посмеет последовать за нами на «Карнатике». Полицейский инспектор, сыщик гонится по пятам за моим господином, подозревая его в том, что он ограбил банк! Этого еще не хватало! Мистер Фогг такой же вор, как я — убийца!»

Должен ли Паспарту рассказать все это своему господину? Следует ли мистеру Фоггу знать о той роли, какую играет в этом деле Фикс? Может быть, лучше подождать возвращения в Лондон и лишь тогда рассказать ему о том, как полицейский агент из столицы гнался за ним вокруг света, и вместе с Филеасом Фоггом посмеяться над этим молодчиком? Да, конечно, так будет лучше. Во всяком случае, над этим стоит подумать. А теперь он немедленно отправится к мистеру Фоггу и извинится перед ним за свое неприличное поведение.

Паспарту поднялся с места. По морю ходили волны, и пакетбот сильно качало. Честный малый, еще не совсем твердо держась на ногах, кое-как добрался до кормы, где помещались каюты первого класса.

На палубе он не встретил никого, кто походил бы на его господина или миссис Ауду.

«Ага,— сказал сам себе Паспарту,— миссис Ауда еще спит в этот час. А мистер Фогг, видно, нашел себе партнеров для виста и по своему обыкновению...»

Рассуждая таким образом, Паспарту спустился в салон. Мистера Фогга там не было. Паспарту оставалось только одно: спросить у судового казначея, какую каюту занимает мистер Фогг. Тот ответил, что не знает пассажира с такой фамилией.

— Простите меня,— настаивал Паспарту,— но я говорю о высоком, спокойном, малообщительном джентльмене и о молодой женщине...

— На пакетботе нет ни одной молодой женщины,— ответил казначей.— Да вот вам список пассажиров, посмотрите сами.

Паспарту пробежал глазами список. Фамилии его господина там не было.

У Паспарту потемнело в глазах. Но потом у него мелькнула новая мысль.

— Черт возьми, ведь я нахожусь на «Карнатике»? — воскликнул он.

— Да,— ответил казначей.

— На пути в Иокोगаму.

— Совершенно верно.

Паспарту было испугался: уж не ошибся ли он судном? Но это оказался действительно «Карнатик», и все же его господина здесь не было.

Паспарту упал в кресло. Это известие поразило его как гром. Но вдруг его словно осенило. Он вспомнил, что час отплытия «Карнатика» был перенесен и он, Паспарту, должен был предупредить своего господина, но не сделал этого! Следовательно, по его вине мистер Фогг и миссис Ауда опоздали к отходу пакетбота!

Это его вина, конечно, но в еще большей мере — вина того предателя, который напоил Паспарту, чтобы разлучить его с мистером Фоггом и задержать того в Гонконге. Наконец-то он разгадал маневр полицейского инспектора! И теперь мистер Фогг наверняка разорен, проиграл свое пари и, может быть, уже арестован и заключен в тюрьму!.. При этой мысли Паспарту принялся рвать на себе волосы. Ах! Если только когда-нибудь этот Фикс попадетсЯ ему в руки, уж он сведет с ним счеты!

Несколько оправившись от удара, Паспарту вновь обрел хладнокровие и принялся обдумывать создавшееся положение. Оно было незавидным. Наш француз был на пути в Японию. Добраться-то он до нее доберется, но как выбраться оттуда? В карманах у него было пусто. Ни одного шиллинга, ни одного пенни! Во всяком случае, его проезд и питание были заранее оплачены. Следовательно, в его распоряжении было пять или шесть дней, чтобы принять какое-либо решение. Сколько он съел и выпил за этот переезд, не поддается описанию. Он ел и за мистера Фогга, и за миссис Ауду, и за самого себя. Он ел так, словно Япония, где он должен был высадиться, была пустыней, лишенной каких бы то ни было съестных припасов.

Тринадцатого ноября с утренним приливом «Карнатик» вошел в порт Иокогама.

Иокогама — важный порт на Тихом океане, куда заходят все пароходы, как почтовые, так и пассажирские, совершающие рейсы между Северной Америкой, Китаем, Японией и Малайским архипелагом. Иокогама находится в бухте Иеддо, неподалеку от второй столицы японской империи — громадного города Иеддо, бывшего некогда резиденцией сиюгунов в те времена, когда существовал этот гражданский император; Иеддо — соперник Киото, где живет микадо, божественный император, потомок богов.

«Карнатик» пришвартовался к набережной Иокогама, неподалеку от мола и таможенных складов, среди многочисленных судов разных национальностей.

Паспарту без всякого восторга ступил на землю столь любопытной Страны сынов солнца. Ему не оставалось ничего лучшего, как довериться случаю, и он побрел наугад по улицам города.

Сначала Паспарту очутился в европейском квартале, с невысокими, окруженными верандами домиками, которые правильными рядами тянулись вдоль улиц, площадей, доков, складов до самого порта. Здесь, как в Гонконге и Калькутте, население состояло из представителей всех национальностей: американцев, англичан, китайцев, голландцев — купцов, готовых все продать и все купить; среди них наш француз чувствовал себя таким же чужим, как если бы попал к готтентотам.

У Паспарту, правда, была одна возможность: обратиться в Июкогаме к английскому или французскому консулу, но его останавливала необходимость рассказать свою историю, так тесно связанную с именем и делами его господина, и поэтому, прежде чем прибегнуть к этому средству, он решил испробовать все другие возможности.

Итак, миновав европейскую часть города и не встретив по пути ничего для себя подходящего, он попал в японскую часть, решив, если понадобится, дойти до Иеддо.

Туземная часть Июкогамы называется Бентен — по имени богини моря, почитаемой на соседних островах. Здесь он увидел великолепные пихтовые и кедровые аллеи, священные ворота причудливой архитектуры, мостики, повисшие среди зарослей тростника и бамбука, храмы, укрывшиеся под высокими, печальными вековыми кедром, святилища, в глубине которых мирно существовали буддийские жрецы и последователи Конфуция, нескончаемые улицы, полные розовых толстощеких ребят, словно сошедших с какой-нибудь японской ширмы, играющих посреди дороги с рыжими бесхвостыми, очень ленивыми и очень ласковыми кошками и коротконогими собачонками.

На улицах — бесконечный водоворот прохожих: процессии бонз, монотонно стучащих в тамбурины, якунины — таможенные или полицейские офицеры в остроконечных лакированных шапках, с двумя саблями за поясом, солдаты, одетые в синие с белыми полосами одежды из хлопчатобумажной материи и вооруженные пистонными ружьями, телохранители микадо в шелковых камзолах и кольчугах и множество других военных различных рангов, ибо в Японии профессию солдата уважают в такой же мере, в какой ее презирают в Китае. Повсюду — монахи, собирающие подаяние, паломники в длинных одеяниях и просто прохожие — низкорослые, с гладкими черными, как вороново крыло, волосами, большеголовые, узкогрудые и тонконогие; лица их имеют все оттенки от темно-медного до матово-белого, но они никогда не бывают желтыми, как у китайцев, от которых японцы весьма отличаются своим внешним видом. Среди повозок, паланкинов, рикш мелкими шажками семенили женщины, маленькие ножки которых были обуты в соломенные сандалии, полотняные туфли или изящные деревянные башмаки: большинство женщин не отличалось красотой, глаза у них были подведены, грудь стянута, а зубы согласно моде начернены, но все они, не без элегантности, носили национальные костюмы «кимono» — нечто вроде капота, перехваченного широким шелковым шарфом, концы которого были завязаны сзади причудливым бантом; так что костюм современных парижских модниц заимствован, видимо, у японок.

Паспарту несколько часов расхаживал среди этой пестрой толпы, смотрел на полные любопытных товаров лавки и базары, где продавалось множество всевозможных побрякушек, золотых и серебряных японских изделий, видел он и закусочные, украшенные разноцветными флажками и лентами, куда он не имел возможности зайти; встречались ему и чайные домики, в которых посетители чашками пьют теплую благовонную воду с «саке» — напитком, который получают из перебродившего риса; попадались ему и курильни, где курят тонкий табак, но не опиум, которого почти не знают в Японии.

Затем Паспарту очутился в поле, среди обширных рисовых плантаций. Там цвели, распространяя свой последний осенний аромат, великолепные камелии, росшие не на кустах, а на деревьях; огороженные бамбуковой изгородью, стояли яблони, вишни, сливы; местные жители разводят эти плодовые деревья главным образом ради их цветов, а не ради плодов, и с помощью гримасничающих пугал и трещоток защищают их от полчищ воробьев, ворон, голубей и прочих прожорливых пернатых. На величественных кедрах обитали громадные орлы; в листве каждой плакучей ивы гнездились цапли, печально стоявшие, поджав одну ногу; повсюду виднелись вороны, утки, ястребы, дикие гуси и огромное количество журавлей, которых японцы величают «господами» и считают символом счастья и долголетия.

Бродя по полям, Паспарту разглядел в траве несколько фиалок.

— Вот и хорошо, — сказал он, — они заменят мне ужин.

Но, понюхав фиалки, он убедился, что они уже не пахнут.

«Не везет!» — подумал он.

Правда, честный малый, покидая «Карнатик», предусмотрительно наелся за завтраком, как мог, но после целого дня ходьбы он чувствовал, что его желудок пуст. Он успел заметить полное отсутствие свинины, козлятины и баранины в лавках мясников, а так как он знал, что убой рогатого скота, предназначенного исключительно для полевых работ, считается в Японии святотатством, то решил, что мясо там едят крайне редко. Он не ошибся; но за отсутствием говядины он с удовольствием согласился бы на хороший кусок кабана или лося, помирился бы на куропатке или перепеле — словом, не отказался бы от любой живности или рыбы, которыми обычно питаются японцы, прибавляя к ним немного риса. Но ему пришлось скрепя сердце примириться с необходимостью отложить заботу о своем пропитании до завтрашнего дня.

Наступила ночь. Паспарту вернулся в туземную часть города; он брел по улицам, увешанным разноцветными фонариками, оглядываясь на фокусников и бродячих астрологов, собирающих толпы

вокруг своих подозрительных труб. Затем он вновь увидел рейд, освещенный огнями рыбацких лодок, с которых ловили рыбу, привлекая ее светом пылающих факелов.

Наконец улицы опустели. На смену толпе появились якунины. Эти офицеры стражи, одетые в великолепные костюмы и окруженные толпой солдат, походили на посланников, и Паспарту шутили, повторяя при виде каждого блистательного патруля:

— Ну вот еще один японский посол отправляется в Европу!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ,

в которой нос Паспарту чрезмерно удлиняется

На следующее утро Паспарту, изнуренный и голодный, решил, что следует во что бы то ни стало поесть, и чем скорее, тем лучше. Правда, у него была возможность продать свои часы, но он скорее умер бы с голоду, чем согласился бы на это. Теперь или никогда честному малому представлялся случай использовать не особенно мелодичный, но сильный голос, которым наградила его природа.

Он знал несколько французских и английских песенок и решил попробовать их спеть. «Японцы — наверное любители музыки, так как все у них совершается под звуки цимбал, тамтамов и барабанов, и они не могут не оценить талант европейского виртуоза», — думал Паспарту.

Но не слишком ли рано было устраивать концерт? Пожалуй, разбуженные спозаранку слушатели не захотят отплатить певцу монетками с изображением микадо.

Паспарту решил обождать несколько часов; но в дороге ему пришла мысль, что он слишком хорошо одет для бродячего певца, и он надумал обменять свою одежду на какое-нибудь старье, более гармонирующее с его положением. Такой обмен должен был к тому же дать ему некоторую сумму денег, которую он сможет немедленно употребить на удовлетворение своего аппетита.

Решение было принято, оставалось привести его в исполнение. После долгих поисков Паспарту разыскал местного старьевщика, которому изложил свое желание. Европейский костюм приглянулся старьевщику, и вскоре Паспарту вышел от него в поношенном японском одеянии, а на голове у него красовался сбитый на сторону, выцветший от времени тюрбан. Но зато в его кармане позвякивало несколько серебряных монеток.

«Ладно, — думал он, — предположим, что сегодня карнавал».

Первой заботой «японизировавшегося» Паспарту было войти в скромный с виду чайный домик, где он подкрепился куском какой-то дичи и несколькими пригоршнями риса; завтракал он

как человек, для которого вопрос об обеде все еще нуждается в разрешении.

«Теперь,— решил он про себя, как следует подкрепившись,— не будем терять головы. У меня нет уже больше возможности переменить это тряпье на нечто еще более японское.

Следовательно, надо придумать способ, как можно скорее покинуть Страну Восходящего Солнца, о которой у меня навсегда останется самое печальное воспоминание!»

Паспарту решил разыскать отплывающие в Америку пароходы. Он рассчитывал предложить свои услуги в качестве повара или стюарда, не требуя за это ничего, кроме питания и бесплатного проезда. Добравшись до Сан-Франциско, он уж найдет способ выпутаться из беды. Сейчас самое важное — преодолеть четыре тысячи семьсот миль Тихого океана, отделяющие Японию от Нового Света.

Паспарту был не из тех людей, которые долго раздумывают, и он прямо направился в порт. Но, по мере того как он приближался к докам, его проект, дотоле казавшийся таким простым, представлялся ему все менее и менее выполнимым. С какой стати на американском пароходе вдруг понадобится повар или стюард, и какое доверие может внушить он, Паспарту, наряженный в столь странный костюм? Какие рекомендации он в состоянии представить, на кого сослаться?

Раздумывая таким образом, Паспарту случайно увидел громадную афишу, которую какой-то клоун таскал по улицам Иокогамы. На этой афише было написано по-английски:

ЯПОНСКАЯ АКРОБАТИЧЕСКАЯ ТРУППА
ДОСТОПОЧТЕННОГО
ВИЛЬЯМА БАТУЛЬКАРА

ПОСЛЕДНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Перед отъездом в Соединенные Штаты Америки

ДЛИННЫЕ НОСЫ — ДЛИННЫЕ НОСЫ
ПОД НЕПОСРЕДСТВЕННЫМ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ БОГА
ТЕНГУ!

ОГРОМНЫЙ УСПЕХ!

— Соединенные Штаты Америки! — воскликнул Паспарту. — Вот это-то мне и нужно!

Он последовал за человеком-афишей и вскоре пришел в японский город. Четверть часа спустя он стоял перед просторным балаганом, украшенным несколькими полосами бумажных лент,

на стенах которого была намалевана яркими красками целая толпа клоунов.

Здесь помещалось заведение достопочтенного Батулькара, своего рода американского Барнума, директора труппы скоморохов, жонглеров, клоунов, акробатов, эквилибристов, гимнастов, которые, если верить афише, давали последние представления перед отъездом из Страны Восходящего Солнца в Соединенные Штаты.

Паспарту вошел в преддверье балагана и спросил мистера Батулькара. Мистер Батулькар тотчас же появился.

— Что вам надо? — спросил он Паспарту, которого с первого взгляда принял за туземца.

— Не нужен ли вам слуга? — спросил Паспарту.

— Слуга? — переспросил Батулькар, поглаживая густую седую бороду, которая росла у него на шее, под подбородком. — У меня уже есть двое слуг, послушных и верных, которые никогда меня не покинут и служат даром — только за то, что я их кормлю... Вот они, — заключил он, вытягивая две здоровенные руки с толстыми, как струны контрабаса, жилами.

— Значит, я не могу ничем вам быть полезен?

— Ничем.

— Эх, черт побери! А мне так хотелось уехать вместе с вами!

— Вот что! — сказал достопочтенный Батулькар. — Вы, я вижу, такой же японец, как я обезьяна! С какой стати вы так вырядились?

— Всякий одевается, как может!

— Это правда. Вы француз?

— Да, парижанин из Парижа!

— Если так, вы, наверное, умеете гримасничать?

— Черт возьми! — ответил Паспарту, задетый тем, что его национальность дала повод к подобному вопросу. — Мы, французы, умеем гримасничать, но нисколько не лучше американцев.

— Верно. Я не могу вас взять в качестве слуги, но могу взять в клоуны. Понимаете, милейший, во Франции любят иностранных шутов, а за границей предпочитают французских.

— Ах, вот как!

— Вы, надеюсь, сильны?

— Да, в особенности когда встаю из-за стола.

— А петь вы умеете?

— Да, — ответил Паспарту, который в свое время участвовал в нескольких уличных концертах.

— Но сможете ли вы петь, стоя вниз головой, так, чтобы на подошве вашей левой ноги вертелся волчок, а на подошве правой балансировала обнаженная сабля?

— Еще бы! — ответил Паспарту, вспоминая свои упражнения в юношеские годы.

— Ну вот, в этом все и дело,— заметил достопочтенный Батулькар.

Соглашение было подписано *hic et nunc*¹.

Наконец-то Паспарту нашел себе занятие! Он был приглашен делать все, что придется, в знаменитую японскую труппу. Правда, в этом было для него мало лестного, но зато через неделю он уже окажется на пути к Сан-Франциско!

Представление, возведенное с таким шумом достопочтенным Батулькаром, начиналось в три часа, и вскоре грозные инструменты японского оркестра — барабаны и тамтамы — уже грохотали у дверей балагана. Само собой понятно, что у Паспарту не было времени выучить какую-нибудь роль, но он должен был подпирать своими здоровенными плечами большую человеческую пирамиду, составленную «Длинными носами» бога Тенгу. Этим «гвоздем программы» заканчивалась серия различных номеров представления.

Задолго до трех часов зрители заполнили просторный балаган. Европейцы и туземцы, китайцы и японцы, мужчины, женщины и дети теснились на узких скамейках и в расположенных против сцены ложах. Музыканты удалились в глубь балагана, и оркестр в полном составе — гонги, тамтамы, трещотки, флейты, тамбурины и большие барабаны — гремел вовсю.

Спектакль походил на все обычные представления акробатов. Но надо признать, что японцы — лучшие эквилибристы в мире. Один из жонглеров, вооруженный веером и маленькими клочками бумаги, изображал изящных бабочек, порхающих над цветами. Другой благовонным дымом своей трубки быстро чертил в воздухе голубоватые слова, из которых составлялось приветствие зрителям. Третий жонглировал зажженными свечами, тушил их, когда они пролетали у его губ, снова зажигал одну о другую, не прерывая ни на мгновение своих ловких упражнений. Наконец, еще один проделывал всевозможные трюки с вертящимися волчками. Казалось, эти жужжащие игрушки начинали жить в его руках какой-то своей, особой жизнью; безостановочно вращаясь, они бежали по чубукам трубок, по остриям сабель, по тонким, как волосок, проволокам, протянутым от одного края сцены к другому, забирались на большие стеклянные сосуды, прыгали по ступенькам бамбуковой лестницы и разбегались во все углы, создавая сочетанием различных звуков самые странные гармонические эффекты. Фокусник жонглировал ими, а они все вертелись, словно мячики; он их подбрасывал деревянными ракетками, как воланы, а они вертелись не переставая; он прятал волчки в карман, а когда вынимал их оттуда, они все еще вертелись до той самой минуты, когда, спустив весь завод, загорались снопом бенгальских огней.

¹ Тотчас же, на месте (лат.).

Не стоит описывать все чудеса эквилибристики, показанные акробатами и гимнастами труппы. Упражнения на лестнице с шестом, шаром, бочонками и т. д. были исполнены с удивительной точностью. Но «гвоздем программы» все же было выступление «Длинных носов», совершенно удивительных эквилибристов, каких Европа еще не знает.

Эти «Длинные носы» составляли особую корпорацию, находившуюся под непосредственным покровительством бога Тенгу. Одетые в средневековые костюмы, они носили за плечами по паре великолепных крыльев. Но главным их отличием был длинный нос, укрепленный на лице, и особенно то, как они им пользовались. Эти носы были из бамбука, длиною в пять, шесть и даже десять футов: у одних прямые, у других изогнутые, у одних гладкие, у других покрытые бородавками. Они были крепко привязаны, и все свои акробатические упражнения артисты производили с их помощью. Около дюжины поклонников бога Тенгу легло на спину, а товарищи их начали резвиться на их носах, торчавших, словно громоотводы, прыгая, перелетая с одного на другой и выделяя самые невероятные штуки.

В заключение был специально объявлен особый номер — человеческая пирамида: полсотни «Длинных носов» должны были изобразить «колесницу Джагернаута». Но, вместо того чтобы построить пирамиду, опираясь друг другу на плечи, артисты достопочтенного Батулькара пользовались для этой цели своими носами. Один из тех, кто составлял основание колесницы, недавно покинул труппу, и Паспарту, как человек сильный и ловкий, должен был занять его место.

Конечно, честный малый чувствовал себя довольно уныло, когда ему пришлось, как в печальные дни юности, облачиться в украшенный разноцветными крыльями средневековый костюм, а к его лицу приладили шестифутовый нос! Но в конце концов этот нос доставлял ему пропитание, и Паспарту смирился.

Паспарту вышел на сцену и встал в ряд вместе со своими товарищами, которые должны были изображать основание «колесницы Джагернаута». Затем все они растянулись на полу и подняли носы к небу. Вторая группа эквилибристов поместилась на остриях этих носов, затем взгромоздилась третья, еще выше — четвертая, и скоро живое сооружение, державшееся только на острие бамбуковых носов, вознеслось до самого потолка балагана.

Аплодисменты публики все усиливались, звуки оркестра нарастали подобно грому, как вдруг пирамида зашаталась и равновесие нарушилось: один из нижних носов, видимо, допустил какой-то промах, выбыл из игры, и все сооружение рассыпалось, как карточный домик...

То была вина Паспарту, который, покинув свое место, перелезтел без помощи крыльев через рампу и, взобравшись на галерею, упал к ногам одного из зрителей с криком:

— Сударь! Сударь!

— Это вы? — спросил тот.

— Да, я!

— Ну что ж, в таком случае идем на пакетбот, мой милый.

Мистер Фогг, находившаяся с ним миссис Ауда и Паспарту поспешили к выходу из балагана; но там их остановил разъяренный Батулькар, требуя возмещения убытков. Филеас Фогг умерил гнев почтенного владельца балагана, бросив ему пачку банковых билетов. И в половине седьмого, перед самым отплытием американского пакетбота, мистер Фогг и миссис Ауда вступили на палубу судна, сопровождаемые Паспарту с крыльями за спиной и шестифутовым носом, который он так и не успел снять.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

во время которой совершается путешествие через Тихий океан

То, что произошло неподалеку от входа в Шанхайский порт, понятно само собой. Сигналы «Танкадеры» были замечены с пакетбота, шедшего в Иокогаму. Увидев приспущенный флаг, капитан направил свое судно к маленькой шхуне. Несколько мгновений спустя Филеас Фогг, оплатив свой проезд согласно уговору, передал Джону Бэнсби пятьсот пятьдесят фунтов стерлингов. Затем почтенный джентльмен, миссис Ауда и Фикс поднялись на палубу парохода, который тотчас же взял курс на Нагасаки и Иокогаму.

Прибыв в Иокогаму утром 14 ноября в назначенный час, Филеас Фогг расстался с Фиксом, который пошел по своим делам, и отправился на «Карнатик», где узнал, к великой радости миссис Ауды, а может быть, и своей, хотя по его виду это не было заметно, что француз Паспарту действительно прибыл накануне в Иокогаму.

Филеас Фогг, который должен был в тот же вечер отплыть в Сан-Франциско, немедленно отправился на поиски своего слуги. Его обращение к французскому и английскому консулам не дало результата; тщетной оказалась надежда встретить Паспарту на улицах Иокогамы. Фогг совсем уже было отчаялся найти Паспарту, как вдруг, повинувшись какому-то инстинкту, а может быть, предчувствию, зашел в балаган почтенного Батулькара. Конечно, он не мог бы узнать Паспарту в его эксцентрическом одеянии, но тот, лежа на спине, заметил своего господина среди зрителей на галерее. Увидев его, он невольно сделал своим длин-

ным носом движение, которое нарушило равновесие всей пирамиды. Читатель уже знает, что из этого последовало.

Все это Паспарту услышал из уст миссис Ауды, которая рассказала ему также, как протекал их переезд из Гонконга в Иокогаму в обществе некоего господина Фикса на шхуне «Танкадера».

Услышав фамилию Фикса, Паспарту даже бровью не повел. Он считал, что еще не время рассказать мистеру Фоггу о том, что произошло между ним, Паспарту, и сыщиком. Поэтому, описывая свои похождения, он обвинил во всем себя и просил прощения за то, что застрел в Гонконге, накутившись опиума до бесчувствия.

Мистер Фогг невозмутимо выслушал этот рассказ и ничего не сказал, потом он снабдил своего слугу деньгами, достаточными для того, чтобы тот мог приобрести здесь же, на судне, более подходящий костюм. Не прошло и часа, как Паспарту, освободившись от носа и крыльев, ничем уже не напоминал поклонника бога Тенгу.

Пакетбот, совершавший рейсы между Иокогамой и Сан-Франциско, принадлежал Тихоокеанской почтовой компании и назывался «Генерал Грант». Это был большой колесный пароход вместимостью в две тысячи пятьсот тонн; он был хорошо оснащен и мог развить большую скорость. Громадный балансир непрерывно поднимался и опускался над палубой судна; один его конец соединялся со штоком поршня, а другой — с кривошипом, который преобразовывал прямолинейное движение во вращательное и передавал его непосредственно оси колес. «Генерал Грант» был оснащен тремя мачтами и мог нести паруса, большая поверхность которых значительно увеличивала скорость судна. Следуя по двенадцати миль в час, пакетбот должен был пересечь Тихий океан за двадцать один день. Таким образом, Филеас Фогг мог рассчитывать, что, прибыв в Сан-Франциско 2 декабря, он будет в Нью-Йорке одиннадцатого, а в Лондоне — двадцатого, то есть на несколько часов раньше роковой даты — 21 декабря.

На пароходе было много пассажиров: англичане, американцы, немало китайских кули, эмигрировавших в Америку, было также несколько офицеров индийской армии, которые проводили свой отпуск, совершая кругосветное путешествие.

Плавание прошло без всяких морских приключений. Пакетбот, движимый мощными колесами и неся большое количество парусов, шел ровно, без качки. Тихий океан оправдывал свое название. Мистер Фогг был, как всегда, спокоен и малообщителен. Его молодая спутница чувствовала, что она все больше и больше привязывается к этому человеку и не только узами признательности. Молчаливый, но проявивший к ней столько великодушия, Филеас Фогг производил на нее гораздо большее впечатление, чем она сама думала, но чувства, в которых она почти не отдавала себе

отчета, как будто несколько не действовали на загадочную натуру мистера Фогга.

Миссис Ауда была теперь всей душой заинтересована в планах нашего джентльмена. Ее тревожили все препятствия, которые могли привести к неудаче путешествия. Она часто беседовала об этом с Паспарту, который прекрасно умел читать в ее сердце. Славный малый теперь слепо верил в своего господина и, не переставая, расточал похвалы великодушию, благородству и самоотверженности мистера Фогга; успокаивая Ауду относительно исхода путешествия, он убеждал ее, что самая трудная часть пути пройдена: они уже миновали экзотические страны — Китай и Японию — и вновь вступают в пределы цивилизованного мира; чтобы закончить в срок это невероятное путешествие вокруг света, осталось только проехать поездом от Сан-Франциско до Нью-Йорка и океанским пароходом от Нью-Йорка до Лондона.

Через девять дней после отъезда из Иокогамы Филеас Фогг проехал ровно половину земного шара.

Действительно, «Генерал Грант» 23 ноября пересек сто восьмидесятый меридиан, тот самый, на котором в Южном полушарии находятся антиподы Лондона. Правда, из восьмидесяти дней, имевшихся в его распоряжении, мистер Фогг истратил пятьдесят два, и у него оставалось в запасе всего двадцать восемь дней. Но здесь надо заметить, что если наш путешественник и находился на полпути, то лишь в отношении «разности меридианов», а в действительности он уже покрыл более двух третей всего расстояния. В самом деле, сколько вынужденных зигзагов пришлось ему проделать между Лондоном и Аденom, Аденom и Бомбеем, Калькуттой и Сингапуром, Сингапуром и Иокогамой! Если двигаться вокруг Земли по пятидесятой параллели, на которой находится Лондон, то весь путь равнялся бы приблизительно двенадцати тысячам миль, тогда как Филеасу Фоггу, вынужденному считаться с капризами средств передвижения, предстояло проехать около двадцати шести тысяч миль, из которых к 23 ноября позади осталось около семнадцати с половиной тысяч. Теперь перед ним лежал прямой путь и не было Фикса, чтобы чинить препятствия!

В этот самый день, 23 ноября, Паспарту испытывал большую радость. Читатель, наверное, помнит, что этот упрямец во что бы то ни стало пожелал сохранить на своих знаменитых фамильных часах лондонское время, считая неверным время других стран, через которые он проезжал. И вот 23 ноября, хотя он ни разу не переводил стрелок своих часов ни вперед, ни назад, они показали одинаковое время с судовыми часами.

Легко понять, как торжествовал Паспарту. Ему очень хотелось знать, что сказал бы об этом Фикс, если бы находился здесь.

«Этот мошенник наплел мне кучу вздора про меридианы, про солнце и луну! — твердил Паспарту. — Как бы не так! Послушаешь этих людей, так сразу испортишь свои часы! Я всегда был уверен, что рано или поздно солнцу придется равняться по моим часам!..»

Паспарту и не подозревал, что, будь циферблат его часов разделен на двадцать четыре часа, как на итальянских башенных часах, он не имел бы никакого основания торжествовать: в то время как судовые часы показывали бы девять утра, стрелки его часов показывали бы девять вечера, то есть двадцать один час полуночи предыдущего дня, и разница во времени была бы как раз такая, какая существует между Лондоном и сто восьмидесятым меридианом.

Но если бы Фикс и мог объяснить это чисто физическое явление, то, несомненно, Паспарту оказался бы не способен понять и, главное, принять его. Во всяком случае, если бы сыщик, что было совершенно невероятно, появился в ту минуту на палубе, то Паспарту, с полным правом сердившийся на него, наверное, заговорил бы с ним на совсем другую тему и совершенно иным образом!

Где же находился, однако, в это время Фикс?.. Он как раз и находился на борту «Генерала Гранта».

Действительно, прибыв в Йокогаму, полицейский инспектор оставил мистера Фогга, рассчитывая вновь найти его днем, и немедленно отправился к английскому консулу. Там он наконец получил ордер на арест, который следовал за ним от самого Бомбея и был выдан уже сорок дней назад: этот ордер был отправлен из Гонконга на том самом «Карнатике», на котором Фикс должен был ехать сам. Можно себе представить, как был разочарован сыщик! Ведь ордер стал теперь бесполезен! Фогг уже покинул английские владения! Отныне для ареста преступника необходимо было постановление о его выдаче!

«Что ж! — сказал себе Фикс, несколько остыв от гнева. — Если мой ордер не годится здесь, он будет полезен в Англии. Этот мошенник, думая, что он сбил с толку полицию, собирается, как видно, вернуться на родину. Ну что ж! Я поеду за ним. Что же касается денег, то дай бог, чтобы хоть что-нибудь осталось! На все эти переезды, премии, судебные процессы, штрафы, покупку слона и прочие путевые расходы наш молодчик уже выбросил больше пяти тысяч фунтов. Но, в конце концов, банк достаточно богат!»

Приняв такое решение, Фикс тотчас же отправился на пароход «Генерал Грант». Он был на палубе, когда туда поднялись мистер Фогг и миссис Ауда. К своему величайшему удивлению, Фикс узнал и Паспарту в его одеянии вестника бога Тенгу. Фикс тотчас же спрятался в каюту, чтобы избежать объясне-

ния, которое могло все испортить; рассчитывая на большое количество пассажиров, сыщик надеялся не попасться на глаза своему врагу, но в конце концов столкнулся с ним лицом к лицу на носу корабля.

Без долгих объяснений Паспарту схватил Фикса за горло и, к великому удовольствию нескольких американцев, которые немедленно стали биться об заклад, задал несчастному сыщику великолепную трепку, наглядно доказавшую полное превосходство французского бокса над английским.

Отведя душу, Паспарту сразу успокоился и почувствовал большое облегчение. Фикс поднялся в довольно плачевном состоянии и, взглянув на своего противника, холодно спросил:

— Вы кончили?

— Пока кончил.

— Тогда пойдем поговорим.

— Чтобы я...

— Это в интересах вашего господина.

Паспарту, словно загипнотизированный хладнокровием сыщика, последовал за ним, и они уселись на носу парохода.

— Вы меня поколотили,— начал Фикс.— Хорошо. А теперь выслушайте. До сих пор я был противником господина Фогга, но теперь я на его стороне.

— Наконец-то! — воскликнул Паспарту.— Вы его считаете честным человеком?

— Ничуть,— холодно ответил Фикс,— я его считаю мошенником... Тише! Сидите спокойно и дайте мне договорить. Пока господин Фогг находился в британских владениях, я был заинтересован в том, чтобы задержать его до прибытия ордера на арест. Я делал для этого все. Я натравил на него жрецов из бомбейской пагоды, я напоил вас в Гонконге и разлучил с вашим господином, я сделал так, что он опоздал на пакетбот, шедший в Йокогаму...

Паспарту слушал, стиснув кулаки.

— Теперь же,— продолжал Фикс,— господин Фогг, по видимому, возвращается в Англию? Превосходно, я последую за ним. Но отныне я буду устранять с его дороги все препятствия с таким же старанием, с каким я их до сих пор нагромождал. Вы видите, я переменял игру, ибо этого требуют мои интересы. Прибавлю, что ваши интересы совпадают с моими, так как лишь в Англии вы узнаете, служите ли вы у преступника или у честного человека!

Паспарту очень внимательно выслушал Фикса и убедился, что тот говорит совершенно искренне.

— Будем друзьями? — спросил Фикс.

— Друзьями — нет,— ответил Паспарту.— Союзниками — по-

жалуй, но с одним условием: при малейшей попытке предательства я сверну вам шею.

— Идет! — спокойно ответил полицейский инспектор.

Одиннадцать дней спустя, 3 декабря, «Генерал Грант» вошел в пролив Золотых Ворот и прибыл в Сан-Франциско.

Мистер Фогг пока что не выиграл и не проиграл ни одного дня.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ,

в которой дается беглый обзор города Сан-Франциско в день митинга

Было семь часов утра, когда Филеас Фогг, миссис Ауда и Паспарту ступили на американский материк, если можно назвать так плавающую пристань, к которой они пришвартовались. Эта пристань, поднимающаяся и опускающаяся в зависимости от прилива и отлива, облегчает погрузку и выгрузку судов. Здесь пристают клиперы всех размеров, пароходы всех национальностей, а также многоэтажные речные суда, курсирующие по реке Сакраменто и ее притокам. Тут же лежат груды разнообразных товаров, отправляемых в Мексику, Перу, Чили, Бразилию, в Европу и Азию, а также на различные острова Тихого океана.

Обрадовавшись, что он наконец попал на американскую землю, Паспарту вздумал высадиться на берег посредством сальтомортале самого высшего класса. Но, прыгнув на пристань, он чуть было не провалился, так как настил ее оказался гнилым. Смущенный столь неудачным «вступлением» на новый материк, честный малый испустил отчаянный крик, который вспугнул целую стаю бакланов и пеликанов, завсегдатаев плавающих пристаней.

Мистер Фогг, сойдя на пристань, тотчас же осведомился, когда отправляется ближайший поезд в Нью-Йорк. Он отходил в шесть часов вечера. Мистер Фогг имел таким образом возможность провести в главном городе Калифорнии целый день. Он нанял экипаж и сел в него вместе с миссис Аудой. Паспарту взобрался на козлы, и экипаж — три доллара за рейс — отправился в «Международный отель».

Со своего высокого сиденья Паспарту с любопытством обозревал большой американский город: широкие улицы, низкие, вытянувшиеся в правильную линию дома, церкви и храмы в стиле англосаксонской готики, гигантские доки, склады, похожие на дворцы, одни — деревянные, другие — кирпичные; по улицам двигались бесчисленные экипажи, omnibusы, трамваи, а по тротуарам сновала многочисленная толпа: американцы, европейцы, попадались также китайцы и индейцы — все те, из кого состояло двухсоттысячное население города.

Паспарту удивлялся всему, что видел. Он был в том легендарном городе, который еще в 1849 году был центром бандитов, поджигателей, убийц, стекавшихся сюда, как в обетованную землю, на поиски золота; здесь весь этот сброд играл в карты на золотой песок, держа в одной руке нож, а в другой — револьвер. Но это «доброе старое время» прошло. Теперь Сан-Франциско имел вид большого торгового города. Высокая башня городской ратуши, на которой стояли часовые, возвышалась над всеми улицами и проспектами, пересекавшимися под прямым углом; между ними здесь и там виднелись зеленевшие скверы, а дальше находился китайский город, казалось перенесенный сюда в игрушечной шкатулке прямо из Небесной империи. Здесь не было больше ни сомбреро, ни красных рубашек, которые некогда носили золотоискатели, не было также индейцев, украшенных перьями; вместо всего этого — черные фраки и шелковые цилиндры — обязательная принадлежность многочисленных джентльменов, скупаемых жаждой деятельности. Некоторые улицы — и среди них Монтгомери-стрит, соответствующая по значению лондонской Риджент-стрит, Итальянскому бульвару в Париже и нью-йоркскому Бродвею, — изобиловали великолепными магазинами, в витринах которых были выставлены товары, присланные со всех концов света.

Когда Паспарту попал в «Международный отель», ему показалось, что он и не покидал Англии.

Весь нижний этаж отеля был отведен под громадный бар — нечто вроде буфета, открытого бесплатно для всех посетителей. Вяленое мясо, устричный суп, бисквит, сыр-честер можно было получить без денег. Платили только за напитки — эль, портвейн, херес, если кому-нибудь приходило желание освежиться. Такой порядок показался Паспарту «вполне американским».

Ресторан отеля был очень комфортабелен. Мистер Фогг и миссис Ауда заняли столик и получили обильный завтрак, который подавали на крошечных тарелочках негры-официанты.

После завтрака Филеас Фогг в сопровождении миссис Ауды вышел из отеля и направился к английскому консулу, чтобы завизировать свой паспорт. По дороге он встретил своего слугу, который спросил, не следует ли перед поездкой по Тихоокеанской железной дороге запастись ради предосторожности несколькими дюжинами карабинов Инфелда или револьверов Кольта. Паспарту слышал толки о том, что индейцы племен сиу и пауни, подобно испанским грабителям, останавливают поезда. Мистер Фогг ответил, что это совершенно излишняя предосторожность, но предоставил Паспарту свободу действовать, как ему заблагорассудится. Затем наш джентльмен продолжал свой путь к английскому консульству.

Филеас Фогг не прошел и двухсот шагов, как «по чистойшей

случайности» встретился с Фиксом. Сыщик изобразил крайнее удивление. Как? Он совершил вместе с мистером Фоггом переезд через Тихий океан, и они ни разу не встретились! Во всяком случае, Фикс почитает за честь вновь увидеть джентльмена, которому он стольким обязан, и, так как дела призывают его в Европу, он с восторгом совершит это путешествие в столь приятной компании.

Мистер Фогг ответил, что он чрезвычайно польщен, и Фикс, который не хотел терять из виду нашего джентльмена, попросил у него разрешения вместе осмотреть этот любопытный город. Фогг согласился.

И вот миссис Ауда, Филеас Фогг и Фикс отправились бродить по улицам Сан-Франциско. Вскоре они очутились на Монтгомери-стрит, где собралась огромная толпа. На тротуарах, посреди мостовой, на трамвайных рельсах, несмотря на движение экипажей и омнибусов, на порогах лавок, в окнах квартир и даже на крышах домов виднелось множество народа. Среди всей этой толпы сновали люди-афиши. По ветру развевались флажки и знамена. Со всех сторон слышались выкрики:

— Да здравствует Кэмерфильд!

— Ура Мэндибой!

Это был какой-то митинг: так, по крайней мере, решил Фикс. Он поделился своей догадкой с мистером Фоггом и добавил:

— Нам, пожалуй, лучше не ввязываться в эту давку, сударь, а то еще, того и гляди, получишь удар кулаком!

— Вы правы, — ответил мистер Фогг, — и кулаки всегда остаются кулаками, даже если дело идет о политике!

Фикс счел нужным улыбнуться на это замечание, и, чтобы лучше видеть все происходящее, но не толкаться в толпе, миссис Ауда, Филеас Фогг и Фикс взобрались на верхнюю площадку лестницы, которая вела на террасу, расположенную над Монтгомери-стрит. Перед ними, на другой стороне улицы, между складом угольщика и лавкой торговца керосином, возвышалась под открытым небом трибуна, к которой, видно, и стремились многочисленные потоки людей.

По какому же поводу, с какой целью происходил этот митинг? Филеас Фогг не имел об этом никакого представления. Шло ли дело о назначении какого-нибудь важного военного или гражданского чиновника, о выборах губернатора штата или члена конгресса? Судя по необычайному возбуждению, охватившему город, можно было предположить и то и другое.

В эту минуту в толпе началось заметное движение. Все руки взлетели вверх. Некоторые из них, сжатые в кулак, быстро поднимались и опускались среди неумолчных криков, очевидно свидетельствуя об энергии голосующих. Толпа бушевала и волнова-

лась. Знамена, покачиваясь, исчезали на мгновение и появлялись вновь, изодранные в клочья. Волнение толпы докатывалось до лестницы, и вся масса человеческих голов подавалась то вперед, то назад, как волны моря под ударами шквала. Количество цилиндров уменьшалось на глазах, а те, что еще оставались на головах, утерять свою нормальную высоту.

— Как видно, этот митинг,— заметил Фикс,— посвящен какому-то животрепещущему вопросу. Меня не удивит, если окажется, что они вновь обсуждают *Алабамское дело*, хотя оно уже решено.

— Возможно,— кратко ответил мистер Фогг.

— Во всяком случае,— продолжал Фикс,— тут налицо два вождя: достопочтенный Кэмерфильд и достопочтенный Мэндибой.

Опираясь на руку Филеаса Фогга, миссис Ауда с любопытством наблюдала бурную сцену, происходившую на улице. Фикс только было собрался узнать у соседей причину этого народного волнения, как вдруг движение в толпе усилилось. Приветственные крики и ругательства стали еще громче. Древки флагов превратились в наступательное оружие. Все руки сжались в кулаки. С крыш остановившихся карет и прервавших движение омнибусов началась настоящая перестрелка. Сапоги и башмаки описывали в воздухе длинные траектории, и среди выкриков слышалось несколько револьверных выстрелов. Свалка докатилась до лестницы и распространилась на нижние ступени. Как видно, одна из партий отступала, но зрителям не было понятно, кто берет верх: Мэндибой или Кэмерфильд.

— Думаю, что благоразумнее всего нам будет уйти,— заметил Фикс, которому вовсе не хотелось, чтобы его «подопечный» ввязался в какую-нибудь историю или стал жертвой случайного удара.— Если здесь как-нибудь замешана Англия и в нас узнают англичан, то обязательно втянут в драку!

— Английский гражданин...— начал было Филеас Фогг.

Но наш джентльмен не успел закончить фразу. Сзади него, на террасе, раздались ужасающие вопли: «Гип-гип, ура! Да здравствует Мэндибой!» То был новый отряд избирателей, который спешил на подмогу, обходя с фланга сторонников Кэмерфильда.

Мистер Фогг, миссис Ауда и Фикс очутились меж двух огней. Отступать было поздно. Поток людей, вооруженных кастетами и тростями с свинцовыми набалдашниками, был неукротим. Филеаса Фогга и Фикса, защищавших молодую женщину, сильно помяли. Как всегда флегматичный, мистер Фогг попробовал было отбиваться с помощью того естественного оружия, которым природа снабдила каждого англичанина, но тщетно. Здоровенный широкоплечий мужчина с рыжей бородой и багровым лицом, как видно предводитель этой банды, занес свои страшные кулаки над

мистером Фоггом, и нашему джентльмену пришлось бы худо, если бы не Фикс, который самоотверженно принял предназначенный для другого удар. Огромная шишка тотчас же вскочила у него на голове под шелковым цилиндром, который сразу превратился в берет.

— Янки! — процедил мистер Фогг, бросая на своего противника взгляд, полный презрения.

— Англичанин! — ответил тот.

— Мы с вами еще встретимся!

— Когда вам будет угодно. Ваше имя?

— Филеас Фогг. А ваше?

— Полковник Стэмп В. Проктор.

Вслед за тем человеческая волна пронеслась дальше. Фикса сбили с ног; когда он поднялся, вся его одежда была порвана в клочья, но серьезных ушибов он не получил. Его дорожное пальто оказалось разорванным на две неравные части, а брюки походили на штаны, которые носят некоторые индейцы, выдрав предварительно, согласно туземной моде, всю их заднюю часть. Но, главное, миссис Ауда осталась невредима, один лишь Фикс пострадал от кулачных ударов.

— Благодарю вас, — сказал мистер Фогг сыщику, когда они выбрались из толпы.

— Не за что, — ответил Фикс, — но идемте!

— Куда?

— В магазин готового платья.

Действительно, подобное посещение было вполне своевременным. Костюмы Филеаса Фогга и Фикса превратились в лохмотья, словно оба джентльмена дрались на стороне почтенных Кэмерфильда или Мэндибоа.

Час спустя, одевшись как следует и купив новые головные уборы, они вернулись в «Международный отель».

Паспарту уже ожидал там своего хозяина, вооруженный полдюжиной шестизарядных револьверов центрального боя. Когда он заметил Фикса рядом с мистером Фоггом, лицо его омрачилось. Но миссис Ауда кратко рассказала ему о случившемся, и Паспарту успокоился. Очевидно, Фикс перестал быть врагом и сделался союзником. Он честно держал свое слово.

После обеда вызвали экипаж, который должен был отвезти наших путешественников и их багаж на вокзал. Садясь в экипаж, мистер Фогг спросил Фикса:

— Вы больше не видели этого полковника Проктора?

— Нет, — ответил Фикс.

— Я вернусь в Америку и найду его, — холодно произнес мистер Фогг. — Не подобает, чтобы британский гражданин позволял так с собою обращаться.

Полицейский инспектор улыбнулся и промолчал. Как видно, мистер Фогг относился к той категории англичан, которые не допускают дуэли у себя на родине, но за границей готовы драться, когда надо защищать свою честь.

Без четверти шесть путешественники прибыли на вокзал и застали поезд, готовый к отправлению.

Входя в вагон, мистер Фогг спросил у проводника:

— Послушайте, друг мой, что это сегодня происходило в Сан-Франциско?

— Митинг, сударь,— ответил проводник.

— Но мне показалось, что на улицах было необычайное оживление?

— Нет, то был обычный избирательный митинг.

— Вероятно, выбирали главнокомандующего? — спросил мистер Фогг.

— Нет, сударь, мирового судью.

Выслушав этот ответ, мистер Фогг молча вошел в вагон; через мгновение поезд на всех парах понесся вперед.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ,

в которой описывается путешествие в экспрессе Тихоокеанской железной дороги

«От океана до океана» — так называют американцы великий железнодорожный путь, пересекающий Соединенные Штаты в самом широком месте их территории. Но в действительности Тихоокеанская железная дорога разделяется на две части: Центральную Тихоокеанскую — между Сан-Франциско и Огденом — и Объединенную Тихоокеанскую — между Огденом и Омахой. Там сходятся пять отдельных линий, связывающих Омаху с Нью-Йорком.

Таким образом, Нью-Йорк и Сан-Франциско в настоящее время соединены непрерывной металлической лентой длиной в три тысячи семьсот восемьдесят шесть миль. Между Омахой и Тихим океаном железнодорожный путь пересекает местность, часто еще посещаемую индейцами и дикими зверями,— обширную территорию, которую около 1845 года начали заселять мормоны после их изгнания из Иллинойса.

В прежнее время, даже при самых благоприятных обстоятельствах, на переезд между Нью-Йорком и Сан-Франциско затрачивали шесть месяцев. Теперь же достаточно семи дней.

В 1862 году, несмотря на противодействие депутатов Южных штатов, которые желали, чтобы путь проходил южнее, железная дорога была намечена между сорок первой и сорок второй параллелями. Покойный президент Линкольн лично заложил начало пути в городе Омахе, в штате Небраска. Работы тотчас же начались и производились с чисто американской деловитостью, не

терпящей ни бюрократизма, ни бумажной переписки. Быстрота строительства ни в коей мере не должна была вредить прочности сооружений. В прерии укладывалось по полторы мили пути в день. По рельсам, уложенным накануне, локомотив доставлял рельсы, нужные на завтрашний день, и двигался все дальше и дальше, по мере того как строилась дорога.

От Тихоокеанской железной дороги отходит несколько ответвлений: в штатах Айова, Канзас, Колорадо и Орегон. От Омахи она идет вдоль левого берега реки Платт до устья ее северного рукава, затем сворачивает к югу, пересекает земли Ларами, Уосатчский горный хребет, огибает Соленое озеро, подходит к столице мормонов Солт-Лейк-Сити, затем углубляется в долину Туилла, проходит пустыней, огибает гору Седара и Гумбольдта, пересекает Гумбольдт-ривер, горы Сьерра-Невада, Скалистые горы и долиной реки Сакраменто постепенно спускается к Тихому океану.

Такова была эта длинная артерия, которую поезда пробегали за семь дней, и она позволяла мистеру Фоггу надеяться 11 декабря сесть в Нью-Йорке на пакетбот, следующий в Ливерпуль.

Вагон, в котором поместился Филеас Фогг, представлял собою нечто вроде длинного омнибуса, лежащего на двух четырехколесных платформах, подвижность которых легко позволяла преодолевать кривые небольшого радиуса. В вагоне не было купе: перпендикулярно его оси располагались два ряда кресел; между ними оставался свободный проход, ведущий в туалетную комнату и уборную, которые имелись в каждом вагоне. По всей длине поезда вагоны сообщались между собою при помощи площадок, так что пассажиры могли свободно переходить из одного конца состава в другой; в их распоряжении были вагоны-рестораны, вагоны-террасы, вагоны-салоны, вагоны-кофейни. Недоставало только вагонов-театров. Но со временем появятся и они.

По площадкам, соединявшим вагоны, непрестанно сновали газетчики, продавцы книг, напитков, сигар, съестных припасов и прочих товаров; в покупателях недостатка не было.

Поезд отошел от станции Окленд в шесть часов вечера. Наступила ночь — темная, холодная ночь, небо заволокло тучами, которые угрожали каждую минуту прорваться снежной метелью. Поезд шел со средней скоростью. Принимая в расчет остановки, он двигался не быстрее двадцати миль в час; тем не менее, идя таким ходом, он мог пересечь территорию Соединенных Штатов в установленный срок.

Пассажиры в вагоне разговаривали мало. Все начинали понемногу дремать. Паспарту сидел рядом с полицейским инспектором, но оба они молчали. После описанных выше событий их отношения заметно охладели. Не чувствовалось ни прежней симпатии, ни дружбы. Фикс ни в чем не изменил своего поведе-

ния, но зато Паспарту держался крайне сдержанно и при малейшем подозрении готов был задушить своего бывшего друга.

Через час после отхода поезда пошел снег, но, к счастью, мелкий, не мешавший движению состава. Из окон вагона виднелась теперь лишь бескрайняя белая пелена, на фоне которой клубы выбрасываемого локомотивом пара казались сероватыми.

В восемь часов в вагон вошел проводник и объявил пассажирам, что наступило время ложиться спать. То был «спальный» вагон, и через несколько минут он действительно превратился в дортуар. Спинки кресел откидывались с помощью остроумных приспособлений, появлялись прекрасно набитые тюфяки, в несколько секунд возникли кабинки, и каждый пассажир вскоре получил в свое распоряжение удобную постель, защищенную плотной занавеской от нескромных взглядов. Простыни были белоснежные, подушки мягкие. Оставалось только лечь спать, что все и сделали, чувствуя себя словно в каюте комфортабельного пакетбота, а поезд в это время на всех парах мчался через штат Калифорния.

На территории между Сан-Франциско и Сакраменто рельеф местности довольно ровный. Эта часть железнодорожного пути носит название Центральной Тихоокеанской дороги; она начинается от Сакраменто и направляется на восток, где пересекается с линией, идущей от Омахи. От Сан-Франциско до столицы Калифорнии дорога идет прямо на север, вдоль реки Америкэн-ривер, впадающей в залив Сан-Пабло. Расстояние в сто двадцать миль между этими большими городами было покрыто за шесть часов, и к полуночи, когда пассажиры еще видели первый сон, поезд прибыл в Сакраменто. Таким образом, им ничем не удалось полюбоваться в этом большом городе, столице штата Калифорния; не увидели они ни его прекрасных набережных, ни широких улиц, ни великолепных отелей, ни скверов, ни церквей.

Покинув Сакраменто и миновав станции Джанкшен, Роклин, Оберн, Колфакс, поезд углубился в горный массив Сьерра-Невада. В семь часов утра он прошел через станцию Сиско. Час спустя спальня вновь превратилась в обыкновенный вагон, и путешественники могли любоваться из окон прекрасной панорамой этого гористого края. Железнодорожный путь, подчиняясь капризам Сьерры, то полз по склону гор, то словно повисал над пропастью, то прихотливо извивался, избегая крутых поворотов, то устремлялся в узкие ущелья, откуда, казалось, не было никакого выхода. Паровоз с высеребренным колоколом, большим фонарем, бросавшим по сторонам желтоватый свет, и особым предохранительным выступом, торчащим впереди, как огромная шпора, сверкал, словно оправа очков; его свистки и гудки смешивались с ревом потоков и водопадов, а столбы дыма вились среди темных ветвей сосен и елей.

На пути почти не попадалось ни мостов, ни туннелей. Железнодорожное полотно шло вдоль склонов гор, не всегда придерживаясь кратчайшего пути и не вступая в борьбу с природой.

К девяти часам, через долину Карсон, поезд вступил в пределы штата Невада, следуя все время в северо-восточном направлении. В полдень он отошел от Рено, где была двадцатиминутная остановка, во время которой пассажиры успели позавтракать.

Начиная от этого пункта, железнодорожный путь, следуя вдоль берега реки Гумбольдт-ривер, несколько миль идет к северу. Затем он поворачивает на восток и не покидает берегов реки вплоть до гор Гумбольдта, расположенных почти у самой восточной оконечности штата Невада, где река берет свое начало.

Позавтракав, мистер Фогг, миссис Ауда и их спутники вновь заняли места в вагоне. Филеас Фогг, молодая женщина, Фикс и Паспарту, удобно усевшись, любовались разнообразными видами, пронесившимися мимо окон: обширной прерией, на горизонте которой вырисовывались горы, и пенистыми, бурными ручьями. По временам большие стада бизонов, словно живая плотина, появлялись вдали. Эти нескончаемые армии жвачных часто являются непреодолимым препятствием для движения поездов. Бывают случаи, когда несколько тысяч бизонов плотными рядами тянутся поперек железнодорожного полотна много часов подряд. Паровозу приходится тогда останавливаться и ждать, пока путь вновь освободится.

Так случилось и на этот раз. Около трех часов дня стадо в десять или двенадцать тысяч голов преградило дорогу. Паровоз, замедлив скорость, попытался было при помощи своей шпоры разбить с фланга эту громадную колонну, но был в конце концов вынужден остановиться перед плотной массой животных.

Бизоны, которых американцы неправильно называют буйволами, двигались спокойным шагом, издавая по временам громкое мычание. Ростом они выше европейских быков; хвост и ноги у них короткие, загривок выдается, образуя мускульный горб; рога этих животных широко расставлены, с головы, шеи и плеч свисает длинная грива. Нечего было и думать о том, чтобы остановить их шествие. Приняв то или другое направление, бизоны следуют ему, не обращая внимания на препятствия. Никакая плотина не могла бы сдержать этот живой поток.

Высыпав на площадки, пассажиры наблюдали это любопытное зрелище. Но тот, кому, казалось, следовало бы торопиться больше всех,— Филеас Фогг,— оставался на месте и с философским спокойствием ожидал, пока бизоны сообразоволят освободить ему путь. Паспарту был взбешен задержкой, вызванной скопищем животных. Он готов был разрядить в них весь арсенал своих револьверов.

— Что за страна! — восклицал он. — Обыкновенные быки останавливают поезда и идут, как на параде, не заботясь о том, что задерживают движение! Черт возьми! Хотел бы я знать, предусмотрел ли мистер Фогг в своих планах эту помеху? И чего только смотрит машинист? Пустил бы паровоз прямо на этих глупых тварей!

Но машинист и не пытался прорваться сквозь препятствие и действовал вполне разумно. Конечно, паровоз раздавил бы несколько передних бизонов, но при всей своей мощности он в конце концов сошел бы с рельсов, и поезд неминуемо потерпел бы крушение.

Самое лучшее было терпеливо ждать, а потом, увеличив скорость, попытаться наверстать потерянное время. Прохождение бизонов продолжалось долгих три часа, и путь освободился лишь к ночи. В то время как последние ряды бизонов все еще пересекали рельсы, первые уже скрылись за горизонтом.

В восемь часов поезд прошел сквозь ущелье гор Гумбольдта и в половине десятого очутился на территории штата Юта, в районе Большого Соленого озера — любопытной стране мормонов.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ,

в которой Паспарту со скоростью двадцати миль в час изучает историю мормонов

В ночь с 5-го на 6 декабря поезд прошел около пятидесяти миль в юго-восточном направлении; затем он углубился на такое же расстояние к северо-востоку и приблизился к Большому Соленому озеру.

Около девяти часов утра Паспарту вышел на площадку вагона подышать свежим воздухом. Погода стояла холодная, небо было серое, но снег больше не шел. Солнечный диск, разорвавший пелену тумана, походил на огромную золотую монету, и Паспарту занялся вычислением, сколько могло быть в нем фунтов стерлингов, как вдруг был отвлечен от этого полезного занятия появлением весьма странного персонажа.

Этот субъект, севший в поезд на станции Элко, был долговым мужчиной со смуглым лицом и черными усами, на нем были черные чулки, черная шелковая шляпа, черный жилет и черные панталоны, белый галстук и лайковые перчатки. Он походил на священника. Переходя из вагона в вагон вдоль поезда, он на каждой дверце приклеивал рукописное объявление.

Паспарту подошел к одному из этих объявлений и прочел, что почтенный «старец» Уильям Хитч, мормонский миссионер, пользуясь своим присутствием в поезде № 48, прочтет в вагоне № 117 между одиннадцатью часами и полуднем лекцию, посвященную мормонизму. Он приглашает джентльменов, желающих просветиться

в вопросах таинств религии «святых последних дней», прослушать ее.

«Что ж, надо будет пойти»,— решил про себя Паспарту, который знал о мормонах лишь то, что в основе их общежития лежит многоженство.

Новость быстро облетела поезд, в котором было около сотни пассажиров. Из этого числа свыше тридцати человек, привлеченных интересом к лекции, разместились к одиннадцати часам на скамейках вагона № 117. Паспарту восседал в первом ряду верующих. Ни его господин, ни Фикс не обеспокоили себя посещением лекции.

В назначенное время «старец» Уильям Хитч встал и довольно раздраженным голосом, как будто ему кто-то заранее противоречил, закричал:

— Я вам говорю, что Джо Смит — мученик, что его брат Хайрем — тоже мученик и что преследования федеральным правительством пророков сделают также мучеником Брайама Юнга! Кто осмелится утверждать противное?!

Никто не рискнул противоречить миссионеру, возбуждение которого контрастировало с его спокойным от природы выражением лица. Но, без сомнения, гнев его объяснялся тем обстоятельством, что мормонизм в то время подвергался преследованиям. Действительно, правительству Соединенных Штатов не без усилий удавалось смирять этих непокорных фанатиков. Так был подчинен федеральным законам штат Юта, после того как по обвинению в многоженстве и подстрекательстве к мятежу был заключен в тюрьму Брайам Юнг. С этого времени ученики пророка удвоили свои усилия и, не прибегая пока к открытым действиям, словесно боролись против постановлений конгресса.

Вот почему «старец» Уильям Хитч вербовал приверженцев даже в поездах.

С неистовыми жестами и завываниями он рассказывал своим слушателям историю мормонизма с библейских времен: «Как в Израиле мормонский пророк из колена Иосифа провозгласил положения новой религии и передал их своему сыну Морому; как много веков спустя перевод этой драгоценной книги, начертанной египетскими письменами, был сделан фермером из штата Вермонт, Джозефом Смитом-младшим, который объявился как пророк, исполненный откровения, в 1825 году; как небесный посланник предстал перед ним в блистающем лесу и передал ему послания всевышнего».

В эту минуту несколько слушателей, мало интересующихся такими давними историями, покинули вагон; но Уильям Хитч, продолжая, рассказал, «как Смит-младший, поддержанный отцом, двумя братьями и несколькими учениками, основал религию «святых последних дней» — религию, которой придерживаются не

только в Америке, но и в Англии, Скандинавских странах и Германии,— религию, в числе последователей которой встречаются не только ремесленники, но и люди свободных профессий; как была создана колония в Огайо; как в основанном ими городе Кирк-ланде был воздвигнут храм стоимостью в двести тысяч долларов; как Смит стал предприимчивым банкиром и получил от простого показателя мумий папирус, написанный рукою Авраама и других знаменитых египтян».

Повествование несколько затянулось, и ряды слушателей вновь поредели, в вагоне осталось теперь не более двух десятков людей.

Но «старец», нисколько не обеспокоенный бегством слушателей, весьма подробно рассказал, «как в 1837 году Джо Смит обанкротился; как разоренные пайщики вымазали его дегтем и вывалили в перьях; как он вновь объявился через несколько лет еще более почитаемым и славным, чем раньше, став главой трехтысячной процветающей общины в Индепенденсе, в штате Миссури, и как преследуемый ненавистью язычников, он вынужден был бежать на Дальний Запад».

Осталось только десять слушателей, и среди них честный Паспарту, который слушал развесив уши. Таким образом, он узнал, «как после долгих преследований Смит снова появился в Иллинойсе и в 1839 году основал на берегах Миссисипи город Нову-ля-Бель, население которого достигло двадцати пяти тысяч душ; как Смит стал мэром, верховным судьей и главнокомандующим; как в 1843 году он выставил свою кандидатуру на пост президента Соединенных Штатов; как в конце концов его заманили в ловушку в Карфагене; как он был брошен в темницу и убит замаскированной бандой...»

В эту минуту Паспарту был один-одинешенек в вагоне, и «старец», глядя ему в лицо, гипнотизировал его своим голосом, напоминая ему, как два года спустя после убийства Смита его преемник, вдохновленный свыше пророк Брайам Юнг, покинул город Нову и обосновался на берегах Соленого озера; и здесь, на чудесной земле, среди плодородных долин, расположенных на пути движения переселенцев из Юты в Калифорнию, он основал новую общину, которая благодаря мормонскому принципу многоженства неизменно разрослась.

— И вот,— заключил Уильям Хитч,— вот почему зависть конгресса ополчилась против нас! Вот почему федеральные войска топчут землю Юты, почему наш вождь, пророк Брайам Юнг, незаконно заключен в темницу! Уступим ли мы силе? Никогда! Изгнанные из Вермонта, изгнанные из Иллинойса, изгнанные из Огайо, изгнанные из Миссури, изгнанные из Юты, мы найдем новые независимые земли, где раскинем наши шатры... А вы, мой верный

ученик,— обратился «старец» к своему единственному слушателю, бросая на него гневные взгляды,— раскинете ли вы свой шатер под сенью нашего знамени?

— Нет! — храбро ответил Паспарту и пустился наутек, оставив одержимого вещать в пустыне.

Во время этой проповеди поезд шел быстрым ходом и к половине первого дня достиг северо-западной оконечности Соленого озера. Отсюда путешественники могли обозреть на большом пространстве это внутреннее море, называемое также Мертвым морем, в которое впадает американский Иордан. Это прекрасное озеро обрамлено великолепными дикими утесами, широкие основания которых покрыты белым соляным налетом; его огромная водная поверхность занимала некогда еще более обширное пространство; со временем, по мере роста наслоений, поверхность озера уменьшилась, но глубина его возросла.

Соленое озеро, имеющее около семидесяти миль в длину и около тридцати пяти миль в ширину, расположено на высоте трех тысяч восьмисот футов над уровнем моря. Весьма отличное от Асфальтового озера, глубина которого больше на тысячу двести футов, оно содержит в своих водах значительный процент соли, а также до одной четверти растворенных твердых веществ. Удельный вес воды — тысяча сто семьдесят, если принимать вес дистиллированной воды за тысячу. Рыбы не могут жить в этом озере. Те из них, которые попадают сюда из Иордана, Вебера и других рек, быстро погибают; но утверждение, будто плотность воды в озере настолько значительна, что человек не может в него погрузиться, неверно.

Вокруг озера лежат прекрасно возделанные земли, ибо мормоны очень привержены земледелию; повсюду разбросаны ранчо, загоны для домашнего скота, поля ячменя и овса, кукурузы, сорго, пышные луга, изгороди из шиповника, заросли акаций и молочая. Так выглядел бы этот край через шесть месяцев, летом, но в то время земля была запорошена тонким слоем снега.

В два часа дня пассажиры высадились на станции Огден. Поезд отходил дальше только в шесть часов вечера, и у мистера Фогга, миссис Ауды и обоих их спутников было достаточно времени, чтобы по небольшой железнодорожной ветке съездить из Огдена в «Город святых». Двух часов им вполне хватило для осмотра этого обычного американского города, который в качестве такового построен по единому стандарту Соединенных Штатов — в виде огромной шахматной доски с длинными холодными линиями и, как выразился Виктор Гюго, с «унылой мрачностью прямых углов». Основатель «Города святых» не мог преодолеть присущего англосаксам стремления к симметрии. В этой удивительной стране, где люди отнюдь не находятся на уровне ее установлений, все делается «с маху»: города, дома, глуposti.

В три часа дня наши путешественники уже прогуливались по улицам города, расположенного между рекой Иорданом и нижними отрогами Уосатчского хребта. В городе было немного церквей; наиболее монументальными зданиями в нем были дом пророка, резиденция самоуправления и арсенал; отдельные дома были построены из голубоватого кирпича, обнесены верандами и галереями и окружены садами, где росли пальмы, акации и рожковые деревья. Город был опоясан построенной в 1853 году стеной из глины и булыжника. На главной улице, где находился рынок, высилось несколько украшенных флагами гостиниц, среди них «Гостиница Соленого озера».

Мистеру Фоггу и его спутникам город показался не особенно густонаселенным. Улицы были почти пусты, кроме, однако, той части города, где находился храм; они достигли его, лишь миновав несколько кварталов, окруженных палисадами. Женщин в городе было довольно много, что объясняется составом мормонской семьи. Не следует, однако, думать, что все мормоны — многоженцы. Они свободны поступать так, как желают, но надо отметить, что почти все жительницы штата Юты стремятся выйти замуж, ибо согласно религии мормонов небо на том свете не дарует блаженства незамужним женщинам. Эти несчастные создания не выглядят ни счастливыми, ни довольными. Некоторые из них, без сомнения, более богатые, носили свободные в талии черные шелковые жакеты, а на головах — капюшоны или скромные шали. Остальные были одеты в ситцевые платья.

Паспарту в качестве убежденного холостяка не без некоторого чувства страха смотрел на этих мормонов, которые в количестве нескольких душ были призваны улаживать одного мормона. С присущим ему здравым смыслом он представил себе этого несчастного мужа. Ему показалось устрашающим вести столько дам сразу через все превратности земного существования вплоть до мормонского рая, где мужу предстояло навсегда оставаться в компании с ними и с достославным Смитом, который должен будет украшать своим присутствием это место вечного блаженства. Такая перспектива мало улыбалась Паспарту, и ему казалось даже — быть может, он в этом заблуждался, — что жительницы Грейт-Лейк-Сити бросали на него несколько взволнованные взгляды.

К счастью, пребывание Паспарту в «Городе святых» было непродолжительным. Без малого в четыре часа наши путешественники вернулись на вокзал и вновь заняли места в своем вагоне.

Раздался свисток, но в ту минуту, когда колеса локомотива пришли в движение и поезд стал набирать скорость, раздались крики: «Остановите! Остановите!»

Тронувшийся поезд не останавливают. Джентльмен, издававший эти крики, был, очевидно, каким-то опоздавшим мормоном. Он мчался во весь дух. К счастью для него, вокзал не имел ни дверей, ни барьеров. Он перебежал дорогу, вскочил на подножку последнего вагона и, задыхаясь, упал на лавку.

Паспарту, который с волнением следил за этими гимнастическими упражнениями, с живейшим интересом рассматривал опоздавшего, ибо узнал, что этот гражданин Юты удрал из дому после семейной сцены.

Когда мормон немного пришел в себя, Паспарту как можно вежливее осведомился у него о количестве жен: судя по поспешному бегству джентльмена, честный малый предполагал, что у того их должно было быть, по крайней мере, двадцать.

— Одна, сударь! — воскликнул мормон, воздевая руки к небу. — Только одна, но и этого вполне достаточно!

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ,

в которой Паспарту не может никого заставить внять голосу рассудка

Покинув Большое Соленое озеро и станцию Огден, поезд в продолжение часа шел в северном направлении до Вебер-ривер; он покрыл после отхода из Сан-Франциско уже около девятисот миль. Затем он вновь повернул к востоку и двинулся через сильно пересеченный горный Уосатчский массив. Сооружение участка пути между этими горами и Скалистыми горами в собственном смысле этого слова стоило американским инженерам наибольших трудностей. Именно на этом участке каждая миля железнодорожного пути обошлась правительству Соединенных Штатов в сорок восемь тысяч долларов, тогда как миля пути на равнине обходилась лишь в шестнадцать тысяч долларов; но, как уже было сказано, инженеры не боролись с природой — они старались перехитрить ее, обходя все препятствия; так, на протяжении всего пути между океанами они прорыли только один туннель длиной в четырнадцать тысяч футов.

У Соленого озера железнодорожный путь достигал своей наивысшей точки. Оттуда он описывал сильно вытянутую кривую, спускавшуюся в долину Биттеркрик, чтобы затем подняться вновь до водораздела между Атлантическим и Тихим океанами. Речки в этом горном районе весьма многочисленны. Поезду приходилось пересекать мосты через Мадди, Грин-ривер и другие. По мере приближения к цели Паспарту становился все более нетерпеливым. Фиксу также хотелось поскорее миновать этот трудный отрезок пути. Он боялся задержек, опасался несчастных случаев и больше, чем сам мистер Фогг, жаждал вступить на британскую территорию.

В десять часов вечера поезд ненадолго остановился на станции Форт-Бриджер и затем, пройдя еще двадцать миль, вступил в штат Вайоминг — старинную Дакоту, — следуя все время по долине реки Биттер, откуда вытекает часть вод, образующих бассейн реки Колорадо.

На другой день, 7 декабря, поезд сделал пятнадцатиминутную остановку на станции Грин-ривер. За ночь выпал обильный снег пополам с дождем, но он уже почти растаял и не мог помешать движению поезда. Все же скверная погода очень беспокоила Паспарту, ибо снежные заносы могли поставить под угрозу все путешествие.

«И с чего это мистер Фогг вздумал путешествовать зимою! — размышлял Паспарту. — Не мог он разве дожидаться лета, когда больше шансов на успех?»

Но в то время как честного малого беспокоило только состояние неба и понижение температуры, миссис Ауда испытывала живейшее беспокойство совсем по другому поводу.

Дело в том, что на станции Грин-ривер из вагонов вышло несколько пассажиров, которые прогуливались на платформе в ожидании отхода поезда. Среди них молодая женщина заметила и полковника Стэмпа В. Проктора, того самого американца, который столь грубо обошелся с мистером Фоггом во время митинга в Сан-Франциско. Миссис Ауда не хотела быть узанной и тотчас же отступила в глубь вагона.

Это обстоятельство сильно взволновало молодую женщину. Она успела привязаться к человеку, который, несмотря на свое бесстрашие, каждый день доказывал ей свою самую глубокую преданность. Несомненно, она сама еще не понимала всей глубины чувства, зародившегося в ней к ее спасителю, она называла это чувство благодарностью, но незаметно для нее оно превращалось в нечто большее. Поэтому сердце ее сжалось, когда она узнала человека, у которого мистер Фогг рано или поздно хотел потребовать удовлетворения за его поведение. Очевидно, полковник Проктор попал в этот поезд совершенно случайно, но он находился в нем, и было необходимо любой ценой помешать Филеасу Фоггу встретиться со своим противником.

Когда поезд тронулся и мистер Фогг задремал, миссис Ауда, уловив момент, рассказала Фиксу и Паспарту о случившемся.

— Этот Проктор в нашем поезде! — воскликнул Фикс. — Ну что ж, не тревожьтесь, сударыня. Прежде чем иметь дело с господином... с мистером Фоггом, ему придется иметь дело со мной! Мне кажется, он оскорбил сильнее всего именно меня!

— А кроме того, я сам займусь им, хоть он и полковник! — добавил Паспарту.

— Мистер Фикс,— возразила миссис Ауда,— мистер Фогг не позволит никому мстить за себя. По его собственным словам, он способен вернуться в Америку, чтобы отыскать оскорбителя. Если только он увидит полковника Проктора, мы не сможем предотвратить печальных последствий этой встречи. Остается следить за тем, чтобы они не столкнулись.

— Вы правы, сударыня, эта встреча может все погубить,— согласился Фикс.— Победитель или побежденный, мистер Фогг опоздает, и...

— И это будет на руку джентльменам из Реформ-клуба,— подхватил Паспарту.— Через четыре дня мы будем в Нью-Йорке! Если только эти четыре дня мистер Фогг не будет выходить из вагона, можно надеяться, что случай не сведет его с этим проклятым американцем, разрази его гром. Так что мы сумеем помешать...

На этом беседа прекратилась. Мистер Фогг проснулся и стал смотреть в окно, запорошенное снегом. Немного погоды Паспарту так тихо, что ни его господин, ни миссис Ауда не слышали, спросил сыщика:

— Вы вправду собираетесь за него драться?

— Я сделаю все, чтобы доставить его живым в Европу! — тоном, выражающим твердую решимость, кратко ответил Фикс.

Паспарту почувствовал, как по телу у него пробежали мурашки, но его уверенность в честности его господина не поколебалась.

Однако каким образом можно было удержать мистера Фогга в купе и предотвратить его встречу с полковником Проктором? Конечно, это было не так уж трудно — наш джентльмен по природе был малоподвижен и нелюбопытен. К тому же сыщик нашел хорошее средство: через несколько минут он обратился к Филеасу Фоггу и сказал:

— В поезде ужасно долго тянется время, сударь!

— Да,— ответил джентльмен,— но все же оно движется.

— На пакетботах вы, кажется, обычно играли в вист? — продолжал Фикс.

— Да,— ответил Филеас Фогг,— но здесь это трудно осуществить. У меня нет ни карт, ни партнеров.

— О! Карты мы найдем без труда. В американских поездах продается все что угодно. Что касается партнеров, то если миссис Ауда...

— Конечно! — живо отозвалась молодая женщина.— Я играю в вист. Ведь это входит в программу английского воспитания.

— А я смею считать себя неплохим игроком,— заметил Фикс.— Итак, втроем и с «болваном»...

— Охотно, сударь,— ответил Филеас Фогг, обрадованный тем, что может заняться даже в поезде своей любимой игрой.

Паспарту поспешил к стюарду и вскоре вернулся с двумя полными колодами карт, фишками, жетонами и обитой сукном доской. Все было на месте. Началась игра. Миссис Ауда играла в вист вполне сносно и даже заслужила похвалу от строгого Филеаса Фогга. Что касается сыщика, то он был прямо-таки первоклассным игроком и оказался достойным соперником нашего джентльмена.

«Ну, теперь-то мы его удержим,— решил Паспарту.— Он не сдвинется с места!»

В одиннадцать часов утра поезд достиг водораздела между двумя океанами. То был Бриджерский перевал, находившийся на высоте семи тысяч пятисот двадцати четырех английских футов над уровнем моря,— одна из наиболее высоких точек железнодорожного пути, проходящего через Скалистые горы. Приблизительно в двухстах милях от перевала путешественников ждали наконец простирающиеся до самого Атлантического океана широкие равнины, которые природа, словно специально, создала для железнодорожного пути.

По склонам гор, обращенным в сторону Атлантического океана, текли многочисленные реки, притоки или притоки притоков Норт-Платт-ривер. Весь горизонт на север и восток был закрыт огромным полукругом северной части Скалистых гор, увенчанных пиком Ларами. Между этими горами и железнодорожным путем расстилались обширные, хорошо орошаемые долины. С правой стороны плотно высились первые отроги горного массива, который, загибаясь к югу, доходил до истоков реки Арканзас, одного из важнейших притоков Миссури.

В половине первого пассажиры мельком увидели форт Халлек, господствующий над этой местностью. Еще несколько часов, и Скалистые горы останутся позади. Можно было надеяться, что движение поезда через этот труднопроходимый перевал закончится без всяких происшествий. Снег прекратился. Стало холоднее и суше. Большие птицы, испуганные локомотивом, разлетались в стороны. Ни одного дикого зверя — волка или медведя — не показывалось на равнине. То была необозримая голая пустыня.

После довольно изысканного завтрака, поданного в вагон, мистер Фогг и его партнеры вновь принялись за свой нескончаемый вист. Вдруг послышались отчаянные свистки. Поезд остановился.

Паспарту высунулся в окно, но не увидел ничего, что объяснило бы эту остановку. Никакой станции поблизости не было.

Миссис Ауда и Фикс начали беспокоиться, как бы мистер Фогг не вздумал сойти с поезда. Но наш джентльмен удовольствовался тем, что сказал Паспарту:

— Посмотрите-ка, что там такое.

Паспарту выскочил из вагона. Человек сорок пассажиров уже вышли из поезда на полотно, среди них был и полковник Стэмп В. Проктор.

Поезд стоял перед красным сигналом семафора, закрывавшим путь. Машинист и кондуктор, также спустившиеся на полотно, о чем-то живо спорили с путевым обходчиком, которого начальник соседней станции Медисин-Боу выслал навстречу поезду. Пассажиры подошли к разговаривающим и приняли участие в споре. Среди них находился и упомянутый выше полковник Проктор, говоривший, как всегда, громким голосом и сопровождавший свою речь повелительными жестами.

Приблизившись, Паспарту услышал, как сторож говорил:

— Нет никакой возможности проехать! Мост через Медисин-Боу расшатан и не выдержит тяжести поезда.

Висячий мост, о котором шла речь, был перекинут через поток, находившийся на расстоянии одной мили от того места, где остановился поезд. По словам путевого обходчика, мост грозил рухнуть, ибо некоторые из тросов, на которых он висел, порвались. Обходчик не преувеличивал, утверждая, что мост не выдержит тяжести поезда. Надо сказать, что если уж беззаботные американцы становятся осторожными, то лишь безумец не следует их примеру.

Не смея сообщить мистеру Фоггу о случившемся, Паспарту слушал, стиснув зубы, окаменев, как статуя.

— Вот еще! — кричал полковник Проктор. — Что ж, мы, надеюсь, не вздумаем здесь оставаться и пускать корни в снегу!

— Полковник, — обратился к нему кондуктор, — на станцию Омаха послана телеграмма с просьбой выслать встречный поезд, но он едва ли придет в Медисин-Боу раньше чем через шесть часов.

— Шесть часов! — воскликнул Паспарту.

— Да, — подтвердил кондуктор, — и за это время мы едва успеем пешком дойти до станции.

— Пешком! — закричали хором все пассажиры.

— А далеко идти до этой станции? — спросил один из них кондуктора.

— Она расположена в двенадцати милях, по ту сторону реки.

— Двенадцать миль по снегу! — громко возмутился полковник Проктор.

Полковник разразился градом проклятий, ругая на чем свет стоит железнодорожную компанию и кондуктора. Взбешенный Паспарту готов был ему вторить. Теперь перед ним встало препятствие, которого не преодолеть всем банковым билетам его господина.

Впрочем, недовольны были все: не считая опоздания, им

предстояло проделать пешком такой долгий путь по равнине, занесенной снегом. Около поезда поднялся шум, послышались громкие восклицания и крики, которые, естественно, могли бы привлечь внимание Филеаса Фогга, если бы этот джентльмен не был так поглощен игрой.

Во всяком случае, следовало сообщить ему о происшедшем, и Паспарту, опустив голову, направился было к вагону, как вдруг машинист поезда, истый янки, по фамилии Форстер, заметил:

— Господа, мне кажется, есть возможность проехать!

— По мосту? — спросил один из пассажиров.

— Да, по мосту.

— На нашем поезде? — осведомился полковник.

— На нашем поезде.

Паспарту остановился и весь обратился в слух.

— Но ведь мост угрожает рухнуть! — заметил кондуктор.

— Это ничего не значит, — ответил Форстер. — Я думаю, что, если пустить поезд на предельной скорости, есть некоторые шансы проскочить.

— Черт возьми! — вырвалось у Паспарту.

Но некоторым пассажирам это предложение понравилось. Особенно оно понравилось полковнику Проктору. Этот отчаянный человек находил план машиниста вполне осуществимым. Он даже напомнил, что некоторые инженеры предлагали вообще обходиться без мостов, пуская поезда через реки на предельной скорости и т. д. В конце концов все заинтересованные в быстрой переправе пассажиры приняли сторону машиниста.

— Пятьдесят шансов за то, что мы переедем благополучно!.. — воскликнул один из пассажиров.

— Шестьдесят! — перебил его другой.

— Восемьдесят!.. Девяносто из ста!..

Паспарту оторопел: хотя он и сам был готов на все, лишь бы переправиться через Медисин-Крик, но подобная попытка казалась ему чересчур уж «американской».

«А ведь все можно сделать гораздо проще, но они об этом и не думают!» — решил он и обратился к одному из пассажиров:

— Сударь, способ, предложенный машинистом, кажется мне рискованным, но...

— Восемьдесят шансов! — ответил пассажир и отвернулся.

— Я это знаю, — продолжал Паспарту, обращаясь к другому джентльмену, — но стоит лишь подумать...

— Незачем думать! — ответил пассажир и отвернулся.

— Я это знаю, — продолжал Паспарту, обращаясь к другому джентльмену, — но стоит лишь подумать...

— Незачем думать! — ответил американец, пожимая плечами. — Ведь машинист гарантирует возможность переезда!

— Конечно, но было бы благоразумней...— не унимался Паспарту.

— Что?! Благоразумней! — завопил полковник Проктор, которого это случайно услышанное им слово вывело из себя.— Вам же говорят: на предельной скорости! Понимаете? На предельной скорости!

— Я знаю... Я понимаю...— повторял Паспарту, которому не давали закончить мысль.— Но было бы естественней, если уж вам так не нравится слово «разумнее»...

— Что? Как? Чего он лезет со своим «естественнее»?! — закричали со всех сторон.

Бедный малый не знал, кому отвечать.

— Вы что, боитесь? — спросил полковник Проктор.

— Я боюсь?! — закричал Паспарту.— Ну ладно! Я покажу вам всем, что француз не трусливее американца!

— По вагонам! По вагонам! — закричал кондуктор.

— Да! По вагонам,— повторил Паспарту,— по вагонам! И как можно скорее! Но все же мне никто не помешает думать, что было бы разумнее сначала перейти по мосту пассажирам, а потом уж пустить поезд.

Но ни один человек так и не расслышал этого мудрого замечания, которое все равно не сочли бы справедливым.

Пассажиры вернулись в вагоны. Паспарту занял свое место, не сказав никому о случившемся. Игроки были всецело поглощены вистом.

Раздался пронзительный свисток локомотива. Машинист дал задний ход, отвел поезд почти на целую милю назад, отступая, словно прыгун, желающий взять разбег побольше.

Затем раздался второй свисток, и поезд понесся вперед; он все время набирал скорость, пока она не достигла крайнего предела; был слышен только рев локомотива, поршни которого делали двадцать ходов в секунду, колесные оси дымились, несмотря на обильную смазку. Поезд несся со скоростью сто миль в час — он летел, едва касаясь рельсов. Скорость как бы уничтожала тяжесть поезда.

И он пронесся через реку! Промелькнул, точно молния, не заметив моста. Состав словно перепрыгнул с одного берега на другой, и машинисту удалось остановить мчащийся паровоз только в пяти милях за станцией.

Но едва поезд пересек реку, как окончательно развалившийся мост с грохотом рухнул в быстрые воды Медисин-Бой.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ,

где рассказывается о таких происшествиях, которые случаются лишь на железных дорогах Соединенных Штатов Америки

В тот вечер поезд, беспрепятственно продолжая свой путь, прошел мимо форта Соудерс, миновал перевал Чейенн и достиг перевала Эванс. В этом месте железная дорога достигает наивысшей точки — восьми тысяч девяноста одного фута над уровнем моря. Отсюда путешественникам предстояло спускаться по бескрайним, сглаженным самой природой равнинам до самых берегов Атлантического океана.

Здесь от главной магистрали отходит железнодорожная ветка на Денвер-Сити, столицу Колорадо. Эти земли богаты золотоносными жилами и серебром. В городе Денвере уже насчитывалось тогда более пятидесяти тысяч жителей.

К этому времени поезд прошел от Сан-Франциско тысячу триста восемьдесят две мили. По всем расчетам до Нью-Йорка оставалось не больше четырех суток пути. Филеас Фогг ехал точно по расписанию.

За ночь они оставили слева от себя лагерь Уолбах. Параллельно железнодорожному пути протекала река Лоджпол, являющаяся границей между штатами Вайоминг и Колорадо. В одиннадцать часов поезд вступил в штат Небраска; пройдя неподалеку от Седгвика, он подошел к Джулсбергу, лежащему на южном рукаве Платт-ривер.

Именно тут 23 октября 1867 года состоялось открытие Тихоокеанской железной дороги, строительство которой возглавлял генерал Дж. М. Додж. Здесь остановились два мощных локомотива, привезших состав из девяти вагонов с приглашенными гостями, в числе которых был вице-президент Томас К. Дюрант; здесь раздались приветственные клики; здесь племена сиу и пауни изобразили перед собравшимися битву индейцев; здесь сверкали огни фейерверка; здесь, наконец, походная типография напечатала первый номер газеты «Железнодорожный пионер». Так было отмечено открытие этого огромного железнодорожного пути, проложенного через пустыню, чтобы стать проводником цивилизации и прогресса и связать между собою еще не существовавшие тогда селения и города. Свисток паровоза, более мощный, чем лира Амфиона, должен был вскоре вызвать их к жизни из недр американской земли.

В восемь часов утра проехали форт Мак-Ферсон. Триста пятьдесят семь миль отделяли теперь наших путешественников от Омахи. Железнодорожный путь шел по левому берегу извилистого южного рукава Платт-ривер. В девять часов поезд прибыл в крупный город Норт-Платт, лежащий между двумя рукавами этого важного

притока реки Миссури, впадающего в нее немного выше Омахи; у Норт-Платта оба рукава сливаются в общий поток.

Сто первый меридиан был пройден.

Мистер Фогг и его партнеры возобновили игру. Никто из них не жаловался на длинную дорогу, никто — даже «болван». Фикс начал с того, что выиграл несколько гиней, которые теперь проигрывал; он был увлечен игрой не меньше мистера Фогга. Все утро нашему джентльмену сильно везло. Козыри и онеры так и сыпались ему в руки. В ту минуту, когда, подготовив смелую комбинацию, он уже собрался было пойти с пик, за его спиной вдруг раздался голос:

— А я пошел бы с бубен!..

Мистер Фогг, миссис Ауда и Фикс подняли головы. Возле них стоял полковник Проктор.

Стэмп В. Проктор и Филеас Фогг тотчас же узнали друг друга.

— А! Это вы, мистер англичанин! — вскричал полковник. — Так это вы собираетесь пойти с пик!

— И я с них пойду, — холодно ответил мистер Фогг, выбрасывая десятку пик.

— А я считаю, что надо идти с бубен! — раздраженным голосом сказал полковник.

Он сделал движение, чтобы схватить положенную карту, и добавил:

— Вы ничего не смыслите в этой игре!

— Быть может, я окажусь искуснее в другой, — сказал Филеас Фогг, вставая.

— От вас зависит испробовать, потомок Джона Буля! — ответил грубиян.

Миссис Ауда побледнела. Вся кровь прилила у нее к сердцу. Она схватила Филеаса Фогга за руку, но тот осторожно высвободил ее. Паспарту готов был броситься на американца, который с вызывающим видом смотрел на своего противника. Но тут поднялся Фикс и, подойдя к полковнику Проктору, сказал:

— Не забывайте, что вам придется иметь дело со мной, сударь; вы меня не только оскорбили, но и ударили!

— Простите, мистер Фикс, но это касается меня одного, — возразил мистер Фогг. — Утверждая, что я ошибаюсь, назначая ход с пик, полковник нанес мне новое оскорбление, и за это он ответит.

— Когда угодно и где угодно, — ответил американец, — а также любым оружием!

Миссис Ауда тщетно пыталась удержать мистера Фогга. Сыщик столь же безуспешно пытался обратить гнев Проктора на себя. Паспарту готов был выбросить полковника за дверь, но удержался, повинувшись знаку своего господина. Филеас Фогг вышел на площадку, американец последовал за ним.

— Сударь, я очень тороплюсь в Европу, и всякая задержка может нанести серьезный ущерб моим интересам,— сказал мистер Фогг своему противнику.

— Это меня не касается! — ответил полковник Проктор.

— Сударь, после нашей встречи в Сан-Франциско,— весьма учтиво продолжал мистер Фогг,— я предполагал вернуться в Америку и разыскать вас, как только покончу с делами, призывающими меня в Европу.

— В самом деле?

— Угодно вам встретиться со мной через шесть месяцев?

— А почему не через шесть лет?

— Я сказал — через шесть месяцев и точно прибуду в назначенный срок.

— Это все увертки! — закричал Стэмп В. Проктор.— Сейчас или никогда!

— Хорошо,— ответил мистер Фогг.— Вы едете в Нью-Йорк?

— Нет.

— В Чикаго?

— Нет.

— В Омаху?

— Какое вам дело! Знаете ли вы Плам-Крик?

— Нет,— ответил мистер Фогг.

— Это — следующая станция. Поезд будет там через час. Он остановится на десять минут. Десяти минут вполне достаточно, чтобы обменяться несколькими выстрелами из пистолета.

— Хорошо! Пусть будет так! — ответил мистер Фогг.— Я остановлюсь в Плам-Крик.

— А я думаю, что вы там и останетесь,— дерзко сказал американец.

— Как знать, сударь,— ответил мистер Фогг и возвратился в вагон таким же невозмутимым, как обычно.

Там он прежде всего успокоил миссис Ауду, сказав, что никогда не следует бояться хвастунов. Затем он попросил Фикса быть его секундантом в предстоящей дуэли. Фикс не мог отказать, и Филеас Фогг совершенно спокойно возобновил прерванную игру и самым хладнокровным образом пошел с пик.

В одиннадцать часов свисток паровоза возвестил о приближении к станции Плам-Крик. Мистер Фогг поднялся и в сопровождении Фикса вышел на площадку. За ним следовал Паспарту с парой пистолетов. Смертельно бледная миссис Ауда осталась в вагоне.

В эту минуту открылась дверь соседнего вагона и на площадке показался полковник Проктор в сопровождении своего секунданта, американца такого же пошиба, как и он; но только противники собрались сойти на перрон, как кондуктор закричал:

— Здесь нельзя сходить!
— Почему? — спросил полковник.
— Мы опоздали на двадцать минут, и поезд здесь почти не стоит.

— Но я должен здесь драться с этим господином!
— Очень сожалею, — ответил кондуктор, — но мы сию же минуту тронемся. Вот и звонок!

Действительно, раздался удар колокола, и поезд опять пустился в путь.

— Я очень огорчен, господа, — сказал кондуктор. — При других обстоятельствах я был бы готов оказать вам услугу. Но, помимо всего прочего, если вы не успели обменяться выстрелами здесь, кто вам мешает сделать это в пути?

— Это, пожалуй, не улыбается моему противнику! — сказал насмешливым тоном полковник Проктор.

— Напротив, мне это весьма улыбается, — возразил Филеас Фогг.

«Мы действительно в Америке! — подумал Паспарту. — Кондуктор поезда ведет себя как джентльмен из высшего общества!»

И он последовал за своим господином.

Оба противника и их секунданты во главе с кондуктором прошли через весь поезд в задний вагон, где находилось не больше десятка пассажиров. Кондуктор учтиво попросил их на несколько минут освободить вагон, чтобы дать возможность двум джентльменам урегулировать вопрос чести.

Еще бы! Пассажиры были счастливы оказать любезность этим джентльменам и тотчас же вышли на площадки.

Вагон длиною футов в пятьдесят был очень удобен для предстоящей дуэли. Оба противника могли свободно двигаться навстречу друг другу между скамейками и палить сколько им вздумается. Никогда еще дуэль не была так просто обставлена. Мистер Фогг и полковник Проктор, вооруженные каждый двумя шестизарядными револьверами, вошли в вагон. Секунданты, оставшись снаружи, заперли двери. По первому свистку паровоза противники должны были открыть стрельбу... Затем две минуты спустя секунданты войдут в вагон и заберут то, что останется от обоих джентльменов.

В самом деле, что могло быть проще? Это было настолько просто, что Фикс и Паспарту чувствовали, как их сердца готовы разорваться от волнения.

Все ждали условленного свистка, как вдруг послышались дикие крики. Вслед за ними раздалась выстрелы, но не из вагона, где должна была произойти дуэль. Стрельба началась где-то у паровоза и шла вдоль вагонов. Испуганные крики и стрельба доносились и изнутри состава.

Полковник Проктор и мистер Фогг с револьверами в руках тотчас же выскочили из вагона на площадку и бросились вперед, откуда слышалось больше всего выстрелов и криков.

Они поняли, что поезд атакован отрядом индейцев племени сиу.

Это был отнюдь не первый случай, когда воинственные индейцы нападали на поезда. По своему обыкновению, они, не ожидая остановки состава, вскакивали на подножки и врывались в вагоны, подобно тому как цирковые наездники вскакивают на несущуюся галопом лошадь; число нападающих обычно не превышало сотни.

У индейцев были ружья. Путешественники, также почти все вооруженные, отвечали на ружейные выстрелы револьверной стрельбой. Прежде всего индейцы устремились к паровозу. Машинист и кочегар были оглушены ударами кастетов. Вождь племени сиу хотел было остановить поезд, но, не зная управления, повернул ручку регулятора в обратную сторону и подбавил пару, так что паровоз понесся вперед с ужасающей скоростью.

Тем временем индейцы наводнили вагоны; словно разъяренные обезьяны, они прыгали по крышам, врывались в двери и окна и вступали в рукопашную битву с пассажирами. Взломав багажный вагон, они разграбили его, выбросив на полотно все содержимое. Крики и стрельба не прекращались.

Путешественники мужественно оборонялись. Некоторые вагоны, будучи забаррикадированы, выдерживали осаду, словно настоящие подвижные форты, несущиеся со скоростью ста миль в час.

С самого начала нападения миссис Ауда вела себя очень храбро. С револьвером в руке она отважно защищалась и стреляла сквозь разбитые стекла, как только в окне показывалась голова индейца. Десятка два убитых напавал индейцев уже свалились на полотно, и колеса поезда давили нападавших, срывавшихся с площадок на рельсы, как червяков.

Несколько пассажиров, серьезно раненных пулями или оглушенных кастетами, лежало на скамейках вагонов.

С нападением надо было покончить. Борьба, длившаяся уже десять минут, неизбежно привела бы к победе индейцев, в случае если бы не удалось остановить поезд. Действительно, до станции форт Керней оставалось не более двух миль. Там находился американский военный пост, но если бы форт был пройден, то вплоть до следующей станции индейцы оставались бы хозяевами поезда.

Рядом с мистером Фоггом дрался кондуктор; сраженный пулей, он, падая, крикнул:

- Мы погибли, если через пять минут поезд не остановится!
- Он остановится! — сказал Филеас Фогг, бросаясь к двери.
- Оставайтесь, сударь, за это возьмусь я! — вскричал Паспарту.

Филеас Фогг не успел удержать храброго малого, который, открыв дверцу, незаметно для индейцев скользнул под вагон. Борьба продолжалась, над головой Паспарту свистели пули, но он с ловкостью и гибкостью бывшего гимнаста, цепляясь за цепи, буфера и рычаги тормозов, искусно пробирался под вагонами и наконец достиг головы поезда. Никто его не заметил, да и не мог заметить.

Повиснув на одной руке между багажным вагоном и тендером, он другой рукой сбросил предохранительные цепи; вследствие непрерывной тяги ему никак не удавалось снять соединительный хрюк, пока наконец толчок паровоза не помог ему это сделать, после чего отцепленный поезд начал мало-помалу замедлять ход, тогда как локомотив с новой силой помчался вперед.

В силу инерции состав еще несколько минут продолжал двигаться, но пассажиры пустили в ход вагонные тормоза, и поезд наконец остановился меньше чем в ста шагах от станции Керней.

Солдаты форта, услышав стрельбу, поспешно выскочили навстречу поезду. Индейцы не стали ожидать их и разбежались прежде, чем поезд успел окончательно остановиться.

Когда путешественники произвели на перроне станции перекличку, оказалось, что не хватает нескольких человек и среди них отважного француза, которому все были обязаны своим спасением.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ,

в которой Филеас Фогг всего лишь выполняет свой долг

Паспарту и еще двое пассажиров исчезли. Может быть, они были убиты в бою? Может быть, были пленены индейцами? Никто этого пока не знал.

Много пассажиров было ранено, но никто — смертельно. Одно из наиболее серьезных ранений получил полковник Проктор, который все время отважно сражался, пока не упал, получив пулю в пах. Вместе с другими ранеными он был перенесен на станцию, где всем пострадавшим оказали немедленную помощь.

Миссис Ауда осталась невредимой. Филеас Фогг, хотя и не берег себя, не получил ни единой царапины. Фикс отделался легкой раной в руку. Но Паспарту исчез, и крупные слезы текли из глаз молодой женщины.

Все пассажиры вышли из поезда. Колеса вагонов были испачканы кровью. На спицах и ободьях висели бесформенные клочья мяса. На снежной равнине, насколько хватал взор, виднелись кровавые следы. Последние индейцы убегали на юг, в сторону Репабликан-ривер.

Скрестив руки на груди, мистер Фогг стоял недвижимо. Ему предстояло принять важное решение. Миссис Ауда стояла рядом и молча смотрела на него... Он понял ее взгляд. Что, если его

слуга попал в плен? Не должен ли он, Фогг, рискнуть всем, чтобы вырвать его из рук индейцев?

— Я найду его живым или мертвым,— просто сказал он миссис Ауде.

— О мистер... мистер Фогг! — вскричала молодая женщина, схватив руки своего спутника и обливая их слезами.

— Живым,— добавил мистер Фогг,— если только мы не будем терять ни одной минуты!

Принимая такое решение, Филеас Фогг жертвовал всем. Он шел на полное разорение. Стоило ему задержаться на один день, и он мог опоздать на пакетбот, отходивший из Нью-Йорка. А это неизбежно влекло за собою проигрыш пари. Но, сознавая, что таков его долг, он не колебался.

В эту минуту к нему подошел капитан, командир форта Керней. Его солдаты — около сотни человек — готовы были к обороне на случай, если бы индейцы вздумали атаковать вокзал.

— Сударь,— обратился к нему мистер Фогг,— трое пассажиров исчезли.

— Убиты? — спросил капитан.

— Убиты или попали в плен,— ответил Филеас Фогг.— Необходимо это выяснить. Намерены ли вы преследовать индейцев?

— Это очень серьезный вопрос, сударь,— ответил капитан.— Ведь индейцы могут уйти даже за реку Арканзас. Я не имею права покинуть порученный мне форт.

— Сударь, дело идет о жизни трех человек! — продолжал Филеас Фогг.

— Это так... Но могу ли я рисковать пятьюдесятью, чтобы спасти троих?

— Я не знаю, можете ли вы, но вы должны, сударь.

— Сударь,— ответил капитан,— никто здесь не имеет права указывать мне, каков мой долг.

— Хорошо,— холодно сказал Филеас Фогг.— Я пойду один!

— Вы, сударь! — воскликнул подошедший Фикс.— Вы хотите один преследовать индейцев!

— Я не могу допустить, чтобы погиб человек, которому все мы обязаны жизнью. Я пойду!

— Нет, вы пойдете не один! — вскричал невольно взволнованный капитан.— Нет! Вы смелый человек! Найдется ли среди вас тридцать добровольцев? — крикнул он, обращаясь к солдатам.

Вся рота целиком шагнула вперед. Капитану осталось лишь выбирать. Тридцать солдат были выделены, и старый сержант назначен командиром.

— Спасибо, капитан,— сказал мистер Фогг.

— Вы мне позволите идти с вами? — спросил Фикс у нашего джентльмена.

— Как вам будет угодно, сударь,— ответил ему Филеас Фогг.— Но если хотите оказать мне услугу, то лучше останьтесь с миссис Аудой. Если со мной случится несчастье...

Внезапная бледность покрыла лицо полицейского инспектора. Отпустить человека, за которым он следовал с таким упорством и настойчивостью! Отпустить его одного в эту пустыню! Фикс внимательно посмотрел на мистера Фогга и, несмотря на все свои подозрения, несмотря на борьбу, происходившую у него в душе, опустил глаза перед спокойным и открытым взглядом джентльмена.

— Я остаюсь,— сказал он.

Несколько мгновений спустя мистер Фогг пожал руку молодой женщине, передал ей свой драгоценный саквояж и отправился вместе с сержантом и его маленьким войском.

Однако, прежде чем двинуться в путь, он сказал солдатам:

— Друзья, вас ожидает тысяча фунтов, если мы спасем пленников!

Было несколько минут первого.

Удалившись в одну из комнат при вокзале, миссис Ауда в ожидании дальнейших событий в одиночестве размышляла о Филеасе Фогге, о его прямоте и великодушии, о его спокойном мужестве. Мистер Фогг поставил на карту все состояние и теперь во имя долга, не колеблясь, без лишних слов подверг опасности и свою жизнь. В ее глазах Филеас Фогг становился героем.

Полицейский инспектор Фикс думал иначе и не мог сдерживать своего волнения. Он нервно шагал по перрону вокзала. Его первый порыв прошел, и он снова стал самим собою. Фогг ушел! Сыщик понял, как глупо он поступил, дав ему уйти. Как! Он следовал за этим человеком вокруг всего земного шара и вдруг отпустил его одного! Вся его натура восставала: он обвинял себя, бранил, как бранил бы инспектор столичной полиции глупого сыщика, попавшегося на хитрую уловку вора.

«Дурак, дурак! — повторял про себя Фикс. — Тот, другой, наверное, уже рассказал ему, кто я таков! Он ушел и больше не вернется! Где я его теперь отыщу? Да как же я, сыщик Фикс, мог позволить так себя провести, когда в моем кармане ордер на его арест?! Положительно, я совершенный болван!» Пока полицейский инспектор размышлял таким образом, часы медленно текли. Он не знал, как поступить. Временами у него возникало желание рассказать обо всем миссис Ауде. Но он хорошо понимал, как его признание будет встречено молодой женщиной. Что предпринять? Он сам готов был отправиться по снежной равнине вслед за этим Фоггом! Его было не так уж трудно найти. Ведь следы отряда еще виднелись на снегу!.. Но вскоре их занесло вновь выпавшим снегом.

Тогда отчаяние овладело Фиксом. Он испытал даже сильное желание бросить всю эту игру. Случай покинуть станцию Керней

и продолжить путешествие, столь обильное для него неудачами, вскоре представился.

Действительно, около двух часов пополудни, когда снег валил крупными хлопьями, с востока вдруг слышались протяжные свистки. Огромная тень, предшествуемая снопом рыжего света, медленно продвигалась сквозь туман, который, увеличивая, придавал ей фантастические очертания.

Между тем с востока не ждали никакого поезда. Помощь, которую запросили по телеграфу, не могла еще прибыть так скоро, а поезд из Омахи в Сан-Франциско должен был пройти здесь только завтра. Наконец все объяснилось.

Паровоз, медленно приближавшийся к станции и все время пронзительно свистевший, был тот самый, что оторвался от состава и с бешеной быстротой умчался вперед вместе с кочегаром и машинистом, которые лежали без сознания. Так он пронесся несколько миль, но затем вследствие недостатка топлива огонь в топке погас, давление пара уменьшилось, и через час, постепенно замедляя ход, паровоз остановился в двадцати милях за станцией Керней.

Машинист и кочегар были живы и после довольно продолжительного обморока пришли в себя.

Паровоз не двигался. Когда машинист увидел, что паровоз стоит в пустыне один, без вагонов, он сообразил, что произошло. Каким образом состав был отцеплен, он не мог понять, но нисколько не сомневался, что поезд остался позади и терпит бедствие.

Машинист не колебался: он знал, что ему следовало делать. Продолжать путь в сторону Омахи, разумеется, было бы гораздо безопаснее, чем возвращаться назад к поезду, который, быть может, еще грабили индейцы... Но будь что будет! В топку подбросили дров и угля, огонь вновь разгорелся, давление пара опять повысилось, паровоз двинулся задним ходом и около двух часов дня подошел к станции Керней. Это он и свистел все время в тумане.

Пассажиры были чрезвычайно довольны, увидев, что паровоз снова занял свое место во главе поезда. Им представлялась наконец возможность продолжать столь печально прерванный путь.

Когда паровоз подошел к станции, миссис Ауда вышла на платформу и спросила кондуктора:

- Вы едете?
- Немедленно, сударыня.
- А пленные?.. Наши несчастные спутники?..
- Я не могу нарушить расписание,— ответил кондуктор.— Мы и так опоздали на три часа.
- А когда приходит следующий поезд из Сан-Франциско?
- Завтра вечером!
- Завтра вечером! Но это будет слишком поздно. Надо подождать...

— Никак нельзя,— возразил кондуктор.— Если вы желаете продолжать путь, пожалуйста в вагон.

— Я не поеду,— ответила молодая женщина.

Фикс слышал этот разговор. За несколько мгновений до этого, когда не было никакой возможности уехать, он уже почти решил покинуть станцию Керней; теперь же, когда поезд стоял здесь под парами и Фиксу оставалось лишь вновь занять свое место в вагоне, какая-то непреодолимая сила приковала его к земле. Этот станционный перрон жег ему ноги, но он не мог сойти с него. В нем снова разгорелась борьба. Неудача наполняла его яростью. Он решил бороться до конца.

Между тем пассажиры и раненые,— и среди них полковник Проктор, состояние которого было очень серьезно,— заняли места в вагонах. Перегретый котел шумел, пар вырывался из клапанов. Наконец, машинист дал свисток, поезд тронулся и быстро исчез из виду, смешивая свой белый дым с вихрем снежной метели.

Полицейский инспектор Фикс остался.

Прошло несколько часов. Погода была скверная, мороз усиливался. Фикс неподвижно сидел на скамейке вокзала. Миссис Ауда, несмотря на сильный ветер, то и дело выходила из комнаты, предоставленной в ее распоряжение. Она доходила до края платформы, напряженно вглядывалась сквозь снежную бурю в туманную даль и старалась уловить хоть какой-нибудь звук. Но тщетно. Она уходила назад, продрогнув от холода, чтобы затем снова выйти, и опять безуспешно.

Наступил вечер. Маленький отряд не возвращался. Где он был сейчас? Настиг ли он индейцев? Произошла ли стычка, или солдаты, затерянные в тумане, шли наугад? Капитан форта Керней был весьма озабочен, хотя и не хотел выказывать свое беспокойство.

Наступила ночь, снег все еще падал, хотя не так обильно, однако стало еще холоднее. Даже самый бесстрашный взор не мог бы без ужаса созерцать эту безбрежную тьму. Полная тишина царила в долине. Ни птица, ни зверь не нарушали этого бесконечного покоя.

Всю ночь миссис Ауда бродила по затерянной в прериях платформе; душа ее была полна самых зловещих предчувствий, сердце — во власти страшной тоски. Воображение уносило ее далеко отсюда и рисовало ей тысячу опасностей. Что она выстрадала за эти долгие часы — не поддается описанию.

Фикс неподвижно сидел на том же месте, но он также не спал. Какой-то человек на мгновение подошел к нему и заговорил с ним, но полицейский агент отрицательно покачал головой, и тот удалился.

Так прошла ночь. На заре тусклый диск солнца поднялся над туманным горизонтом. Теперь уже можно было разглядеть мест-

ность на две мили вокруг. Филеас Фогг с отрядом направился к югу... Но на юге было совершенно пустынно. Было семь часов утра.

Чрезвычайно озабоченный капитан не знал, что предпринять. Должен ли он послать новый отряд на помощь первому? Должен ли пожертвовать новыми людьми, когда оставалось так мало шансов на спасение уже пожертвовавших собою добровольцев? Однако колебание его было непродолжительным, он подозвал к себе жестом одного из лейтенантов и приказал ему произвести разведку в южном направлении, но в эту минуту послышались выстрелы. Может быть, то был сигнал? Солдаты выбежали из форта и в полумиле заметили маленький отряд, возвращавшийся в полном порядке.

Мистер Фогг шел впереди, возле него шагали Паспарту и два других пассажира, освобожденные из рук индейцев.

В десяти милях к югу от форта Керней произошла стычка. Незадолго до прибытия отряда Паспарту и его два товарища уже вступили в борьбу со стражей, и француз успел уложить троих ударами кулака, когда на помощь подоспел его господин с отрядом солдат.

Всех — и спасенных и спасителей — приветствовали криками радости; Филеас Фогг раздал солдатам обещанную награду.

«Однако следует признать, что я довольно дорого стою своему господину», — не без некоторых оснований подумал Паспарту.

Фикс молча смотрел на мистера Фогга, и трудно было понять ощущения, которые боролись в эту минуту в душе сыщика. Что касается миссис Ауды, то она схватила руку мистера Фогга и сжала ее в своих ладонях, будучи не в силах вымолвить ни слова!

Едва Паспарту подошел к станции, он тотчас же принялся искать поезд. Он надеялся, что состав уже готов к отправлению в Омаху и можно будет наверстать потерянное время.

— Поезд! Где же поезд?! — вскричал он.

— Ушел, — ответил Фикс.

— А когда пойдет следующий? — спросил Филеас Фогг.

— Только сегодня вечером.

— А! — спокойно проговорил бесстрастный джентльмен.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ,

в которой сыщик Фикс принимает близко к сердцу интересы мистера Фогга

Филеас Фогг опаздывал на двадцать часов. Паспарту — невольная причина этого опоздания — был в отчаянии. Решительно, он разорил своего господина!

В эту минуту полицейский инспектор подошел к мистеру Фоггу и спросил, глядя на него в упор:

— Вы в самом деле очень торопитесь?

— В самом деле,— ответил Филеас Фогг.

— Простите мою настойчивость,— продолжал Фикс.— Вам необходимо прибыть в Нью-Йорк одиннадцатого числа до девяти часов вечера, то есть до отхода пакетбота в Ливерпуль?

— Крайне необходимо.

— И если бы ваше путешествие не было прервано нападением индейцев, вы были бы в Нью-Йорке одиннадцатого утром?

— Да, за двенадцать часов до отхода пакетбота.

— Хорошо. Вы опоздали на двадцать часов. Двадцать минус двенадцать будет восемь. Надо выиграть эти восемь часов. Хотите попытаться это сделать?

— Пешком? — спросил мистер Фогг.

— Нет, в санях,— возразил Фикс,— в санях с парусом. Один человек предложил мне этот способ передвижения.

Фикс имел в виду того незнакомца, который подходил к нему ночью на вокзале; тогда Фикс отклонил его предложение.

Филеас Фогг ничего не ответил, но, когда Фикс указал ему на этого человека, который прогуливался перед зданием вокзала, наш джентльмен подошел к нему. Минуту спустя Филеас Фогг и американец, по фамилии Мадж, входили в сарай, выстроенный у стены форта Керней.

Там мистер Фогг увидел довольно оригинальный экипаж — нечто вроде платформы, установленной на двух длинных бревнах, спереди слегка закругленных, как полозья саней; на ней свободно могли поместиться пять или шесть человек. В передней части платформы возвышалась высокая мачта, к которой был прикреплен огромный косой парус. В основание этой мачты, прочно удерживаемой металлическими винтами, упирался железный бушприт, который служил для постановки большого кливера. В задней части саней было нечто вроде руля, позволявшего управлять всем этим сооружением.

Таким образом, это были сани, оснащенные, как шлюп. Зимой на замерзшей равнине, когда поезда часто останавливаются из-за снежных заносов, сани эти служат для быстрого переезда с одной станции на другую. Парусность их очень велика — гораздо больше, чем у гоночных яхт, ибо саням не угрожает опасность опрокинуться,— и при попутном ветре они скользят по равнине с такой же, если не с большей, скоростью, как курьерский поезд.

В несколько мгновений сделка между мистером Фоггом и владельцем этого сухопутного корабля была совершена. Ветер был благоприятный. Он дул прямо с запада и притом довольно сильно. Снег затвердел, и Мадж брался за несколько часов доставить мистера Фогга до станции Омаха. От этой станции поезда отходили часто, и было много линий, ведущих в Чикаго и Нью-Йорк.

Появлялась возможность наверстать потерянное время, и колебаться поэтому не приходилось.

Не желая подвергать миссис Ауду неудобствам путешествия под открытым небом при холодном ветре, который должен был сделаться еще невыносимее вследствие скорости движения, мистер Фогг предложил ей остаться на станции Керней под охраной Паспарту. Честный малый должен был доставить молодую женщину в Европу более удобным путем и в более сносных условиях.

Не желая разлучаться с мистером Фоггом, миссис Ауда отказалась, и Паспарту был этому очень рад. Ни за что на свете он не хотел оставлять своего господина, особенно вдвоем с Фиксом.

Что думал в это время полицейский инспектор, сказать трудно. Поколебалось ли его убеждение в виновности мистера Фогга, когда тот вернулся на станцию Керней? Или, может быть, он считал его исключительным по смелости мошенником, который надеялся, что, вернувшись в Англию после кругосветного путешествия, он будет там в полной безопасности? Возможно, что мнение Фикса о Филеасе Фогге действительно изменилось, но его решение выполнить свой долг осталось неизменным, поэтому он больше всех спешил вернуться в Англию.

В восемь часов утра сани были готовы к отъезду. Путешественники — их трудно было назвать пассажирами — разместились в них, плотно закутавшись в свои дорожные одеяла. Два огромных паруса были подняты, и сани под действием ветра заскользили по снежному насту со скоростью сорока миль в час.

Расстояние между фортом Керней и Омахой по прямой линии, «по полету пчелы», как выражаются американцы, — не больше двухсот миль. Если бы ветер оставался попутным, это расстояние можно было бы пройти за пять часов. Если не произойдет никакого происшествия, то в час дня сани должны будут достичь Омахи.

Какой это был переезд! Путешественники сидели, тесно прижавшись друг к другу, и не могли разговаривать. От холода, который еще усиливался из-за быстрого движения, у них захватывало дух. Сани скользили по поверхности равнины с такой же легкостью, как судно — по водной глади: без малейшей качки. Когда налетал ветер, казалось, что сани летят по воздуху на своих парусах, подобных огромным широким крыльям. Мадж твердо держал курс, ловкими движениями руля направляя сани по прямой линии. Все паруса были подняты. Переставили кливер, подняли стеньгу и поставили топсель; все они вместе увеличивали скорость движения саней. Невозможно было с математической точностью вычислить эту скорость, но было несомненно, что она составляла не меньше сорока миль в час.

— Если ничего не сломается, мы приедем вовремя, — заметил Мадж.

А приехать вовремя Маджу очень хотелось, так как мистер Фогг, верный своей системе, пообещал ему значительную премию.

Равнина, которую по прямой линии пересекали сани, была плоской, словно море. Она походила на огромный замерзший пруд. Железная дорога проходит на этой территории с юго-запада на северо-запад через Гранд-Айленд, Колумбус — крупный город штата Небраска, Скулер, Фримонт и Омаху и все время тянется правым берегом Платт-ривер. Сани сокращали этот путь, проходя по хорде дуги, которую описывает железная дорога. Мадж не опасался, что их задержит Платт-ривер, образующая перед Фримонтом небольшую излучину, ибо река замерзла. Таким образом, на всем протяжении пути не было никаких препятствий, и Филеас Фогг мог опасаться только двух обстоятельств: поломки саней и перемены или прекращения ветра.

Но ветер не ослабевал. Напротив. Он дул с такой силой, что гнулась мачта, поддерживаемая металлическими вантами. Эти металлические тросы, похожие на струны какого-то огромного инструмента, гудели от ветра, словно чья-то невидимая рука водила по ним смычком. И сани неслись под жалобную мелодию совершенно исключительной силы.

— Эти тросы звучат в квинту и в октаву, — заметил Филеас Фогг.

Таковы были единственные слова, которые он произнес за всю дорогу. Миссис Ауда, тщательно закутанная в дорожные одеяла и меха, была по мере возможности защищена от холода.

Что касается Паспарту, то он жадно вдыхал морозный воздух, и лицо его было красно, как диск солнца, когда оно садится в тумане. С присущим ему непоколебимым оптимизмом он снова начал надеяться на успех. Ну что ж, вместо того чтобы приехать в Нью-Йорк утром, они приедут вечером, лишь бы им застать пакетбот, отходящий в Ливерпуль!

Паспарту даже хотелось пожать руку своему союзнику Фиксу. Он помнил, что парусные сани были раздобыты именно им и что только благодаря сыщику его господин может прибыть в Омаху вовремя. Однако, следуя какому-то предчувствию, он сдержался и не изменил своего обычного настороженного отношения к Фиксу.

Во всяком случае, Паспарту знал, что он никогда не забудет одного — жертвы, которую, не колеблясь, принес мистер Фогг, чтобы вырвать его из рук индейцев племени сну. Для этого мистер Фогг рисковал своим состоянием и самой жизнью... Нет! Его слуга этого никогда не забудет!

Пока каждый из путешественников предавался своим размышлениям, сани буквально летели по бескрайнему снежному ковру. Иногда они пересекали небольшие речки, притоки или притоки притоков Литл-Блу-ривер, но путешественники не замечали этого,

ибо и поля и водные потоки были покрыты одним и тем же белым покровом. Равнина была совершенно пустынна. Расположенная между Тихоокеанской железной дорогой и веткой, идущей от форта Керней на Сент-Джозеф, она образовывала как бы обширный необитаемый остров. Ни деревни, ни станции, ни даже форта. Временами мелькали лишь одинокие, покрытые снегом кривые деревья, которые сгибались под порывами ветра. Иногда стаи диких птиц взлетали над равниной. Изредка койоты, голодные и худые, бросались в погоню за санями, надеясь чем-нибудь поживиться. Паспарту с револьвером в руке готов был немедленно открыть огонь по ближайшим из них. Если бы с санями что-нибудь случилось, путешественникам, подвергшимся нападению этих свирепых хищников, пришлось бы плохо. Но сани держались крепко, стремительно мчались вперед, и скоро стая воющих зверей осталась далеко позади.

В полдень Мадж по некоторым признакам заметил, что они миновали Платт-ривер. Он ничего не сказал, но теперь был уверен, что до Омахи остается не больше двадцати миль.

И действительно, меньше чем через час искусный водитель оставил руль и начал спешно убирать паруса; по инерции сани прокатились еще полмили. Но наконец они остановились, и Мадж, указав на ряд покрытых снегом крыш, сказал:

— Ну вот мы и приехали!

Приехали! Приехали на станцию, откуда многочисленные поезда ежедневно следуют на восток Соединенных Штатов!

Паспарту и Фикс соскочили на землю и расправили свои онемевшие конечности. Затем они помогли сойти с саней миссис Ауде и мистеру Фоггу. Филеас Фогг щедро расплатился с Маджем, которому Паспарту дружески пожал руку. После этого все четверо поспешили на вокзал.

В Омахе — этом важном центре штата Небраска — кончается собственно Тихоокеанская железная дорога, соединяющая бассейн Миссисипи с Тихим океаном. От Омахи начинается уже новая линия, носящая название Чикаго-Рок-Айлендской дороги, которая идет прямо на восток и на пути к Чикаго насчитывает пятьдесят станций.

Поезд прямого сообщения был готов к отходу. Филеас Фогг и его спутники едва успели сесть в вагон. Города Омахи они вовсе не видели, но Паспарту не очень об этом сожалел: он понимал, что теперь не время осматривать город.

С чрезвычайной быстротой поезд пролетел по штату Айова, через города Каунсил-Блафс, Де-Мойн и Айова-Сити. Ночью он пересек у Давенпорта Миссисипи и через Рок-Айленд вошел в пределы штата Иллинойс. На другой день, 10 декабря, в четыре часа вечера поезд прибыл в Чикаго; город этот уже поднялся из

развалин и еще горделивее раскинулся на берегах чудесного озера Мичиган.

Девятьсот миль отделяют Чикаго от Нью-Йорка. Поездов здесь было много, и мистер Фогг пересел непосредственно с одного на другой. Быстроходный локомотив линии Питтсбург — Форт-Уэйн — Чикаго понесся на всех парах, словно понимая, что достопочтенному джентльмену нельзя терять времени. Молнией промчался он через штаты Индиана, Огайо, Пенсильвания, Нью-Джерси, проезжая города с античными названиями, во многих из которых уже были и улицы и конная железная дорога, но еще не было домов. Наконец показался Гудзон, и 11 декабря в четверть двенадцатого ночи поезд остановился на вокзале, расположенном на правом берегу реки, как раз против пристани пароходов линии компании «Кунард-лайн».

Пароход «Китай», идущий в Ливерпуль, снялся с якоря сорок пять минут назад.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ,

в которой Филеас Фогг вступает в непосредственную борьбу с неудачей

Вместе с «Китаем», казалось, исчезли и все надежды Филеаса Фогга.

Действительно, ни один из пакетботов, курсирующих между Европой и Америкой, ни суда французской Трансатлантической компании, ни корабли компании «Уайт-стар-лайн», ни пароходы компании «Иммэн» или Гамбургской линии, ни другие не подходили для Филеаса Фогга.

В самом деле, пароход «Перейр» французской Трансатлантической компании, великолепные суда которой не уступают по быстроходности судам всех других линий, а по удобствам даже превосходят их, отходил лишь через два дня — 14 декабря. При этом, как и корабли Гамбургской компании, он следовал не прямо в Ливерпуль или Лондон, а заходил в Гавр, и этот добавочный переезд от Гавра до Саутгемптона задержал бы Филеаса Фогга и окончательно свел бы на нет все его последние усилия.

Что касается пакетботов «Иммэн», один из которых — «Город Париж» — отходил на другой день, то о них нечего было и думать. Эти суда предназначены главным образом для перевозки эмигрантов. Их машины слабы, и большей частью они идут под парусами, так что скорость их незначительна. На переход из Нью-Йорка в Англию они затрачивают больше времени, чем оставалось в распоряжении мистера Фогга, чтобы выиграть пари.

Все это наш джентльмен узнал вполне точно из своего путевода Бредшоу, в котором были подробно указаны все океанские пароходные линии.

Паспарту был совершенно уничтожен. Мысль, что они опоздали на пакетбот всего лишь на сорок пять минут, убивала его. Во всем виноват он один: вместо того чтобы помогать своему господину, он только сеял препятствия на его пути! Вспоминая все злоключения этого путешествия, подводя итог истраченным лишь по его вине суммам, думая об огромном пари, о значительных издержках на путешествие, потерявшее теперь всякий смысл и разорившее мистера Фогга, бедный малый осыпал себя бранью.

Однако Филеас Фогг ни единым словом не упрекнул его. Покидая пристань, откуда отходили пакетботы трансатлантических линий, он только сказал своим спутникам:

— Пойдемте. Завтра мы что-нибудь решим.

Мистер Фогг, миссис Ауда, Фикс и Паспарту переправились через Гудзон на небольшом пароходике и сели в фиакр, который доставил их в гостиницу «Сент-Николас» на Бродвее. Там они сняли несколько номеров и провели ночь, которая пролетела очень быстро для Филеаса Фогга, спавшего, как всегда, превосходно, но показавшаяся очень длинной миссис Ауде и другим его спутникам, которым волнение не давало заснуть.

Наступил следующий день — 12 декабря. От семи часов утра 12 декабря до восьми часов сорока пяти минут вечера 21 декабря оставалось девять суток тринадцать часов сорок пять минут. Если бы Филеас Фогг отправился накануне на «Китае» — одном из самых быстроходных трансатлантических пароходов компании «Кунард-лайн», — он прибыл бы в Ливерпуль, а затем в Лондон в назначенный срок!

Мистер Фогг вышел из гостиницы, приказав своему слуге дожидаться его и предупредить миссис Ауду, чтобы она в любую минуту была готова к отъезду.

Он отправился на берег Гудзона и стал старательно искать среди стоявших у пристани и на якоре посреди реки кораблей какой-нибудь пароход, готовый к отплытию. На многих судах был уже поднят флаг, и они собирались выйти в море с утренним приливом: из огромного великолепного Нью-Йоркского порта ежедневно отправляются во все концы света многие десятки кораблей; но в большинстве своем это были парусные суда, и они не годились для мистера Фогга.

Последняя попытка нашего джентльмена грозила окончиться неудачей, как вдруг он заметил судно, стоявшее на якоре перед Бэтери, в одном кабельтове от берега. Это был торговый винтовой пароход изящной формы, из его трубы валили густые клубы дыма, что указывало на скорое отплытие судна.

Филеас Фогг нанял лодку, сел в нее и в несколько взмахов весел очутился у трапа «Генриетты», парохода с железным корпусом, но деревянными надстройками.

Капитан «Генриетты» был на борту. Филеас Фогг поднялся на палубу и попросил вызвать его. Тот не заставил себя ждать.

Это был человек лет пятидесяти, настоящий морской волк, как видно, человек сварливый и малопрятный в обращении. Выпученные глаза зеленоватого цвета, рыжие волосы, крепко сложенная фигура — ничто не напоминало в нем человека из общества.

— Вы капитан? — спросил мистер Фогг.

— Да, я.

— Я — Филеас Фогг из Лондона.

— А я — Эндрю Спиди из Кардифа.

— Вы скоро отплываете?..

— Через час.

— И направляетесь?

— В Бордо.

— Какой у вас груз?

— Одни камни в трюме. Никакого груза. Иду с балластом.

— У вас есть пассажиры?

— Нет пассажиров. Никогда не будет пассажиров. Громоздкий шумный товар.

— Хорошо ли идет ваше судно?

— Одиннадцать-двенадцать узлов. «Генриетта» — корабль известный.

— Согласны вы перевезти меня в Ливерпуль? Меня и еще троих людей.

— В Ливерпуль? А почему не в Китай?

— Я сказал: в Ливерпуль.

— Нет!

— Не хотите?

— Нет. Я собираюсь в Бордо, и я пойду в Бордо.

— Ни за какие деньги?

— Ни за какие деньги.

Капитан произнес это тоном, не терпящим возражений.

— Но владельцы «Генриетты»... — возразил Филеас Фогг.

— Владельцы — это я, — ответил капитан. — Судно принадлежит мне.

— Тогда я его зафрахтую.

— Нет!

— Я покупаю его.

— Нет!

Филеас Фогг и бровью не повел. Однако положение было серьезное. Нью-Йорк не походил на Гонконг, а капитан «Генриетты» — на владельца «Танкадеры». До сих пор деньги нашего джентльмена побеждали все препятствия. На сей раз деньги оказались бессильны.

Однако необходимо было найти средство переправиться через Атлантический океан на судне, иначе пришлось бы лететь на воздушном шаре, что было и опасно да и вообще невыполнимо.

Но Филеасу Фоггу, видимо, пришла в голову какая-то мысль, ибо он сказал капитану:

- Хорошо, согласны вы доставить меня в Бордо?
- Нет, даже если вы заплатите двести долларов!
- Я предлагаю вам две тысячи.
- С каждого?
- С каждого.
- И вас четверо?
- Четверо.

Капитан Спиди принялся тереть себе лоб с такой силой, словно хотел содрать с него кожу. Получить восемь тысяч долларов, не уклоняясь от своего пути! Ради этого стоило отбросить в сторону свое отвращение к грузу, именуемому пассажирами. Впрочем, пассажиры по две тысячи долларов уже не пассажиры, а драгоценный товар.

— Я отплываю в девять часов,— коротко сказал капитан Спиди,— и если вы и ваши спутники...

— В девять часов мы будем на борту,— столь же лаконично ответил Филеас Фогг.

Было восемь часов тридцать минут утра. Покинув «Генриетту», мистер Фогг вышел на берег, нанял карету и вернулся в гостиницу, чтобы захватить миссис Ауду, Паспарту и неразлучного Фикса, которому он любезно предложил поехать вместе с ними. Все это было сделано с тем спокойствием, которое не покидало нашего джентльмена ни при каких обстоятельствах.

К моменту отплытия «Генриетты» все четверо были на борту.

Когда Паспарту узнал, во что обойдется этот последний переезд, он испустил протяжное «о-о-о!», заключавшее все ступени нисходящей хроматической гаммы!

Что касается сыщика Фикса, то он решил, что Английскому банку не выпутаться из этого дела без значительных убытков. Действительно, к концу путешествия, при условии если Филеас Фогг не выбросит еще несколько пачек ассигнаций в море, мешок с банковыми билетами должен был облегчиться больше, чем на семь тысяч фунтов стерлингов.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ,

где Филеас Фогг оказывается на высоте положения

Через час «Генриетта» прошла мимо плавучего маяка, указывающего вход в Гудзон, обогнула мыс Санди-Хук и вышла в открытое море. Днем она миновала Лонг-Айленд в виду маяка Файр-Айленд и быстро понеслась к востоку.

На другой день, 13 декабря, в самый полдень, на мостик взошел человек, чтобы определить координаты судна. Читатель, без сомнения, думает, что то был капитан Спиди! Ничуть не бывало! Это был Филеас Фогг, эсквайр.

Что касается капитана Спиди, то он был попросту заперт на ключ в своей каюте и рычал там от гнева. Впрочем, его крайняя ярость была вполне простибельна.

Все произошло очень просто. Филеас Фогг хотел ехать в Ливерпуль, капитан не хотел его туда везти. Тогда Филеас Фогг согласился ехать в Бордо, но за тридцать часов своего пребывания на борту корабля он так умело действовал банковыми билетами, что весь экипаж — матросы и кочегары, — экипаж, надо заметить, несколько ненадежный и находившийся в плохих отношениях с капитаном, — перешел на сторону нашего джентльмена. Вот почему Филеас Фогг командовал с мостика вместо Эндрю Спиди, вот почему Эндрю Спиди сидел под замком в своей каюте и, наконец, вот почему «Генриетта» шла в Ливерпуль. Однако по тому, как Филеас Фогг управлял кораблем, было ясно, что он был когда-то моряком.

Как окончилось это приключение, читатель узнает впоследствии. Пока же миссис Ауда очень беспокоилась, хотя и не говорила об этом. Фикс сначала совершенно растерялся. Паспарту же находил это приключение прямо-таки восхитительным.

Капитан Спиди заявил, что «Генриетта» делает от одиннадцати до двенадцати узлов; и действительно, ее средняя скорость была именно такой.

За девять дней, то есть с 12 по 21 декабря, «Генриетта» могла достичь берегов Англии, если только... И тут, как всегда, являлось множество всяческих «если»: если море будет относительно спокойно, если ветер не изменится, если не будет повреждений в машине или в самом судне, — «Генриетта» сможет покрыть три тысячи миль, отделяющие Нью-Йорк от Ливерпуля. Правда, история с «Генриеттой» вместе с делом о похищении банковых билетов грозила завести нашего джентльмена несколько дальше, чем он того хотел бы.

Первые дни плавание проходило в превосходных условиях. Море было довольно спокойно; ветер неизменно дул в северо-восточном направлении. Поставили паруса, и «Генриетта» шла словно настоящее трансатлантическое судно.

Паспарту был в восторге. Последний подвиг мистера Фогга, на последствия которого француз закрывал глаза, приводил его в восхищение. Никогда экипаж не видел такого подвижного и веселого человека. Он дружески болтал с матросами и изумлял их своими цирковыми фокусами. Он расточал им самые лестные комплименты и угощал их лучшими напитками. По его мнению,

они несли службу, как джентльмены, а кочегары поддерживали огни в топках, как герои. Его хорошее настроение заражало всех. Паспарту забыл прошлое, все неудачи и опасности. Он думал только о близкой цели и кипел от нетерпения, словно подогреваемый котлами «Генриетты». Часто достойный малый прохаживался вокруг Фикса и многозначительно на него поглядывал, но молчал, так как между бывшими друзьями уже не было прежней близости.

А Фикс, надо сказать, ничего уже не понимал! Захват «Генриетты», подкуп экипажа, Фогг, управляющий кораблем, словно заправский моряк,— все это его ошеломило. Он не знал, что и думать! Но в конце концов джентльмен, начавший с кражи пятидесяти пяти тысяч фунтов стерлингов, вполне мог кончить похищением судна. И Фикс, естественно, пришел к заключению, что «Генриетта», управляемая Фоггом, идет вовсе не в Ливерпуль, а куда-нибудь в другое место, где вор, обратившись в пирата, будет чувствовать себя в безопасности! Надо сознаться, что такое предположение было довольно правдоподобно, и сыщик начал серьезно жалеть, что ввязался в это дело.

Капитан Спиди продолжал буйствовать у себя в каюте, и Паспарту, которому было поручено его кормить, делал это, несмотря на всю свою силу, с большими предосторожностями. Мистер Фогг как будто забыл о существовании капитана.

Тринадцатого «Генриетта» миновала Ньюфаундлендскую банку. Переход этой части океана очень труден. Здесь, особенно зимой, часто бывают туманы и шквалы. Еще накануне барометр резко упал, предвещая близкую перемену погоды. И действительно, за ночь температура понизилась: стало холоднее, и подул юго-восточный ветер.

Это было серьезным препятствием. Мистер Фогг, чтобы не менять курса, приказал убрать паруса и усилить пары. Все же из-за состояния моря движение судна замедлилось. Высокие волны разбивались о его форштевень. Началась сильная килевая качка, которая также уменьшала скорость. Ветер все свежел и грозил превратиться в ураган. Можно было предвидеть, что «Генриетта» вскоре не сможет выдержать напора волн. А бегство от бури сулило неизвестность и всевозможные опасности.

Лицо Паспарту темнело одновременно с небом. Два дня честный малый испытывал смертельное беспокойство. Но Филеас Фогг был смелый моряк, он знал, как бороться со стихией, и шел вперед, не убавляя паров. Когда «Генриетта» не могла одолеть волны, она шла сквозь нее и проходила, хотя палубу и заливало водой. Иногда под напором водяных гор, подымавших корму судна, винт показывался над водой, и лопасти его бешено вращались в воздухе,— но, несмотря ни на что, судно двигалось вперед.

Однако ветер не достиг той силы, какой можно было опасаться. То был не ураган, несущийся со скоростью девяноста миль в час, а просто очень свежий ветер, но, к сожалению, он настойчиво дул с юго-востока и не позволял поставить паруса. А их помощь, как увидит читатель, была бы очень кстати!

Шестнадцатого декабря исполнилось семьдесят пять дней с момента отъезда из Лондона. В общем, «Генриетта» пока что не сильно опаздывала, и особенно тревожиться не приходилось. Самая трудная часть пути была позади, и оставалось пройти еще немного больше половины всего расстояния. Летом можно было бы поручиться за успех, но зимой все зависело от капризов погоды. Паспарту не высказывал своего мнения. В глубине души он надеялся, что если ветер не захочет служить, то можно рассчитывать на пар.

В этот самый день механик вышел на палубу, разыскал мистера Фогга и о чем-то горячо беседовал с ним.

Неизвестно почему — вероятно, в силу предчувствия — Паспарту охватило смутное беспокойство. Он охотно отдал бы одно ухо, чтобы услышать другим, что говорилось на мостике. Все же ему удалось разобрать несколько слов, и среди них — вопрос мистера Фогга:

— Вы уверены в том, что говорите?

— Уверен, сударь, — ответил механик. — Не забывайте, что с самого выхода в море все котлы в действии: на путь от Нью-Йорка до Бордо под малыми парами запасов угля хватило бы, но для перехода на всех парах от Нью-Йорка до Ливерпуля его не хватит.

— Я подумаю, — ответил мистер Фогг.

Паспарту понял все. Его охватило смертельное беспокойство. Уголь приходил к концу!

«Ну, — подумал он, — если мой хозяин справится с этим, то он просто великий человек!»

Столкнувшись с Фиксом, он не мог удержаться, чтобы не посвятить его в положение дел.

— Так вы воображаете, — процедил сквозь зубы сыщик, — что мы идем в Ливерпуль?!

— Черт возьми! Куда же еще!

— Глупец! — процедил полицейский инспектор и отошел, пожимая плечами.

Паспарту собирался тотчас же хорошенько отплатить за эту характеристику, понимая, впрочем, чем она была вызвана. Но, подумав, что бедный Фикс, вероятно, очень огорчен своей неудачей, что самолюбие его сильно задето этой бессмысленной кругосветной гонкой по ложному следу, Паспарту решил простить обиду.

На что же, однако, рассчитывал Филеас Фогг? Трудно было догадаться. Но, как видно, этот флегматичный джентльмен принял

какое-то решение, ибо в тот же вечер он позвал механика и сказал ему:

— Поддерживайте огонь и идите на всех парах до полного истощения запасов топлива.

Через несколько минут из труб «Генриетты» повалили густые клубы дыма.

Судно шло на всех парах, но через два дня, во вторник следующего числа, механик, как он и предупреждал, объявил, что угля осталось меньше чем на один день.

— Не убавлять огня! — приказал мистер Фогг. — Наоборот, увеличить давление пара.

В тот же день, около полудня, определив широту и долготу судна, мистер Фогг позвал Паспарту и велел ему привести капитана Спиди. Честный малый выслушал это приказание с таким видом, словно ему поручили спустить с цепи тигра, и, спускаясь с мостика, пробормотал:

— Ну и взбесится же он!

Действительно, через несколько минут в вихре криков и проклятий в рубку влетела бомба. Этой бомбой был капитан Спиди. Бомба явно готова была взорваться.

— Где мы?! — первым делом закричал капитан, задыхаясь от ярости. Можно было опасаться, что достойного капитана тут же хватит апоплексический удар. — Где мы?! — повторил он, весь багровый от гнева.

— В семистах семидесяти милях от Ливерпуля, — ответил мистер Фогг с невозмутимым спокойствием.

— Пират! — прохрипел Эндрю Спиди.

— Я приказал позвать вас, сударь...

— Морской разбойник!

— ... чтобы просить вас продать мне ваш корабль, — продолжал Филеас Фогг.

— Нет! Тысяча чертей, нет!

— Дело в том, что я буду вынужден сжечь его.

— Сжечь мой корабль?!

— Да, по крайней мере, деревянные части, ибо у нас не хватает топлива.

— Сжечь мой корабль! — завопил капитан Спиди, потеряв способность к членораздельной речи. — Корабль, который стоит пятьдесят тысяч долларов!

— Вот вам шестьдесят тысяч, — ответил Филеас, протягивая капитану пачку банковых билетов.

Это произвело магическое действие на Эндрю Спиди. Ни один американец не может равнодушно видеть шестьдесят тысяч долларов. Капитан в одно мгновение забыл свой гнев, свое заточение и всю ненависть, которую он питал к Филеасу Фоггу.

Судну было уже двадцать лет. Так что подобную сделку надо было считать находкой!.. Бомба уже не могла разорваться — Филеас Фогг вырвал из нее фитиль.

— А железный корпус пусть останется мне... — сказал капитан, значительно более мягким тоном.

— Да, и корпус и машина. Согласны?

— Согласен.

И Эндрю Спиди вырвал пачку банкнот из рук Филеаса Фогга, пересчитал их и засунул в карман.

Во время этой сцены Паспарту весь побелел. С Фиксом едва не сделался удар. Около двадцати тысяч фунтов уже истрачено, а этот Фогг еще отдает владельцу судна и корпус и машину, то есть почти все, что есть ценного в судне! Правда, украденная в банке сумма составляла пятьдесят пять тысяч фунтов!..

— Не удивляйтесь, — сказал мистер Фогг Эндрю Спиди, когда тот спрятал деньги. — Я потеряю двадцать тысяч фунтов стерлингов, если не прибуду в Лондон двадцать первого декабря в восемь часов сорок пять минут вечера. А так как в Нью-Йорке я опоздал на пакетбот, а вы отказались меня везти в Ливерпуль...

— И очень хорошо сделал, пятьдесят тысяч чертей! — воскликнул Эндрю Спиди. — Потому что я заработал по крайней мере сорок тысяч долларов! — Потом он прибавил более спокойным тоном: — Знаете что, капитан...

— Фогг.

— Так вот, капитан Фогг, в вас есть что-то от янки!

После этих слов, которые он считал комплиментом, Эндрю Спиди хотел было удалиться, но Филеас Фогг остановил его:

— Значит, теперь корабль принадлежит мне?

— Конечно, от килля до клотиков, но, разумеется, только «дерево»!

— Хорошо. Прикажете разобрать все внутренние переборки и топите ими.

Можно себе представить, сколько понадобилось сухого дерева, чтобы поддерживать достаточное давление пара. В этот день ют, рубка, каюты, нижняя палуба — все ушло в топки.

На другой день, 19 декабря, сожгли рангоут и его запасные части. Снесли мачты и разрубили их топорами. Экипаж работал с неимоверным рвением. Паспарту рубил, резал, пилил — словом, трудился за десятерых. Слово дух разрушения пронесся над кораблем.

На следующее утро, 20 декабря, фальшборт и все надводные части судна, а также большая часть палубы были сожжены. «Генриетту» так обкорнали, что та походила на плавучий понтон.

В этот день показался ирландский берег и стал виден маяк Фастенет.

Однако в десять часов вечера судно было еще лишь на траверсе Квинстауна. Чтобы достичь Лондона, у Филеаса Фогга оставалось в распоряжении только двадцать четыре часа. Между тем за это время «Генриетта» могла дойти лишь до Ливерпуля, даже идя на всех парах. А у отважного джентльмена уже нечем было поддерживать пары!

— Мне вас вправду жаль, сударь,— сказал капитан Спиди, заинтересовавшийся наконец планами мистера Фогга.— Все против вас! Мы еще только у Квинстауна.

— А!— заметил мистер Фогг.— Так это видны его огни? Можем мы войти в гавань?

— Не раньше, чем через три часа: только во время прилива.

— Что ж, подождем,— спокойно ответил мистер Фогг. По его лицу нельзя было заметить, что он намерен предпринять еще последнее усилие в борьбе с враждебной судьбой!

Квинстаун — небольшой порт на ирландском побережье, в котором трансатлантические пароходы сгружают почту из Соединенных Штатов, откуда она курьерскими поездами доставляется в Дублин, а затем на быстроходных судах перевозится в Ливерпуль, опережая таким образом на двенадцать часов самые быстроходные пакетботы океанских компаний.

Эти-то двенадцать часов, которые выгадывает таким способом американская почта, хотел выгадать и Филеас Фогг. Вместо того чтобы прибыть на «Генриетте» в Ливерпуль на следующий день вечером, он намеревался попасть туда в полдень и, следовательно, приехать в Лондон до восьми часов сорока пяти минут вечера.

Около часу ночи, во время прилива, «Генриетта» вошла в порт Квинстаун, и Филеас Фогг обменялся крепким рукопожатием с капитаном Спиди, который остался на своем ободранном судне, все же стоившем по крайней мере половину той суммы, которую он за него уже получил.

Пассажиры высадились на берег. В эту минуту Фикс испытывал сильнейшее желание арестовать мистера Фогга. Однако он этого не сделал! Почему? Какая борьба происходила в нем? Переменилось ли его мнение о мистере Фогге? Понял ли он наконец, что ошибся? Так или иначе, но Фикс не расстался с нашим джентльменом. Вместе с ним, миссис Аудой и Паспарту, который еще не успел отдышаться, он в половине второго ночи сел в Квинстауне в поезд, прибыл на рассвете в Дублин и тотчас пересел вместе со всеми на один из почтовых пароходов, настоящий стальной таран, который был снабжен настолько сильной машиной, что мог пренебрегать волнами и прорезывал их насквозь.

Без двадцати минут двенадцать 21 декабря Филеас Фогг был на Ливерпульской набережной. Он находился всего в шести часах от Лондона.

В эту минуту к нему подошел Фикс, положил ему руку на плечо и предъявил свои полномочия.

— Вы — господин Филеас Фогг?

— Да, сударь.

— Именем королевы вы арестованы.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ,

в которой Паспарту получает возможность очень зло пошутить

Филеас Фогг находился в тюрьме. Его заперли в полицейский пост при ливерпульской таможне, где он должен был провести ночь в ожидании перевода в Лондон.

В момент ареста Паспарту хотел броситься на сыщика, но его удержали полисмены. Миссис Ауда, подавленная грубостью всего случившегося и ни о чем не знавшая, ничего не могла понять. Паспарту объяснил ей, в чем дело. Мистер Фогг, этот честный и храбрый джентльмен, которому она была обязана жизнью, арестован как вор! Молодая женщина протестовала против подобного предположения, она возмущалась, плакала, видя, что ничего не может сделать, ничего предпринять для спасения своего спасителя.

Что касается Фикса, то он арестовал нашего джентльмена, ибо этого требовал его долг — все равно, виновен ли тот или нет. Правосудие разберется.

Ужасная мысль пришла тогда в голову Паспарту: мысль, что он один виновен в случившемся! В самом деле, зачем он скрыл от мистера Фогга всю эту историю? Почему, узнав, кто такой Фикс и какую цель он преследует, не предупредил о том своего господина? Зная об этом заранее, Филеас Фогг сумел бы представить Фиксу доказательства своей невиновности; он уж, конечно, разъяснил бы ему заблуждение и, во всяком случае, не возил бы с собою и за свой счет этого проклятого сыщика, первой заботой которого было арестовать мистера Фогга, едва они оба ступили на землю Соединенного королевства.

Размышляя о своей беспечности и неосмотрительности, бедный малый испытывал невыносимые угрызения совести. Он плакал, на него было жалко смотреть. Он готов был разбить себе голову!

Несмотря на холод, миссис Ауда и Паспарту остались у подъезда таможни. Ни он, ни она не хотели покидать этого места. Они хотели еще раз увидеть мистера Фогга.

Что касается нашего джентльмена, он был окончательно и бесповоротно разорен, и это случилось в тот миг, когда он уже почти достиг цели! Этот арест погубил его. Приехав без двадцати минут двенадцать 21 декабря в Ливерпуль, он еще имел в своем распоряжении девять часов пять минут, ибо должен был явиться

в Реформ-клуб в три четверти девятого,— а ведь до Лондона всего шесть часов езды!

Всякий, кто сумел бы проникнуть в таможенную в эту минуту, увидел бы мистера Фогга, который сидел на деревянной скамье, неподвижный, спокойный, невозмутимый. Нельзя было сказать, что он примирился с судьбой, но даже этот последний ее удар не мог его взволновать, по крайней мере наружно. Может быть, в нем кипело скрытое бешенство — тем более ужасное, что, долго сдерживаемое, оно способно прорваться в последнюю минуту? Неизвестно. Но Филеас Фогг был, как всегда, спокоен и ждал... Чего? Сохранял ли он еще какую-нибудь надежду? Верил ли он еще в успех, когда за ним закрылись двери тюрьмы?

Как бы то ни было, мистер Фогг бережно положил часы на стол и следил за движением стрелок. У него не вырвалось ни единого слова, но взгляд его был как-то особенно напряжен.

Во всяком случае, положение было ужасно, и для того, кто не мог читать мысли Филеаса Фогга, оно сводилось к следующему: Если Филеас Фогг честный человек — он разорен.

Если он вор — он пойман.

Думал ли он о спасении? Искал ли выхода из своей тюрьмы? Собирался ли бежать? Возможно, что да. Во всяком случае, он зачем-то вдруг поднялся с места и обошел комнату. Но дверь была крепко заперта, окно забрано железной решеткой. Он снова сел, вынул из бумажника свой маршрут и на той строке, где стояло: «21 декабря, суббота, Ливерпуль», прибавил: «80-й день, 11 часов 40 минут утра». После этого он продолжал ждать.

Часы на здании таможни пробили час. Мистер Фогг отметил, что его часы спешили на две минуты.

Два часа! Если бы он в эту минуту сел в курьерский поезд, то мог бы еще прибыть вовремя в Реформ-клуб. Лоб его слегка нахмурился...

В два часа тридцать три минуты снаружи послышался какой-то шум, раздавался скрип двери, прозвучали голоса Паспарту и Фикса.

В глазах мистера Фогга блеснул огонек.

Дверь полицейского поста открылась, и он увидел бросившихся к нему миссис Ауду, Паспарту, Фикса.

Фикс задышался, волосы его были растрепаны... Он едва мог говорить!

— Сударь,— бормотал он,— сударь... простите... злосчастное сходство... Вор уже три дня как арестован... вы... свободны!..

Филеас Фогг был свободен. Он подошел к сыщику. Пристально взглянув ему в лицо, он сделал первое и, вероятно, последнее быстрое движение в своей жизни: отвел обе руки назад и затем с точностью автомата ударил кулаками злосчастливого сыщика.

— Хороший удар, черт возьми! — воскликнул Паспарту и как

истый француз позволил себе зло пошутить:— Вот прекрасный урок английского бокса!

Сбитый с ног, Фикс не произнес ни слова. Он получил лишь то, что заслужил. Мистер Фогг, миссис Ауда и Паспарту немедленно покинули таможню. Они вскочили в карету и через несколько минут были уже на вокзале.

Филеас Фогг немедленно осведомился об экспрессе на Лондон... Было сорок минут третьего... Экспресс на Лондон отошел тридцать пять минут назад.

Тогда Филеас Фогг заказал специальный поезд.

На станции было несколько паровозов большой мощности, стоявших под парами, но по условиям железнодорожного движения экстренный поезд не мог отойти раньше трех часов дня.

Ровно в три часа Филеас Фогг, сказав несколько слов машинисту относительно премии, помчался в обществе молодой женщины и своего верного слуги по направлению к Лондону.

Надо было пройти за пять с половиной часов расстояние между Ливерпулем и Лондоном; это было бы вполне осуществимо, если бы путь оказался свободен на всем протяжении. Но по дороге происходили вынужденные задержки, и когда наш джентльмен прибыл на лондонский вокзал, все часы Лондона показывали девять часов без десяти минут.

Филеас Фогг совершил путешествие вокруг света, но прибыл в Лондон на пять минут позже назначенного срока!..

Он проиграл.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ,

в которой Паспарту не заставляет повторять два раза приказание, отданное ему мистером Фоггом

На другой день обитатели улицы Сэвиль-роу очень бы удивились, если бы им сказали, что Филеас Фогг вернулся в свой дом. Двери и окна были закрыты. Снаружи также не было заметно каких-нибудь изменений.

Действительно, покинув вокзал, Филеас Фогг приказал Паспарту закупить провизии и отправился домой.

Наш джентльмен перенес с обычным бесстрашием обрушившийся на него удар. Разорен! И по вине этого болвана — полицейского инспектора! Пройти уверенным шагом все расстояние, преодолеть на пути тысячу препятствий, не испугаться тысячи опасностей, найти даже время совершить по дороге несколько добрых дел — и вдруг у самой цели отступить перед грубой силой, которую нельзя было предвидеть и преодолеть,— это было действительно ужасно! От внушительной суммы, которую он захватил с собой при отъезде, оставались лишь жалкие остатки. Все его состояние

заклучалось теперь в двадцати тысячах фунтов стерлингов, находившихся в банкирском доме братьев Бэринг, но эти деньги он должен был уплатить своим коллегам по Реформ-клубу. После стольких расходов он не разбогател бы даже в том случае, если бы выиграл пари, да вряд ли он и рассчитывал разбогатеть, ибо принадлежал к числу людей, что держат пари лишь ради чести; но это проигранное пари совершенно разоряло его. Так или иначе, решение его было принято. Наш джентльмен знал, что ему остается делать.

Одна из комнат дома на Сэвиль-роу была предоставлена в распоряжение миссис Ауды. Молодая женщина была в отчаянии. По некоторым словам мистера Фогга она поняла, что он обдумывает какой-то зловещий план.

Всем известно, до каких плачевных результатов доходят иногда одержимые навязчивой идеей англичане-мономаны. Поэтому Паспарту, не подавая виду, зорко следил за своим господином.

Но прежде всего честный малый поднялся в свою комнату и потушил газовый рожок, который горел восемьдесят дней. В ящике для писем он нашел счет газовой компании и счел более чем своевременным прекратить этот расход, который касался его лично.

Ночь прошла. Мистер Фогг лег спать, но заснул ли он? Что касается миссис Ауды, то она ни на мгновение не смыкала глаз. Паспарту, как верный пес, всю ночь бодрствовал у двери хозяина.

На следующее утро мистер Фогг позвал его и коротко приказал заняться приготовлением завтрака для миссис Ауды. Сам он ограничится чашкой чая и поджаренным хлебом. Пусть миссис Ауда извинит его за то, что он не выйдет к завтраку и к обеду, ибо он намерен заняться приведением в порядок своих дел. Вечером же он просит ее уделить ему несколько минут для разговора.

Паспарту оставалось только выполнять указанное ему расписание дня. Но он смотрел на своего, как всегда, невозмутимого господина и не мог решиться выйти из комнаты. На сердце у него было тяжело. Его терзали угрызения совести, ибо он больше, чем когда-либо, обвинял себя в случившейся непоправимой беде. Да, если бы он предупредил мистера Фогга, если бы он раскрыл планы Фикса, мистер Фогг, конечно, не потащил бы за собой сыщика в Ливерпуль и тогда...

Паспарту не мог больше сдержаться...

— Сударь, господин Фогг, прокляните меня! — вскричал он. — Это моя вина, что...

— Я никого не обвиняю, — самым спокойным тоном ответил мистер Фогг. — Ступайте!

Паспарту вышел из комнаты и отправился к молодой женщине, чтобы сообщить ей о намерениях своего господина.

— Сударыня,— сказал он,— сам я ничего не могу сделать! Я не имею никакого влияния на господина Фогга. Может быть, вы...

— А какое же я могу иметь влияние! — отвечала миссис Ауда.— Мистер Фогг не из тех людей, что поддаются влиянию! Он никогда не понимал чувства моей беспредельной к нему благодарности! Заглянул ли он хоть раз в мое сердце?.. Друг мой, его нельзя покидать ни на мгновение. Вы говорите, он выразил желание побеседовать со мною сегодня вечером?

— Да, сударыня. Как видно, он намерен позаботиться о вашей будущей жизни в Англии.

— Подождем,— сказала молодая женщина и задумалась.

Так что в это воскресенье дом на Сэвиль-роу казался необитаемым; в первый раз за все свое пребывание в этом доме Филеас Фогг не отправился в клуб, когда на башне парламента пробило половину двенадцатого.

И зачем бы наш джентльмен пошел в Реформ-клуб? Там его уже больше никто не ждал. Раз он не появился в клубе вчера в роковую субботу, 21 декабря, в восемь часов сорок пять минут вечера, пари его было проиграно. Ему даже не надо было идти к своему банкиру, чтобы взять у него для расплаты двадцать тысяч фунтов стерлингов. В руках его противников находился подписанный им чек, и достаточно было предъявить его, чтобы деньги Филеаса Фогга были переведены на их счет.

Итак, мистеру Фоггу незачем было выходить из дому, и он не вышел. Он остался у себя в комнате и занялся приведением в порядок своих дел. Паспарту все время бегал вверх и вниз по лестнице дома на Сэвиль-роу. Часы для бедного малого тянулись бесконечно долго. Он подслушивал у дверей своего господина и не считал, что поступает нескромно! Он смотрел в замочную скважину и воображал, что имеет на это право! Паспарту каждую минуту ждал катастрофы. Иногда он вспоминал о Фиксе, но его мнение о сыщике резко изменилось. Он больше не обвинял полицейского инспектора. Фикс ошибся относительно Фогга, как и многие другие, но, выслеживая и арестовывая его, считал, что выполняет свой долг, в то время как он, Паспарту... Эта мысль угнетала его, и он считал себя последним негодяем... Когда Паспарту становилось невмочь оставаться одному, он стучался к миссис Ауде, входил к ней в комнату, молча садился в угол и смотрел на молодую женщину, по-прежнему погруженную в задумчивость.

Около половины восьмого вечера мистер Фогг осведомился у миссис Ауды, может ли она принять его, и вскоре они остались вдвоем в ее комнате.

Филеас Фогг взял стул и сел у камина против молодой женщины. На его лице ничего нельзя было прочесть. Мистер Фогг после возвращения остался таким же, каким был до отъезда.

Они просидели молча минут пять. Потом он поднял глаза на миссис Ауду и сказал:

— Сударыня, простите ли вы мне, что я привез вас в Англию?

— Прощу ли? Мистер Фогг, я...— пролепетала молодая женщина, сердце которой сильно билось.

— Позвольте мне кончить,— продолжал мистер Фогг.— Когда я решил увезти вас из страны, ставшей для вас столь опасной, я был богат и рассчитывал предоставить в ваше распоряжение часть своего состояния. Вы жили бы тогда свободно и счастливо. Теперь же я разорен.

— Я это знаю, мистер Фогг,— отвечала молодая женщина,— и в свою очередь спрашиваю вас: простите ли вы мне, что я последовала за вами и — кто знает? — быть может, этим способствовала вашему разорению?

— Сударыня, вы не могли оставаться в Индии, и ваша безопасность требовала, чтобы вы уехали настолько далеко от этих фанатиков, чтобы они не могли схватить вас.

— Итак, мистер Фогг,— продолжала миссис Ауда,— мало того, что вы спасли меня от ужасной смерти, вы еще считаете себя обязанным обеспечить мое существование на чужбине?

— Да, сударыня,— ответил мистер Фогг,— но обстоятельства обернулись против меня. Все же я прошу вас позволить мне предоставить в ваше распоряжение то небольшое, что у меня осталось.

— Но, мистер Фогг, что же будет с вами? — спросила миссис Ауда.

— Мне, сударыня,— ответил холодно джентльмен,— ничего не надо.

— Но как вы представляете себе ваше будущее?

— Так, как должно,— ответил мистер Фогг.

— Во всяком случае,— продолжала миссис Ауда,— такой человек, как вы, не может впасть в нужду. Ваши друзья...

— У меня нет друзей, сударыня.

— Ваши родные...

— У меня нет родных.

— Если так, я вас очень жалею, мистер Фогг, ибо одиночество — очень печальная вещь! Как! Неужели нет никого, с кем бы вы могли поделиться своим горем! Говорят, однако, что вдвоем и бедность не так страшна!

— Да, сударыня, говорят.

— Мистер Фогг,— сказала молодая женщина, поднимаясь и протягивая ему руку,— хотите приобрести сразу и родственницу и друга? Хотите, чтобы я стала вашей женой?

При этих словах мистер Фогг в свою очередь встал с места. Какой-то непривычный свет блеснул в его глазах, губы его как

будто слегка дрогнули. Миссис Ауда пристально смотрела на него. Искренность, прямста, твердость и нежность благородной женщины, которая решается на все, чтобы спасти того, кому она всем обязана, сначала удивили, затем глубоко тронули его. На мгновение он закрыл глаза, словно избегая ее взгляда и боясь, что он проникнет дальше, чем следует... Потом он вновь открыл их.

— Я люблю вас! — просто сказал он. — Клянусь вам всем святым на свете: я люблю вас и я весь ваш.

— Ах! — воскликнула миссис Ауда, прижимая руку к сердцу.

Мистер Фогг позвонил Паспарту. Тот тотчас явился. Филеас Фогг продолжал держать в своей руке руку миссис Ауды. Паспарту понял все, и его широкое лицо засияло, как тропическое солнце в зените.

Мистер Фогг спросил его, не поздно ли еще уведомить преподобного Сэмюэля Уильсона из прихода Мэри-ле-Бон.

Паспарту улыбнулся счастливой улыбкой.

— Никогда не поздно, — сказал он.

Было пять минут девятого.

— Значит, завтра в понедельник! — прибавил Паспарту.

— Завтра в понедельник? — спросил мистер Фогг, глядя на молодую женщину.

— Завтра в понедельник! — ответила миссис Ауда.

Паспарту выбежал из комнаты.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ,

в которой Филеас Фогг вновь становится ценностью на бирже

Теперь настало время сказать, какой переворот произошел в общественном мнении Соединенного королевства, когда разнеслась весть об аресте настоящего вора, некоего Джемса Стрэнда, который был задержан в Эдинбурге 17 декабря.

За три дня до этого Филеас Фогг считался преступником, которого настойчиво преследует полиция, теперь же это был честнейший джентльмен, совершающий с математической точностью свое эксцентрическое путешествие вокруг света.

Какой шум и гам поднялся в газетах! Все пари, которые держались «за» или «против» мистера Фогга и были уже забыты, вновь воскресли, как по волшебству. Все прежние сделки снова стали действительными. Новые заключались с удвоенной энергией. Имя Филеаса Фогга опять стало котироваться на бирже.

Пять коллег нашего джентльмена по Реформ-клубу провели эти последние три дня в некотором беспокойстве. Этот Филеас Фогг, о котором они и думать позабыли, вновь появился на свет! Где он теперь?! 17 декабря — в день, когда был арестован Джемс

Стрэнд,— минуло семьдесят шесть дней со времени отъезда Филеаса Фогга из Лондона, а от него не было никаких известий! Потерпел ли он неудачу? Отказался ли от борьбы, или все еще движется по избранному им маршруту? Появится ли он в субботу, 21 декабря, ровно в восемь часов сорок пять минут вечера, как воплощение точности, на пороге салона Реформ-клуба?

Невозможно описать то волнение, в котором находилось эти три дня английское общество. В Америку, в Азию полетели депеши с запросами о Филеасе Фогге! Утром и вечером ходили смотреть дом на Сэвиль-роу... Ничего. Сама полиция не знала, что случилось с сыщиком Фиксом, который так неудачно бросился по ложному следу. Все это не мешало людям вновь заключать все более и более крупные пари, спорить на все более крупные суммы. Филеас Фогг, как скаковая лошадь, делал последний поворот. Против него ставили уже не по сто, а по двадцати, по десяти, по пяти против одного, а старый паралитик лорд Олбермейль держал за него пари на равных условиях.

Итак, в субботу вечером на Пэль-Мэль и на прилегающих улицах толпилось много народу. Целая толпа маклеров все время стояла около здания Реформ-клуба. Движение было затруднено. Всюду спорили, кричали, объявляли курс «Филеаса Фогга», точно так же как объявляют курс английских ценностей на бирже. Полисмены с трудом сдерживали толпу, и, по мере того как обусловленный час возвращения Филеаса Фогга приближался, общее волнение принимало необычайные размеры.

В этот вечер все пятеро партнеров нашего джентльмена собрались задолго до девяти часов вечера в большом салоне Реформ-клуба. Оба банкира — Джон Сэлливан и Сэмюэль Фаллентин, инженер Эндрю Стюарт, Готье Ральф, один из администраторов Английского банка, и пивовар Томас Флэнаган — все ждали с явным беспокойством.

В то мгновение, когда стенные часы показывали двадцать пять минут девятого, Эндрю Стюарт поднялся и сказал:

— Господа, через двадцать минут истечет срок, назначенный нами и мистером Фоггом.

— В котором часу пришел последний поезд из Ливерпуля? — спросил Томас Флэнаган.

— В семь часов двадцать три минуты, — отвечал Готье Ральф, — а следующий приходит только в десять минут первого ночи.

— Итак, господа, — продолжал Эндрю Стюарт, — если бы Филеас Фогг приехал этим поездом, то он был бы уже здесь. Мы можем считать пари выигранным.

— Подождем. Не будем судить раньше времени, — возразил Сэмюэль Фаллентин. — Вы ведь знаете, что наш коллега — исключительный оригинал. Его точность во всем общеизвестна. Он никогда

не приходит ни слишком поздно, ни слишком рано, и я не удивлюсь, если он появится здесь в последнюю минуту.

— А я,— заметил как всегда нервный Эндрю Стюарт,— даже если увижу его, то не поверю.

— В самом деле,— сказал Томас Флэнаган,— проект Филеаса Фогга был безрассудным. Какова бы ни была его точность, он все же не мог избежать неминуемых в таком длинном путешествии задержек, а задержка лишь на два или на три дня должна была окончательно погубить все дело.

— Заметьте, кстати, что мы не имели никаких известий от мистера Фогга,— добавил Джон Сэлливан,— а между тем во многих пунктах его маршрута имеется телеграф.

— Он проиграл, господа,— воскликнул Эндрю Стюарт,— он сто раз проиграл! Вы знаете, между прочим, что «Китай» — единственный пакетбот, на который он мог сесть в Нью-Йорке, чтобы попасть вовремя в Ливерпуль,— прибыл вчера. Вот список его пассажиров, помещенный в «Шиппинг-газет»; имени Филеаса Фогга там нет. При самых благоприятных условиях наш коллега находится теперь всего лишь в Америке! Я полагаю, что он опоздает по крайней мере на двадцать дней против назначенного срока. И пять тысяч фунтов старого лорда Олбермейля пойдут прахом.

— Это очевидно,— согласился Готье Ральф,— завтра нам останется лишь предъявить братьям Бэринг чек мистера Фогга.

В это мгновение стенные часы в салоне показывали восемь часов сорок минут.

— Еще пять минут,— сказал Эндрю Стюарт.

Пять членов Реформ-клуба переглянулись. По всей вероятности, сердца их забились быстрее, ибо даже для хороших игроков ставка была весьма крупной! Но они не хотели выказывать своего волнения и по предложению Фаллентина уселись за карточный стол.

— Я не отдал бы своей доли пари даже в том случае, если бы за четыре тысячи фунтов мне предложили три тысячи девятьсот девяносто девять,— заметил, садясь, Эндрю Стюарт.

Стрелка часов показывала восемь часов сорок две минуты.

Игроки взяли карты, но каждое мгновение их взгляд устремлялся на часы. Можно смело утверждать, что, как ни велика была их уверенность в выигрыше, никогда минуты не тянулись для них так долго!..

— Восемь часов сорок три минуты,— сказал Томас Флэнаган, снимая колоду, предложенную ему Готье Ральфом.

Наступило минутное молчание. В обширном салоне было тихо, но с улицы доносился гул толпы, из которого иногда выделялись резкие выкрики. Маятник стенных часов отбивал секунды с математической точностью. Каждый игрок мог считать его удары, отчетливо раздававшиеся в ушах.

— Восемь часов сорок четыре минуты! — сказал Джон Сэлливан голосом, в котором слышалось невольное волнение.

Еще одна минута — и пари будет выиграно. Эндрю Стюарт и его партнеры больше не играли. Они бросили карты на стол. Они считали секунды.

На сороковой секунде — ничего! На пятидесятой — все еще ничего!

На пятьдесят пятой секунде с улицы донесся шум, походивший на раскаты грома, слышались аплодисменты, крики «ура» и даже проклятия, — все это слилось в общий несмолкаемый гул.

Игроки поднялись со своих мест.

На пятьдесят седьмой секунде дверь салона отворилась, и маятник часов не успел еще качнуться в шестидесятый раз, как на пороге показался Филеас Фогг в сопровождении обезумевшей толпы, которая насильно ворвалась за ним в клуб.

— Вот и я, господа, — произнес он спокойным голосом.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ,

в которой доказывается, что, совершив кругосветное путешествие, Филеас Фогг не выиграл ничего, кроме счастья

Да! Это был Филеас Фогг собственной персоной.

Читатель помнит, что в восемь часов пять минут вечера, приблизительно через сутки после прибытия наших путешественников в Лондон, Паспарту было поручено его господином уведомить преподобного Сэмюэля Уильсона о некоем браке, который должен был совершиться на следующий день.

Паспарту с восторгом отправился выполнять это поручение. Он быстро зашагал к дому преподобного Сэмюэля Уильсона, но не застал его. Разумеется, Паспарту остался подождать его и прождал добрых минут двадцать.

Словом, в восемь часов тридцать пять минут он вышел из дома преподобного отца. Но в каком виде! Растрепанный, без шляпы, он бежал, бежал так, как еще ни один человек не бежал по улице: он мчался по тротуару, словно смерч, опрокидывая по пути прохожих. Через три минуты он был уже дома на Сэвиль-роу и, задыхаясь, ворвался в комнату мистера Фогга.

Он не мог вымолвить ни слова.

— Что случилось? — спросил мистер Фогг.

— Сударь... — пробормотал Паспарту, — брак... невозможен...

— Невозможен?

— Да... завтра невозможен.

— Почему?

— Потому что завтра... воскресенье!

— Понедельник, — возразил мистер Фогг.

— Нет... сегодня... суббота...

— Суббота? Быть не может!

— Да, да, да! — закричал Паспарту. — Вы ошиблись на день! Мы приехали на двадцать четыре часа раньше... Но теперь остается только десять минут!.. — Паспарту схватил своего господина за воротник и с силой потащил за собой.

Не успев ничего сообразить, Филеас Фогг, увлекаемый своим слугою, очутился на улице, вскочил в кеб, обещал сто фунтов кучеру и, раздавив по дороге двух собак и зацепив пять карет, прибыл в Реформ-клуб.

Стенные часы показывали восемь часов сорок пять минут, когда он появился в большом салоне...

Филеас Фогг совершил путешествие вокруг света в восемьдесят дней!..

Филеас Фогг выиграл пари в двадцать тысяч фунтов стерлингов!..

Но как же столь точный, столь аккуратный человек мог ошибиться на целые сутки? Как он мог думать, что прибыл в Лондон в субботу, 21 декабря, когда на самом деле он приехал в пятницу, 20 декабря, — всего лишь через семьдесят девять дней после своего отъезда?

Вот причина этой ошибки. Она очень проста. Филеас Фогг, сам того не подозревая, выиграл целые сутки по сравнению со своими записями, ибо, совершая свое путешествие вокруг света, он двигался на *восток*, и, напротив, он потерял бы целые сутки, если бы двигался в противоположном направлении, то есть на *запад*.

Действительно, продвигаясь на восток, Филеас Фогг шел навстречу солнцу, и, следовательно, дни для него столько раз уменьшались на четыре минуты, сколько градусов он проезжал в этом направлении. Так как окружность земного шара делится на триста шестьдесят градусов, но эти триста шестьдесят градусов, умноженные на четыре минуты, дают ровно двадцать четыре часа, то есть сутки, которые и выиграл Филеас Фогг. Иначе говоря, в то время как Филеас Фогг, двигаясь на восток, видел *восемьдесят раз* прохождение солнца через меридиан, его коллеги, оставшиеся в Лондоне, видели только *семьдесят девять* таких прохождений. Вот почему именно в этот день — в субботу, а не в воскресенье, как полагал Филеас Фогг, — они ожидали его в салоне Реформ-клуба.

Если бы знаменитые часы Паспарту, которые неизменно показывали лондонское время, помимо часов и минут, показывали бы еще и дни, то они отметили бы это обстоятельство.

Итак, Филеас Фогг выиграл двадцать тысяч фунтов стерлингов. Однако так как он издержал в пути около девятнадцати тысяч, то денежный результат пари был незначителен. Но, как уже было сказано, наш чудака не искал денег, он принял условия этого пари, как принимают условия состязания. Он даже разделил оставшуюся

тысячу фунтов между честным Паспарту и злосчастным Фиксом, на которого не был способен сердиться. Однако из денег, предназначенных Паспарту, он все же порядка ради удержал стоимость газа, горевшего по вине француза тысячу девятьсот двадцать часов.

В тот же вечер мистер Фогг, как всегда спокойный и бесстрастный, обратился к миссис Ауде:

— Вы по-прежнему согласны на наш брак, сударыня?

— Мистер Фогг,— отвечала миссис Ауда,— мне кажется, это я должна задать вам такой вопрос. Вы были разорены, теперь вы вновь богаты...

— Простите, сударыня, это состояние принадлежит вам. Если бы вам не пришла мысль об этом браке, мой слуга не пошел бы к преподобному Сэмюэлю Уильсону, я не был бы предупрежден о своей ошибке и...

— Дорогой мистер Фогг...— сказала женщина.

— Дорогая Ауда...— ответил Филеас Фогг.

Само собой разумеется, что свадьба состоялась сорок восемь часов спустя. Паспарту, гордый, разодетый и сияющий, был свидетелем со стороны невесты. Разве, спасши ее, он не заслужил этим подобной чести?

На другой день, на рассвете, Паспарту громко постучал в дверь своего господина. Дверь отворилась, и бесстрастный джентльмен появился на пороге.

— Что случилось, Паспарту? — спросил он.

— Что случилось? Сударь, я только сейчас сообразил...

— Что именно?

— Что мы могли бы совершить путешествие вокруг света всего лишь за семьдесят восемь дней.

— Несомненно,— ответил мистер Фогг,— не проезжая через Индию. Но если бы я не попал в Индию, я не спас бы миссис Ауду, она не стала бы моей женой и...

И мистер Фогг преспокойно закрыл дверь.

Итак, Филеас Фогг выиграл пари. Он в восемьдесят дней объехал вокруг света! Он использовал для этого все средства передвижения: пакетботы, железные дороги, коляски, яхты, торговые суда, сани и даже слона. Экцентричный джентльмен выказал во время этого путешествия изумительную точность и хладнокровие. Ну, а дальше? Что он выиграл в результате своей поездки? Что привез он с собой?

Ничего, скажут некоторые? Да, ничего, если не считать очаровательной жены, которая — как это ни покажется невероятным — сделала его самым счастливым человеком в мире!

А разве для одного этого не стоит объехать вокруг света?

Жюль Верн
ВОКРУГ СВЕТА В ВОСЕМЬДЕСЯТ ДНЕЙ

Для старшего и среднего школьного возраста

Текст печатается по изданию:
Жюль Верн. Собр. соч. в 12-ти т.
Т. 6. М., Гослитиздат, 1956

Редактор *Ю. В. Слюсарева*
Художественный редактор *Л. Н. Десятков*
Технический редактор *Э. С. Иванова*
Корректор *В. А. Ульянова*

ИБ № 1024

Сдано в набор 26.11.82. Подписано в печать 20.07.83. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская №1. Литературная гарнитура. Офсетная печать. Усл. печ. л. 11,16. Усл. кр.-отт. 33,71. Уч.-изд. л. 12,39. Тираж 200 000 (1-й зав. 1-100 000) экз. Заказ 3745. Изд. № 35. Цена 1 руб. 10 коп.

Издательство «Карелия». 185610. Петрозаводск, пл. В. И. Ленина, 1. Республиканская ордена «Знак Почета» типография им. Анохина Государственного комитета Карельской АССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 185630. Петрозаводск, ул. «Правды», 4.

Верн Жюль

В 35 Вокруг света в восемьдесят дней / Пер. с фр. Н. С. Габинского под ред. Я. З. Лесюка. Худож. П. И. Луганский.— Перезид.— Петрозаводск: Карелия, 1983.—191 с., ил.

В 4803020000—071
М127(03)—83 без объявл.

И (Фр.)

1940 R

BRITISH
LIBRARY